Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Мельник Даниил Эдуардович

ЗАПРЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Специальность 5.1.3. частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Лескова Юлия Геннадьевна,
доктор юридических наук, профессор

Москва – 2026

Содержание

Введение 3

Глава 1 Теоретико-правовые основы запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ 24

1.1 Доктринальные подходы к соотношению понятий «запрет» и «ограничение» 24

1.2 Содержание права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ 47

1.3 Виды запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ 83

Глава 2 Запреты на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ отдельных категорий лиц 122

2.1 Запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом 122

2.2 Дисквалификация лица как основание установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ 141

2.3 Законодательный запрет на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ 169

Глава 3 Ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ 189

3.1 Пределы ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративном договоре 189

3.2 Ограничение прав акционеров при голосовании: способы и последствия ограничения 202

3.3 Ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ при наследовании и разделе совместно нажитого имущества супругов 216

Заключение 232

Библиография 237

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ является одним из ключевых корпоративных прав, обеспечивающих согласование воли всех участников хозяйственного общества для достижения общих целей. Следует отметить, что в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к расширению способов установления запретов и ограничений данного права, необходимых для обеспечения стабильности корпоративных правоотношений, борьбы с недобросовестным поведением участников, адаптации к санкционному давлению, защиты стратегических активов и ограничения влияния недружественных участников (акционеров).

Исходя из положений ст. 8 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) следует, что «в Российской Федерации гарантируется … свобода экономической деятельности»[1], однако излишняя дозволительность при отсутствии необходимых ограничителей может привести не к наиболее полной реализации принципа свободы экономической деятельности, а к нарушению прав и законных интересов её участников. Вводимые ограничения и запреты права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, должны рассматриваться не как исключение из принципа свободы экономической деятельности, а как способ его реального осуществления. Однако следует отметить, что правомерность таких запретов и ограничений неоднократно была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), например в Определении КС РФ

[1] Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 09.04.2026).

от 13 марта 2018 г. № 580-О[1], от 13 марта 2018 г. № 581-О[2], от 13 марта 2018 г. № 582-О[3], ставилось под сомнение соответствие Конституции РФ подп. «ф» п. 1 ст. 23 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – ФЗ «О государственной регистрации ЮЛ и ИП)[4], который запрещает регистрацию юридических лиц. Однако, по мнению КС РФ, положение вышеуказанного закона «не может рассматриваться ни как чрезмерное, ни как непропорциональное, ни как несовместимое с конституционно значимыми ценностями ограничение конституционных прав граждан»[5], что является весьма спорным.

Излишнее использование ограничений (причем не всегда обоснованных) может привести к еще большим проблемам, «сковыванию» экономической инициативы, опасениям заниматься активной экономической деятельностью и невозможности реализации потенциала экономически активного населения. Показательным в данной ситуации будет пример запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, который устанавливается в отношении обанкротившихся лиц, и затрагивает также добросовестных банкротов, чья финансовая несостоятельность не связана с принятием ошибочных управленческих решений и не представляет угрозы для интересов общества или его кредиторов. По данным Федресурса за 2025 год «количество

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 580-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 581-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 582-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. (часть I). Ст. 3431.

[5] Габов А. В. Запреты и ограничения для граждан на участие в учреждении юридического лица в законодательстве о государственной регистрации юридических лиц // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

судебных банкротств физических лиц и индивидуальных предпринимателей достигло 568 тысяч, что на 31,5% больше, чем в 2024 году»[1]. Значительная доля обанкротившихся лиц могла бы быть полезна экономике. Очевидно, что универсальный запрет на управление для всех без исключения банкротов перестает быть оправданным, в связи с тем, что не дифференцирует заведомо недобросовестных лиц и тех, чья несостоятельность явилась следствием объективных рыночных обстоятельств.

В то же время, в ряде случаев наблюдается и обратная ситуация, когда ограничения и запреты формально установлены, но фактически не приносят должного результата, что также создаёт правовую неопределённость и может приводить к злоупотреблениям или конфликтам между участниками хозяйственных обществ. Например, при дисквалификации лица у него сохраняется возможность участвовать в управлении деятельностью хозяйственных обществ до вступления в законную силу соответствующего постановления суда, что позволяет такому лицу ещё некоторое время продолжать оказывать влияние на принятие ключевых внутрикорпоративных решений. Временной разрыв между вынесением постановления суда о дисквалификации и вступлением его в законную силу создает «серую зону», которую недобросовестные участники хозяйственных обществ могут использовать в целях принятия недобросовестных решений. По состоянию на 08.04.2026 г. по данным Федресурса в реестре дисквалифицированных лиц числится 9 586 человек[2] (реестр составлен на основе открытых данных ФНС России). Поскольку до вступления судебного постановления в законную силу дисквалифицированное лицо не утрачивает право подписи, а оспаривание его

[1] Банкротства в России: итоги 2025 года. Статистический релиз Федресурса URL: https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%202025%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

[2] Реестр дисквалифицированных лиц URL: https://bankrot.fedresurs.ru/disqualificants (дата обращения: 09.04.2026).

действий требует длительного судебного разбирательства, превентивный эффект дисквалификации на данном этапе практически утрачивается.

Анализ доктрины и правоприменительной практики свидетельствует об отсутствии системного подхода к установлению запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Исследуемые запреты и ограничения носят фрагментарный, зачастую случайный характер и представляют собой разрозненные меры, принимаемые ситуативно. Лишь события последних лет, связанные с беспрецедентным санкционным давлением, привели к осознанию того, что ограничения и запреты должны образовывать внутренне согласованную систему, а не быть простой реакцией на внешние вызовы. В этой связи исследование запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных является актуальным не только для хозяйственных обществ и их участников, но и для гражданского оборота в целом.

Степень разработанности научной проблемы. Теоретические подходы к определению сущности, правовой природы и признаков *«запретов»* и *«ограничений»* исследуются в фундаментальных и прикладных работах отечественных авторов: С. С. Алексеева, Н. Н. Алексеева Н. Г. Братко, Д. Д. Гримма, О. С. Иоффе, В. П. Камышанского, А. В. Малько, Н. Н. Рыбушкина, М. М. Султыгова, Ю. Н. Слепченко, Ф. Н. Фаткуллина и др.

Исследованию *«пределов»* в праве посвящены работы следующих ученых: Д. А. Абезина, А. П. Анисимова, А. М. Гуляева, Г. А. Гаджиева, Н. Д Григорьева, В. П. Грибанова, В. П. Крашенинникова, Д. И. Мейера, А. А. Подмарева, Н. С. Потапенко, А. А. Степанова и др. авторов.

Вопросы, связанные с ограничением корпоративных прав, были рассмотрены в трудах: А. С. Александрова, А. В. Габова, А. С. Власова, О. И. Гентовт, А. В. Гутенева, М.А. Ионцева, В. А. Лаптева, И. С. Шиткиной и др. Исследованию вопросов, связанных с содержанием права на участие в управлении деятельность хозяйственных обществ посвящены работы: В. К. Андреева, О. В. Гутникова, С. И. Луценко, В. А. Лаптева, Ю. Г. Лесковой,

И. С. Шиткиной и др. ученых. Отдельные виды запретов и ограничений были исследованы в трудах: С. Д. Могилевского, А. В. Габова, И. С. Шиткиной, А. Е. Осиповой, О. И. Гентовт, М. Ю. Тихомирова, О. В. Осипенко и др. ученых.

Изучению вопроса, связанного с запретом на участие обанкротившихся лиц в управлении деятельностью хозяйственных обществ, посвящены труды: С. Л. Будылина, В. И. Григорьева, Ю. С. Поварова, С. А. Слесарева и др. Запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленный в отношении лиц, подвергнутых дисквалификации, исследовали: О. В. Осипенко, П. В. Каленский, А. С. Гомонов, Р. А. Лубский, В. А. Климов, Т. А. Гумеров, Ю. С. Харитонова, А. А. Мохов и др. Исследованием вопроса о запрете государственным гражданским служащим принимать участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ занимались: М. В. Карпычев, А. М. Хужин, К. В. Черкасов, А. С. Сергеев, С. Г. Киселёв, С. П. Гришаев и др.

Пределы ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративном договоре были исследованы в работах: А. С. Александровой, А. В. Булата, М. А. Егоровой, А. Е. Осиповой, Л. В. Русских, С. Ю. Филипповой и др. Некоторые проблемные вопросы ограничения прав акционеров при голосовании рассматривались в трудах: И. Т. Тарасова, Г. Ф. Шершеневича, И. А. Самойлова, В. Г. Крылова, И. С. Шиткиной, А. В. Габова, Д. В. Ломакина и др. авторов. Отдельные проблемные положения ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ при наследовании и разделе совместно нажитого имущества супругов нашли отражение в трудах: А. Н. Левушкина, И. С. Шиткиной, А. В. Габова, И. А. Самойлова, Е. А. Козиной, Т. А. Батровой, Ю. С. Харитоновой и других ученых.

Диссертационных исследований, посвященных проблеме запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, в настоящее время не наблюдается. В 2021 году, О. И. Гентовт на

уровне диссертационного исследования под названием *«Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ»* были проанализированы проблемные аспекты ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ, однако вопросу ограничения корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в диссертации не уделялось достаточного внимания, в то время как запрет осуществления указанного корпоративного права вовсе не был исследован.

Цель и задачи диссертационного исследования. Цель диссертационного исследования состоит в разработке теоретических и практических положений, в совокупности позволяющих выстроить единообразный подход к понимаю видов, оснований и последствий установления запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, а также предложении научных рекомендаций по устранению правовых пробелов и разрешению правовых коллизий в исследуемой области.

Цель исследования достигается посредством решения следующих **задач:**

- исследовать доктринальные подходы к соотношению понятий «запрет», «ограничение» и «предел»;

- раскрыть содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ;

- показать многообразие видов запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ;

- рассмотреть особенности запрета на участие обанкротившихся лиц в управлении деятельностью хозяйственных обществ;

- проанализировать отличительные черты дисквалификации, как основания установления запрета участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ;

- раскрыть специфику законодательного запрета на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ;

- определить пределы ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративном договоре;

- исследовать способы и последствия ограничения прав акционеров при голосовании;

- рассмотреть особенности ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ при наследовании и разделе совместно нажитого имущества супругов;

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся при установлении запретов и ограничений осуществления права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран.

Предметом диссертационного исследования являются нормы российского и зарубежного законодательства, судебная практика, доктринальные источники, посвящённые проблемным вопросам запретов и ограничений осуществления корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ.

Теоретическая и методологическая основа диссертационного исследования. Фундамент теоретических конструкций диссертационного исследования представлен работами видных цивилистов по вопросам о системе юридических лиц и места в них корпоративных организаций / корпоративных некоммерческих организаций (Е. А. Суханова, С. Д. Могилевского, Н. В. Козловой, Т. В. Сойфер).

Теоретическую основу исследования составили труды учёных: монографии, диссертационные исследования, научные статьи, учебная литература по исследованию вопросов, связанных с изучением «запретов», «ограничений» и «пределов» в праве (С. С. Алексеева, Н. Н. Алексеева,

Н. Г. Братко, Д. Д. Гримма, В. П. Грибанова, О. С. Иоффе, В. П. Камышанского, А. В. Малько, Н. Н. Рыбушкина, М. М. Султыгова, Ю. Н. Слепченко, Ф. Н. Фаткуллина и др.), а также исследовались работы ученых, непосредственно связанные с установлением отдельных запретов и ограничений осуществления корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ (А. С. Александрова, А. С. Власова, О. И. Гентовт, А. В. Гутенева, М. А. Ионцева, В. А. Лаптева, И. А. Самойлова, С. Д. Могилевского, И. С. Шиткиной, А. В. Габова, Д. В. Ломакина, А. Н. Левушкина, Ю. С. Харитоновой, Ю. С. Поварова, В. Г. Крылова и др.)

Методологической основой диссертационного исследования являются общенаучные и частно-научные методы. К общенаучным методам, использованным при проведении исследования, относятся: всеобщий диалектический метод, дедукция и индукция, анализ и синтез, системный метод исследования, метод обобщения и систематизации. К частно-научным методам относятся: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования и другие.

Информационная база диссертационного исследования. Информационной базой исследования являются: Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ)[1], Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — ФЗ «Об ООО»)[2], Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах»(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) (далее —

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

[2] Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

ФЗ «Об АО»)[1], Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве)[2], Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — Закон о государственной гражданской службе)[3] и другие федеральные законы, а также принятые в их исполнение положения подзаконных нормативных правовых актов (указов Президента Российской Федерации[4], постановлений Правительства Российской Федерации[5], иных нормативных правовых актов органов государственной власти), касающиеся различных аспектов установления запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Зарубежное законодательство о вопросах установления запретов и ограничений осуществления корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ таких зарубежных стран как: Канада, КНР, Германия, Великобритания, Дания и других иностранных государств.

Информационная база диссертационного исследования включает в себя также постановления Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, постановления Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, содержащие толкование норм гражданского и корпоративного законодательства, судебная практика арбитражных судов (более 80), затрагивающая отдельные спорные вопросы установления запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Помимо представленных информационных источников автором

[1] Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
[2] Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
[3] Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
[4] Официальный сайт Президента Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 08.06.2025).
[5] Официальный сайт Правительства Российской Федерации URL: http://government.ru/ (дата обращения: 10.06.2025).

также широко применялись Уставы и внутренние документы хозяйственных обществ (15 из которых нашли отражение в тексте диссертации).

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается формированием выводов на основании анализа и толкования нормативных правовых актов Российской Федерации, актов правоприменения, уставов и внутренних документов хозяйственных обществ, научных исследований (диссертаций, монографий, научных статей, тезисов докладов на научных конференциях), а также применением автором диссертационного исследования тех или иных научных методов исследования, позволяющих выстроить нужный подход и направление в формировании собственных оригинальных авторских выводов.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну, представляют собой основные результаты достижения поставленной цели исследования и решения соответствующих задач, являются позицией автора в исследовании особенностей установления запретов и ограничений осуществления права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в работе решена важная научная задача: выработана теоретическая база для дальнейшей научной разработки механизмов установления и применения запретов и ограничений на осуществление права участия в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Сформулированные в исследовании выводы и положения позволяют по-новому подойти к оценке правовых последствий таких запретов и ограничений, определить критерии их допустимости и предложить направления совершенствования законодательства.

Диссертантом выстроены следующие положения, выносимые на защиту:

1. Обосновано, что «ограничение» права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ сужает возможность реализации принадлежащих участникам обществ управленческих правомочий, в то время

как «запрет» осуществления права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ может исключать возможность реализации как самого корпоративного права в целом, так и его отдельных правомочий. Ограничение корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ может быть снято путём совершения ограниченным в правах лицом действий, направленных на устранение причин, с которыми связано его установление, тогда как запрет не допускает такой возможности. Разграничение между «ограничением» и «запретом» основано на следующих фундаментальных различиях между ними, выраженных в:

1) основании их установления и снятия;

2) сроке установления;

3) степени влияния на правовой статус участников хозяйственных обществ.

Установление «запрета» или «ограничения» возможности осуществления права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ или его отдельных правомочий, не влечет за собой их исключения из содержания правового статуса участников хозяйственных обществ *(положение, выносимое на защиту, соответствует п. 6 и 9 паспорта специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки).*

2. Доказано, что реализация правомочий, входящих в содержание права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, может осуществляться как посредством активных действий самого управомоченного лица, так и путём его пассивного поведения, по инициативе других участников хозяйственного общества или самого общества.

Активными следует считать правомочия, для реализации которых участнику хозяйственного общества требуется совершить конкретные действия, направленные на возникновение определённых юридически значимых последствий как для него самого, так и для хозяйственного общества в целом. Активные правомочия выражают волю участников хозяйственных обществ и предполагают проявление инициативности в рамках

установленных корпоративных процедур.

Пассивные правомочия, реализуются без необходимости совершения управомоченным лицом каких-либо активных действий, влекущих возникновение определённых юридически значимых последствий. Реализация пассивных правомочий происходит по инициативе других участников хозяйственного общества или самого общества, без необходимости активных действий со стороны управомоченного лица *(положение, выносимое на защиту, соответствует п. 6 и 9 паспорта специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки)*.

3. Выявлено, что в уставах хозяйственных обществ фиксируется наличие у участников права на участие в управлении деятельностью общества, а также устанавливается общий порядок его реализации, тогда как конкретные правомочия, составляющие содержание данного права, определяются законодательством. Перечень правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установлен специальным корпоративным законодательством, и может считаться закрытым (исчерпывающим), в связи с тем, что не может дополняться в уставах хозяйственных обществ. Уставы хозяйственных обществ могут конкретизировать порядок реализации отдельных управленческих правомочий, устанавливая внутренние процедуры и регламенты их осуществления (например, конкретный механизм созыва общего собрания участников, регламент проведения голосования, формы уведомлений о порядке проведения общего собрания и др.), но не могут предусматривать новые управленческие правомочия, выходящие за законодательно установленные рамки *(положение, выносимое на защиту, соответствует п. 6 паспорта специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки)*.

4. Доказано, что при ситуационной трансформации права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративную обязанность происходит изменение содержания правового статуса участников

(членов) хозяйственных обществ, при котором некоторые принадлежащие им правомочия, входящие в содержание субъективного корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, в силу наступления определённых юридически значимых обстоятельств, приобретают характер обязанности, неисполнение которой может квалифицироваться как злоупотребление правом, и стать причиной для исключения участника из общества. Ситуационная трансформация корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ не является абсолютной.

Корпоративное право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ носит смешанный характер, в связи с тем, что даже с учетом ситуационной трансформации, у лиц, наделенных подобным правом, остается определенный перечень правомочий, и лишь некоторая часть правомочий, входящих в содержание исследуемого права, трансформируется в обязанность. Трансформация некоторых правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в обязанность, обусловлена необходимостью принятия критически важных для продолжения деятельности общества решений, либо связана с заключением участниками корпоративного договора *(положение, выносимое на защиту, соответствует п. 6 паспорта специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки)*.

5. Обоснована необходимость установления дифференцированного подхода к регулированию участия банкрота в управлении деятельностью хозяйственных обществ, в соответствии с которым:

- в отношении добросовестного гражданина-банкрота предлагается сохранить запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, однако из него сделать исключение, согласно которому такое лицо без помощи доверительного управляющего сможет самостоятельно осуществлять правомочие голосования при принятии общим собранием решений по вопросам, поставленным на голосование, требующим

единогласного одобрения всех участников общества, либо вопросам, без принятия которых работа общества будет заблокирована или существенно затруднена.

- в отношении недобросовестного гражданина-банкрота запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ продолжит действовать без каких-либо исключений, но с возможностью прибегнуть к привлечению доверительного управляющего, что, с одной стороны, защитит его права, и позволит не стать исключенным из общества в связи с бездействием, затрудняющим деятельность общества, но, с другой стороны, сохранит невозможность его личного участия в корпоративном управлении *(положение, выносимое на защиту, соответствует п. 6 паспорта специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки)*.

6. Доказана необходимость обеспечения независимости доверительного управляющего при передаче государственным гражданским служащим ценных бумаг в доверительное управление. Независимость доверительного управляющего может быть достигнута путем согласования его кандидатуры с комиссией по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов, которой он будет подотчетен. Исключение обязанности отчета доверительного управляющего перед учредителем управления (государственным служащим), установленной п. 4 ст. 1020 ГК РФ, обеспечит повышение объективности и независимости его деятельности, снизит риск влияния и давления со стороны учредителя управления, а также минимизирует вероятность возникновения потенциальных конфликтов интересов *(положение, выносимое на защиту, соответствует п. 6 и 8 паспорта специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки)*.

7. Обосновано, что ограничение корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративном договоре возможно лишь при соблюдении критериев допустимости его установления:

- срок и (или) условие, прекращающее ограничение, т. е. вводимое

корпоративным договором ограничение должно действовать не бессрочно, а в течение определённого периода, либо до наступления конкретного юридически значимого события;

- соответствие императивным требованиям законодательства;

- целевое назначение, т. е. ограничение должно быть направлено на достижение легитимной цели заключения корпоративного договора, заключающейся в обеспечении стабильности корпоративного управления, защиты общих интересов участников, а также предотвращение корпоративных конфликтов и др.;

- соблюдение принципа добровольности и соразмерности, суть которого заключается в том, что, подписывая корпоративный договор, участник должен полностью осознавать характер и последствия налагаемых на него ограничений в управлении деятельностью хозяйственного общества. Ограничение не должно носить чрезмерного характера и приводить к фактической утрате права.

Недопустим полный отказ от права на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества (в том числе взамен денежного вознаграждения) в корпоративном договоре. В корпоративном договоре могут быть ограничены правомочия, составляющие содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, (при соблюдении критериев допустимости), однако полное добровольное лишение себя правомочий, составляющих право на управление невозможно *(положение, выносимое на защиту, соответствует п. 6 паспорта специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки)*.

На основе результатов исследования и на основании положений, выносимых на защиту, сформулированы следующие предложения по внесению изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации:

1. Дополнить ст. 2. Закона о банкротстве абз. 38-39, и изложить их в следующей редакции:

«Добросовестный гражданин-банкрот - гражданин, признанный несостоятельным по объективным, независящим от его воли причинам, который действовал разумно, открыто и не злоупотреблял своими правами.

Недобросовестный гражданин-банкрот - гражданин, признанный банкротом вследствие умышленных, незаконных или недобросовестных действий, направленных на уклонение от исполнения обязательств или введение в заблуждение кредиторов и суда».

2. Дополнить ст. 213.30 Закона о банкротстве п. 4 и 5, и изложить их в следующей редакции:

«4. Последствия, предусмотренные пунктом 3 настоящей статьи, не применяются к гражданину, если возбужденное в отношении него производство по делу о банкротстве прекращено в связи с восстановлением платёжеспособности.

5. Запрет, установленный пунктом 3 настоящей статьи, не применяется к добросовестному гражданину-банкроту в части осуществления им правомочия голосовать при принятии общим собранием решений по вопросам, поставленным на голосование, без принятия которых деятельность юридического лица станет невозможной либо существенно затруднится».

3. Дополнить п. 2 ст. 17 Закона о государственной гражданской службе абз 2 и изложить его в следующей редакции:

«Кандидатура доверительного управляющего, назначаемого государственным гражданским служащим, подлежит предварительному согласованию с комиссией по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов».

4. Дополнить п. 4 ст. 1020 ГК РФ абз. 2 и изложить его в следующей редакции:

«Доверительный управляющий, назначаемый государственным гражданским служащим, обязан отчитываться перед комиссией по

соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов».

5. Дополнить ст. 67.2 ГК РФ п. 11 и изложить его в следующей редакции:

«11. Положения корпоративного договора, предусматривающие полный отказ участника хозяйственного общества от корпоративных прав, являются ничтожными».

Теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется его направленностью на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере установления запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Автором высказываются предложения о совершенствовании законодательства в области установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в отношении обанкротившихся лиц, доказывается необходимость обеспечения независимости доверительного управляющего при передаче государственным гражданским служащим ценных бумаг в доверительное управление, предлагается внедрение критериев допустимости ограничения корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративном договоре, а также обосновывается необходимость приостановления полномочий единоличного исполнительного органа в случае его дисквалификации и др.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что вынесенные на защиту положения будут способствовать развитию науки гражданского и корпоративного права, могут являться основой для дальнейших научных исследований по данной и смежным темам. Автором выявлены особенности и основания установления запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, показано различие между запретом и ограничением права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, уточнено содержание

исследуемого права, а также сформулирован авторский подход к ситуационной трансформации права на участие в управлении деятельностью корпорации в соответствующую корпоративную обязанность и др.

Представленные результаты диссертационного исследования могут быть применены в образовательной деятельности – при подготовке юристов для бизнеса, например, в Институте права и национальной безопасности РАНХиГС выводы диссертации могут быть использованы в рамках дисциплины «Корпоративное право» для студентов Юридического факультета им. М. М. Сперанского, обучающихся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (гражданско-правовой профиль), а также для студентов, обучающихся по специальности 40.03.01 «Юриспруденция» (гражданско-правовой профиль).

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация была выполнена, проходила обсуждение и одобрена на кафедре предпринимательского, трудового и корпоративного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, на заседаниях которой докладывалось ее основное содержание, было проведено ее обсуждение, а также рецензирование.

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в выступлениях автора на восьми международных и всероссийских научных конференциях (что подтверждается программами конференций или информацией на сайтах организаторов конференций), среди которых:

- X Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Сперанские чтения» (18, 20 ноября 2024 г., доклад *«Пределы ограничения корпоративных прав в корпоративном договоре»*)[1];

[1] X Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Сперанские чтения» URL: https://clc.li/kueIE (дата обращения: 24.01.2026).

- IV Международный научно-практический форум «Роль права и экономики в обеспечении устойчивого будущего нации и развитии России» (5-7 декабря 2024 г., доклад *«О некоторых вопросах реализации права на управление деятельностью корпорации»*)[1];

- Всероссийские научные чтения им. профессора Р. Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан» (14 февраля 2025 г., доклад *«Способы защиты корпоративного права на участие в управлении делами корпорации»*) (опубликован)[2];

- XII Международная научно-практическая конференция. «Традиции и новации в праве» (Мальцевские чтения) (18-19 апреля 2025 г., доклад *«Запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества для дисквалифицированных лиц»*)[3];

- Всероссийская научно-практическая конференция «Корпоративные отношения через призму юридической науки, законодательства и практики его применения», посвященная 60-летию декана юридического факультета СВФУ, кандидата юридических наук, заслуженного юриста Республики Саха (Якутия), почетного работника высшего профессионального образования, доцента Рума Румовича Ушницкого (31 октября – 1 ноября 2025 г., г. Якутск, доклад *«О некоторых вопросах приобретения корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества при наследовании и разделе совместно нажитого имущества супругов»*)[4];

---

[1] IV Международный научно-практический форум «Роль права и экономики в обеспечении устойчивого будущего нации и развитии России» URL: https://disk.yandex.ru/i/2fg_ZXmV3KUHiw (дата обращения: 24.01.2026).

[2] Всероссийские научные чтения имени Р.Е. Гукасяна URL: https://law.tversu.ru/news/36831 (дата обращения: 24.01.2026).

[3] XII Международная научно-практическая конференция. «Традиции и новации в праве» (Мальцевские чтения) URL: https://odin.mgimo.ru/upload/2025/04/prog-xii-maltsev-readings.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

[4] Всероссийская научно-практическая конференция «Корпоративные отношения через призму юридической науки, законодательства и практики его применения» URL: https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/instituty/yf/news_detail.php?ELEMENT_ID=284176 (дата обращения: 24.01.2026).

- Международная научно-практическая конференция «Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники» (15 ноября 2025 г., доклад *«Роль дисквалификации в установлении запрета на участие в управлении деятельностью корпорации»*) (опубликован)[1];

- Всероссийская научно-практическая конференция «Донбасские юридические чтения» (23 апреля 2025 г., доклад *«К вопросу о содержании права на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества»*)[2];

- V Международный научно-практический форум «Научно-технический прогресс и национальная безопасность: правовые и экономические механизмы укрепления технологического суверенитета России» (4-6 декабря 2025 г., доклад *«К вопросу о способах ограничения права на участие в управлении деятельностью акционерного общества»*)[3].

Перечень публикаций автора. Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в научных публикациях автора, опубликованных в научных печатных изданиях, в том числе в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, а также в научных статьях, опубликованных в сборниках трудов по итогам научных конференций общим объемом 2,6 п. л.

---

[1] Международная научно-практическая конференция «Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники» URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/Prog-NK-724.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

[2] Всероссийская научно-практическая конференция «Донбасские юридические чтения» URL: https://kpfu.ru/chelny/department/ur/civillaw/meropriyatiya/donbasskie-juridicheskie-chteniya-465858.html (дата обращения: 24.01.2026).

[3] V Международный научно-практический форум «Научно-технический прогресс и национальная безопасность: правовые и экономические механизмы укрепления технологического суверенитета России URL: https://www.ranepa.ru/upload/doc/1/forum2025.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

I. Научные статьи, опубликованные в изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

1. Мельник, Д. Э. К вопросу о запрете на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества лицом, признанным банкротом / Д. Э. Мельник // Гражданское право. 2025. № 2. С. 43–46. (0,6. п.л.).

2. Мельник, Д. Э. К вопросу о ситуационной трансформации корпоративных прав и обязанностей / Д. Э. Мельник // Гражданское право. 2025. № 5. С. 25–29. (0,7. п.л.).

3. Мельник, Д. Э. Корпоративный договор как средство ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ / Д. Э. Мельник // Юридический мир. 2026. № 2. С. 32–35. (0,5. п.л.).

II. Доклады (статьи), опубликованные в сборниках, изданных по итогам научно-практических конференций.

4. Мельник, Д. Э. Роль дисквалификации в установлении запрета на участие в управлении деятельностью корпорации / Д. Э. Мельник // Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники: сборник статей Международной научно-практической конференции, Челябинск, 15 ноября 2025 года. Уфа: Аэтерна, 2025. С. 124–128. (0,3. п.л.).

5. Мельник, Д. Э. Способы защиты корпоративного права на участие в управлении делами корпорации / Д. Э. Мельник // Интерес вчера, сегодня и навсегда...: сборник научных работ. Тверь: Тверской государственный университет, 2025. С. 117–122. (0,5. п.л.).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1 Теоретико-правовые основы запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ

1.1 Доктринальные подходы к соотношению понятий «запрет» и «ограничение»

На сегодняшний день вопрос о разграничении понятий *«запрет»* и *«ограничение»*, «в юридической науке исследован лишь фрагментарно»[1]. Несмотря на то, что данный вопрос являлся предметом множества научных исследований, ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно определения сущности вышеуказанных понятий, их правовой природы и признаков, что породило множество правовых дискуссий, которые требуют дальнейших научных разработок. Открытым также остается вопрос о соотношении исследуемых понятий, что не позволяет однозначно определиться с тем, возможно ли их рассматривать как самостоятельные правовые категории, либо же подходить к их определению как «части и целому» или наоборот.

Проблема изучения *«запретов»* давно привлекает внимание не только юристов, но и философов, богословов и политиков. В этой связи «понятие «*запрета»* как закрепленного правовой нормой требования воздерживаться от определенного негативного поведения встречается в работах Платона и Аристотеля, св. Августина и Фомы Аквинского, Дж. Локка и Ш. Монтескье и др.»[2]. В отечественной юриспруденции «проблема запретов в праве стала самостоятельным предметом исследований

[1] Скоробогатов А. В. Правовой запрет как средство совершенствования правовой реальности // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 319. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-zapret-kak-sredstvo-sovershenstvovaniya-pravovoy-realnosti/viewer (дата обращения 10.04.2025).

[2] Султыгов М. М. Запрет как метод правового регулирования: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург., 1996. С. 25.

с 1970-х годов»[1]. Так, например, изучением места запретов в правовой системе занимался Н. Г. Братко[2], вопросом исследования их места в структуре права С. С. Алексеев[3], а установлением их юридической природы Н. Н. Рыбушкин[4].

Изучению вопроса об определении места *«ограничений»* в праве также было уделено немало внимания. «Необходимость разработки проблемы ограничений прав признавалась многими отечественными и зарубежными учеными, в том числе и дореволюционного периода»[5]. Некоторые аспекты исследования правовой природы и признаков *«ограничений»* в праве были отражены в трудах Н. Н. Алексеева, Д. Д. Гримма, П. И. Новгородцева, В. И. Синайского, Г. Ф. Шершеневича и других ученых- юристов, большинство из которых сходились во мнении о том, что «ограничение есть сущностный признак права, как одно из средств обеспечения его реального действия»[6]. Научные разработки по изучению *«ограничений»* не прекращались в советский период, продолжаются до сих пор и отражены в трудах таких ученых как А. Г. Братко[7], А. В. Малько[8], В. П. Камышанский[9] и др.

Однако несмотря на множество проведённых исследований, в юридической доктрине по-прежнему отсутствует единый подход к определению понятий *«запрет»* и *«ограничение».* Основной трудностью в данном случае является отсутствие четких критериев, которые позволили бы провести безусловную грань между исследуемыми понятиями. Кроме того, в

---

[1] Скоробогатов А. В. Указ. соч. С. 319.

[2] Братко А. Г. Запреты в советском праве / под ред. Н. И. Матузова. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1979. С. 29.

[3] Алексеев С. С. Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. 1973. № 5. С. 47.

[4] Рыбушкин Н. Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. С. 56.

[5] Ищук И. Н. Ограничения в праве: общетеоретический аспект: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург., 2006. С. 7.

[6] Шабуров А. С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 367.

[7] Братко А. Г. Указ. соч. С. 30.

[8] Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: Теорет.-информ. аспект: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.01. Саратов., 1995. С. 164.

[9] Камышанский В. П. Ограничения права собственности: Гражданско-правовой анализ: дис. …докт. юрид. наук: 12.00.03. Санкт-Петербург., 2000. С. 239.

процессе толкования правовых норм, закрепляющих те или иные *«запреты»* и *«ограничения»*, не всегда очевидны различия между ними, в связи с тем, что они часто используются в тесной взаимосвязи, однако несмотря на это, являются самостоятельными правовыми категориями, совершенно разными по своей правовой природе и последствиям установления.

Данное обстоятельство объясняет тот факт, что несмотря на то, что законодательство Российской Федерации хоть и устанавливает массу запретов и ограничений на совершение тех или иных действий, однако не содержит закрепленного определения вышеупомянутых понятий. При таких обстоятельствах не всегда удается однозначно определиться с тем, что следует считать *«запретом»*, а что *«ограничением»*, какова разница между ними, и каковы последствия их установления. Однако, на наш взгляд, законодатель сознательно не идет на легальное установление определения данных понятий, в связи с отсутствием консенсуса по данному вопросу в доктринальных источниках и судебной практике, что может привести еще к большей правовой неопределенности и ошибкам правоприменения.

Следует отметить, что отсутствие единого подхода к определению понятий *«запрет»* и *«ограничение»* хоть и является проблемой общей теории права, однако безусловно затрагивает и сферу установления *«запретов»* и *«ограничений»* осуществления корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, поскольку корпоративным законодательством также не установлены признаки, которые бы чётко проводили разграничение между понятиями *«запрет»* и *«ограничение»*. Данное обстоятельство становится причиной того, что участники корпоративных правоотношений не всегда понимают правовую природу и последствия налагаемых на них мер ограничительного или запретительного характера, в результате которых они фактически лишаются возможности принимать участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, что приводит их к утрате корпоративного контроля, финансовым потерям и иным негативным последствиям.

В целях «эффективного осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности по вопросу установления и реализации»[1] запретов и ограничений в праве, необходимо исследовать их понятие, сущность и отличительные признаки. Как указывает А. М. Васильев, «для более полного представления о соотносимых юридических понятиях необходимо определить специфическое единство противоположностей и раскрыть его через различия, тождества, переходы применительно к существующему в праве порядку, проявляющемуся в единстве и различии противоречивых моментов и сторон»[2]. Однозначное установление содержания, правовой природы и отличительных признаков исследуемых понятий как правовых категорий, составит теоретическую основу для дальнейшего исследования правовых проблем и пробелов, существующих в области установления запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ.

Помимо анализа правовых конструкций *«запрет»* и *«ограничение»* в рамках настоящего диссертационного исследования, особый интерес представляет изучение вопроса о *«пределе»* в праве, практическая значимость которого в настоящий момент сводится к установлению точных границ допустимого поведения субъектов правоотношений при реализации ими своих прав, с целью недопущения злоупотреблений. Иными словами, *«предел»* представляет собой «закрепленное в издаваемых и санкционируемых государством юридических нормах установление дозволительно-ограничительных границ и (или) объема правовой регламентации

[1] Джиджавадзе Л. Г. Понятие ограничений в праве // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2022. № 21 (21). С. 160.

[2] Васильев А. М. Диалектическая связь категорий общей теории права // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 18; Скрипель В. А. Соотношение дозволения, запрета и позитивного обязывания как способов правового регулирования общественных отношений // Приоритетные направления развития науки и образования. 2015. № 4 (7). С. 351.

общественных отношений посредством установления максимальных и минимальных вариантов деятельности»[1].

Для наиболее точного определения понятий *«запрет»*, *«ограничение»* и *«предел»*, считаем необходимым обратиться к толковым словарям, которые позволят раскрыть содержание исследуемых понятий с точки зрения их лексического значения, а также выделить особенности их применения в правовом контексте. Так, согласно толковому словарю под редакцией Д. Н. Ушакова, термин *«запрет», «быть под запретом»* понимается как «быть включённым в число вещей, предметов, которыми нельзя пользоваться»[2]. *«Запрет», «запретить», «запретный»* в словаре С. А. Кузнецова, определяется как «не разрешать делать что-то, воспретить», «отсутствие права на совершение чего-либо», «не разрешать пользоваться чем-либо, употреблять что-либо»[3].

В советское время толкование термина *«запрет», «запрещенный»* было адаптировано под реалии господствующей на то время идеологии и сводилось к «находящемуся под запретом, недозволенному как социально и идеологически опасному»[4]. Такое толкование термина *«запрещенный»* было тесно связано с цензурой и контролем над всеми сферами жизнедеятельности граждан, включая средства массовой информации, литературу, искусство и др.

Согласно *«Cambridge Academic Content Dictionary»*, *«запрет», «запрещать» (prohibit, prohibition),* определяется как «prevent something by making it impossible», что в переводе означает «предотвращать что-то, делая

---

[1] Суменков С. Ю., Ловцов А. Н. Понятие и признаки пределов в праве // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 33.

[2] Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка Том 1 (1935) URL: https://archive.org/details/1-1935_202412/Ушаков%20Д.Н.%20-%20Толковый%20словарь%20русского%20языка%20Том%201%20%281935%29/ (дата обращения 12.04.2025).

[3] Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт., 1998. С. 340. URL: https://djvu.online/file/h38T2vpZl163x (дата обращения 12.04.2025).

[4] Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / под ред. Г. Н. Скляревской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. С. 246.

это невозможным»[1]. В немецком же языке *«запрет»* обозначается как *«verbieten», «verboten», «es ist nicht gestattet»*, что означает «это не разрешено», «требование не совершать какое-либо действие»[2].

Что же касается *«ограничения»* и *«ограничить»,* то в словаре Д. Н. Ушакова оно толкуется как «стеснить известными пределами, условиями, поставить в какие-нибудь рамки, границы»[3]. В толковом словаре В. И. Даля, *«ограничивать»* означает «обозначить межи, грани, пределы, границы, рубежи, удерживать в известных границах, умерять, обуздать, стеснять, останавливать»[4]. С. И. Ожегов определяет *«ограничение»*, как «поставить в какие-нибудь рамки, границы, определить какими-нибудь условиями, а также сделать меньше, сократить охват»[5].

Обращаясь к опыту зарубежных стран, можем сказать, что, например, в английском языке, термин *«ограничение»* имеет двойственное обозначение и может употребляться как *«restriction» и «limitation»*. Данные термины могут употребляться как синонимы, однако между ними есть разница, и *«ограничение»* следует рассматривать как *«restriction»,* в связи с тем, что именно такое обозначение используется в целях описания внешних ограничений, которые могут быть установлены законами государства, локальными актами юридического лица и др.

---

[1] Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge., Cambridge University Press. 2009. URL: https://archive.org/details/cambridgeacademi00camb/page/n1211/mode/2up (дата обращения 12.04.2025).

[2] Макаров А. Н. Полный немецко-русский словарь URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003590463/ (дата обращения 12.04.2025).

[3] Ушаков Д. Н. Указ. соч. URL: https://archive.org/details/1-1935_202412/Ушаков%20Д.Н.%20%20Толковый%20словарь%20русского%20языка%20Том%201%20%281935%29/ (дата обращения 12.04.2025).

[4] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусскаго языка Том 2 (1905) URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003972234/ (дата обращения 12.04.2025).

[5] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. С. 444; Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 9.

Переходя к краткому исследованию лексического содержания термина *«предел»*, следует отметить, что, например, согласно толковому словарю В. И. Даля его следует рассматривать как «начало или конец, кон, межа, грань, раздел, край, рубеж или граница; конец одного и начало другого, в смысле вещественном и духовном»[1]. В словаре С. И. Ожегова данный термин толкуется как «пространственная или временная граница чего-н.; то, что ограничивает собою что-н»[2]. В словарях под редакцией других авторов (Д. Н. Ушакова., С. А. Кузнецова), данный термин трактуется схожим образом, как «грань», «межа» чего-либо. Таким образом, в данном контексте *«предел»* обозначает максимально возможный или разрешённый уровень действий, за который нельзя выходить.

Однако, подобное исследование лексического значения терминов «*запрет», «ограничение»* и *предел»* дает нам лишь общее представление о их понимании и использовании с точки зрения русского языка, однако не позволяет раскрыть их юридической сущности. В этой связи, в целях установления отличительных признаков и правовой природы исследуемых понятий остановимся на исследовании доктринальных подходов к их определению, что позволит выделить их сущностные особенности, установить существующие между ними сходства и различия, и описать существующие подходы к их соотношению.

Тем не менее, не углубляясь в детальный анализ лексического значения *«запрет»*, *«ограничение»* и *«предел»*, исследовав лишь некоторые подходы к их пониманию, содержащиеся в толковых словарях отечественных и зарубежных филологов, можем отметить, что *«запрет»* осуществления права представляет собой абсолютную меру, которая подразумевает полное исключение возможности реализации того или иного права, либо его

---

[1] Даль В. И. Указ. соч. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003972234/ (дата обращения 12.04.2025).

[2] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/178646 (дата обращения 12.04.2025).

отдельных правомочий, ««*предел*» осуществления прав «указывает на границы свободного усмотрения субъектов права»[1], а под *«ограничением»* прав следует понимать «сужение, изъятие некоторых правомочий из содержания права»[2].

Переходя к исследованию доктринальных подходов к определению и соотношению понятий *«запрет»* и *«ограничение»*, можем отметить, что, например, по мнению таких ученых, как Ф. Н. Фаткуллин и А. Г. Братко, «ограничения и запреты – это два различных способа правового регулирования общественных отношений»[3], в то время как А. В. Малько стоит на позиции того, что запрет по своей сути «входит» в понятие ограничения, которое, по его мнению, является родовым. По мнению ученого, «разделение понятий «запрет» и «ограничение» как отдельных способов правового регулирования нецелесообразно»[4]. Подобной позиции придерживается и М. М. Султыгов, который отмечает, что «правовой запрет, являясь видом правового ограничения, выступает как жесткое «императивное» веление, однозначно не допускающее то или иное поведение субъекта, в то время как другие ограничения лишь сужают (в определенной степени) свободу действия (либо бездействия)»[5], поэтому данные понятия могут быть соотнесены как «часть и целое».

Ф. Н. Фаткулин же считает, что «ограничение близко к запрету, однако оно рассчитано не на полное вытеснение того или иного общественного

---

[1] Хажеев И. Д. Правовая природа ограничений прав на земельные участки // Аллея науки. 2023. Т. 2. № 12 (87). С. 389.

[2] Федоренко В. И. Свобода экономической деятельности в Российской Федерации: понятие, пределы и ограничения // Вестник СГЮА. 2019. №6 (131). С. 73. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-predely-i-ogranicheniya (дата обращения: 14.04.2025); Травников Н. О. «Предел» и «ограничение» в праве: теоретико-правовой анализ понятий // Государство и право. 2017. № 7. С. 109.

[3] Братко А. Г. Указ. соч. С. 17.; Кузовков В. В. О процессуальном принуждении в сфере публичных финансов // Финансовое право. 2007. № 9. С. 3.

[4] Малько А. В. Указ. соч. С. 40.

[5] Султыгов М. М. Указ. соч. С. 122; Ловков М. И. Об отдельных запретах и ограничениях прав работников государственных корпораций // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. №1. С. 61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otdelnyh-zapretah-i-ogranicheniyah-prav-rabotnikov-gosudarstvennyh-korporatsiy (дата обращения: 14.04.2025).

отношения, а на удержание его в жестко ограничиваемых рамках и ограничение права может быть вызвано определенными запретами»[1]. Исходя из данной позиции, ученый, наоборот (в отличие от А. В. Малько и М. М. Султыгова), считает, что ограничение является частью запрета и отлично от него лишь степенью стеснения (уменьшения) того или иного субъективного права.

Отличной же от всех выше представленных позиций можем считать точку зрения Н. Н. Семенюты, которая отмечает, что «в широком смысле ограничение – это способ правового регулирования, направленный на сужение или расширение общего правила. А в узком – это конкретный частичный запрет или дозволение, которым устанавливаются границы общего запрета или дозволения»[2].

По-нашему же мнению, наиболее логичной представляется позиция Ф. Н. Фаткуллина[3] и А. Г. Братко, которые отмечают, что «ограничения и запреты – это два различных способа правового регулирования общественных отношений»[4]. *«Запрет»* и *ограничение»* должны исследоваться как совершенно разные, но взаимосвязанные друг с другом правовые категории, в связи с тем, что даже последствия их установления представляются кардинально разными, и, следовательно, уже лишь по данной причине они не могут быть отождествлены.

«Запрет» устанавливает безусловную невозможность реализации принадлежащих лицу прав, либо исключает возможность совершения им тех или иных его отдельных правомочий, в то время как *«ограничение»* лишь сужает объём доступных к реализации правомочий, входящих в содержание права. Кроме того, *«запрет»* и *«ограничение»* различны по сроку действия, так,

---

[1] Фаткулин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. С. 157.
[2] Семенюта С. Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.05 Омск., 2000. С. 97.
[3] Фаткулин Ф. Н. Указ. соч. С. 156.
[4] Братко А. Г. Указ. соч. С. 17.

например, в законодательстве РФ о банкротстве содержится безусловный запрет для обанкротившегося лица «занимать должности в органах управления юридического лица, и иным образом участвовать в его управлении (ст. 213.30 Закона о банкротстве), который может быть снят лишь по истечению установленного законодателем срока, в то время как, например, ограничение права голоса, связанное с неполной оплатой акций уставного капитала общества (абз. 3 п. 1 ст. 34 ФЗ «Об АО») носит временный характер и прекращает своё действие после их полной оплаты, т. е. акционер получает все управленческие правомочия, предусмотренные законодательством и уставом общества. Следовательно, *«запрет»* будет действовать в течение всего установленного законодательством срока, либо до наступления обстоятельств, за которыми последует его отмена (например, увольнение лица с государственной гражданской службы), а *«ограничение»* может быть снято путём совершения ограниченным в правах лицом определенных действий, направленных на устранение причин, с которыми связано его установление, либо также считаться отмененным с момента наступления определенных обстоятельств. В то же время снятие ограничения на осуществление прав может обусловливаться и определенным сроком, например, установленным в корпоративном договоре (ст. 67.2 ГК РФ), однако срок такого ограничения будет полностью зависеть от воли заключивших договор лиц и может быть изменен по их взаимному согласию. Уставные и договорные же ограничения продолжают действовать до внесения в них изменений.

Что же касается соотношения понятий *«предел»* и *«ограничение»,* и *«предел»,* и *«запрет»*, то, например, как указывает А. А. Степанова, «понятия *«запрет»* и *«предел»* не имеют одинаковое значение»[1], и, следовательно, являются совершенно разными понятиями и не могут быть соотнесены. Как считают Д. А. Абезин и А. П. Анисимов, «отождествление запретов, ограничений и пределов субъективных прав представляется не совсем

[1] Степанова. А. А. Добросовестность как принцип современного российского гражданского права // Молодой ученый. 2023. № 48 (495). С. 405.

оправданным. Это родственные, но совершенно не совпадающие категории…»[1]. В рамках настоящего диссертационного исследования мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой, *«запрет»* и *«предел»* это разные правовые категории, в связи с тем, что «*запрет»* устанавливает полную невозможность реализации права в целом, либо его отдельных правомочий, в то время как *«предел»* ограничивает осуществление права в определённых рамках, сохраняя возможность его реализации.

По поводу же соотношения понятий *«предел*» и *«ограничение»* в доктрине существует как минимум две точки зрения, представители первой из которых сходятся во мнении об отождествлении данных понятий (А. М. Гуляев, Д. И. Мейер, А. А. Подмарев, Н. С. Потапенко и др.). Другие же ученые рассматривают *«ограничения»* и *«пределы»* как разные правовые явления (Г. А. Гаджиев, В. П. Грибанов, В. П. Камышанский). Как указывал В. П. Грибанов, «…определение пределов осуществления гражданских прав не есть ограничение этих прав…»[2]. Сторонники данной позиции считают, что исследуемые правовые категории соотносятся как общее (ограничение) и частное (пределы). В. П. Крашенинников, наоборот, акцентирует внимание на том, что «пределы выступают общими основаниями стеснения права, а ограничения – частными»[3].

Мы же считаем, что понятия *«ограничение»* и *«предел»* не могут быть отождествлены, в связи с тем, что при осуществлении любого субъективного права, в целях недопущения злоупотреблений и нарушения прав и законных интересов других лиц, существуют законодательно установленные *«пределы», «рамки»* осуществления такого права (ст. 10 ГК РФ), в то время как *«ограничение»* прав может рассматриваться как мера, которая при определённых обстоятельствах фактически уменьшает возможность

[1] Абезин Д. А., Анисимов А. П. Ограничения и запреты в частном и публичном праве // Правовая культура. 2013. № 1 (14). С. 61.
[2] Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут., 2000. С. 25.
[3] Жилищное право / под ред. Крашенинникова П. В. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. С. 83.

реализации отдельных правомочий, входящих в содержание того или иного субъективного права. *«Предел»* осуществления права устанавливается в целях ограничения «абсолютной свободы» реализации принадлежащих лицу прав и не может считаться отмененным ни при каких обстоятельствах, в связи с тем, что, реализуя принадлежащие лицу права, оно должно всегда действовать добросовестно, без намерения причинить вред другому и не злоупотреблять правами, в то время как *«ограничение»* прав является более гибким инструментом, который может быть изменён или снят в зависимости от изменения обстоятельств или соблюдения определённых условий, предусмотренных законом.

Исследовав соотношение понятий *«запрет»*, *«ограничение»* и *«предел»,* далее считаем необходимым рассмотреть доктринальные подходы к их определению, что поможет наиболее точным образом уяснить их и правовую природу. Так, вопросом исследования *«запретов»* в праве занимались многие зарубежные и отечественные ученые, и в настоящий момент в литературе существуют различные точки зрения относительно определения данного понятия, например, А. М. Витченко рассматривает *«запрет»* как «удобный предостерегающий прием»[1], Н. Г. Александров[2] и О. С. Иоффе определяли запрет как «форму воздействия на общественные отношения, связывая запреты с правовыми нормами»[3]. А. В. Малько характеризует запреты как «государственно-властные сдерживающие средства»[4], а Ю. Н. Слепченко[5] и А. С. Пиголкин «определяют запреты как средства охраны»[6].

---

[1] Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. С. 108.

[2] Александров Н. Г. Правовые отношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 11.

[3] Иоффе О.С. Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1964. Вып. 36. С. 26.

[4] Малько А. В. Указ. соч. С. 90.

[5] Слепченко Ю. Н. Запреты в административном праве: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.14. Воронеж, 2002. С. 111.

[6] Советское законодательство: пути перестройки / Алексеев С. С., Братусь С. Н., Венгеров А. Б. и др.; отв. ред. А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин. М.: Юрид. лит, 1989. С. 74.

По мнению А. Г. Братко, «запреты занимают определенное место среди способов правового регулирования, они очерчивают границы правомерности человеческих поступков, определяют пределы свободы человека, за которыми свобода одного человека превращается в свою противоположность, ибо начинается вторжение в свободу других людей»[1]. С. С. Алексеев, считает, что, «воздействуя на определенный вид правоотношений, запреты препятствуют совершению определенного рода действий»[2]. Резюмируя все подходы к определению *«запретов»,* Р. Г. Нурмагамбетов указывает, что «общим, что объединяет все эти дефиниции, является прямое или косвенное признание многими учеными запретов как юридических способов, создающих барьеры, очерчивающие границы свободы, предотвращая наличие нежелательного социально вредного поведения в обществе»[3].

В теории гражданского права «под запретами подразумеваются государственно-властные императивные требования воздерживаться от противоправных действий, причиняющих существенный вред интересам субъектов права»[4]. Однако, как справедливо указывает. Т. Е. Комарова, «в большинстве цивилистических исследований акцент смещен на дозволительный характер гражданско-правового регулирования общественных отношений, и запретам уделяется крайне мало внимания»[5].

Подобная ситуация наблюдается и в корпоративном праве, в котором, хотя и существуют определенные запреты на осуществление корпоративных

---

[1] Братко А. Г. Указ. соч. С. 14.
[2] Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1981. С. 296.
[3] Нурмагамбетов Р. Г. Конституционно-правовые запреты, ограничения и дозволения как способы правового регулирования общественных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 12 (90). С. 71. URL: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-zaprety-ogranicheniya-i-dozvoleniya-kak-sposoby-pravovogo-regulirovaniya-obschestvennyh-otnosheniy (дата обращения: 15.04.2025).
[4] Братко А. Г. Указ. соч. С. 4.
[5] Комарова Т. Е. Функции запретов в механизме гражданско-правового регулирования дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03. 2008. URL: https://www.dissercat.com/content/funktsii-zapretov-v-mekhanizme-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 15.04.2025).

прав, однако теоретическая база по данному вопросу разработана недостаточно, и на сегодняшний день отсутствует определение понятия *«запрет осуществления корпоративного права».* До настоящего времени в теории корпоративного права были исследованы лишь условия и пределы осуществления корпоративных прав, исключающие возможные злоупотребления правом со стороны участников общества, а также отдельные положения, касающиеся ограничений корпоративных прав, изучению же значения запретов на осуществление корпоративных прав не придавалось практически никакого значения.

Запрет осуществления корпоративных прав играет ключевую роль в правовом статусе участников хозяйственных обществ, в связи с тем, что установление тех или иных запретов способно исключить возможность реализации как самого корпоративного права в целом, так и существенно сократить перечень доступных к реализации правомочий, входящих в его содержание. Теоретические разработки в данной области позволят определить правовую природу такого рода запретов и поспособствуют защите прав участников хозяйственных обществ от незаконного и необоснованного установления запретов реализации принадлежащих им корпоративных прав. Кроме того, такое исследование позволит выявить и проанализировать возможные последствия введения таких запретов как для самих участников хозяйственных обществ, так для обществ в целом.

Установление запрета на осуществление корпоративного права следует рассматривать как безусловную невозможность реализации принадлежащего участнику хозяйственного общества корпоративного права либо его отдельных правомочий. В случае установления запрета на осуществление корпоративного права или его отдельных правомочий возможность их реализации приостанавливается на определенный законом или судом срок, либо же срок установления запрета не устанавливается, и он действует до наступления отменяющих его обстоятельств. Запрет не может быть снят путём совершения лицом определенных действий, направленных на устранение причин его

установления, однако это не исключает возможности судебного обжалования оснований его установления.

Таким образом, *«запрет осуществления корпоративного права»* представляет собой меру правового воздействия на участников хозяйственных обществ, которая на установленный законом либо судом срок полностью исключает возможность реализации как самого корпоративного права в целом, так и его отдельных правомочий. Запрет не лишает участников хозяйственных обществ самого корпоративного права либо его отдельных правомочий, но временно блокирует возможность их осуществления. Запрет осуществления корпоративных прав направлен на защиту интересов других участников общества, а также служит механизмом обеспечения и защиты интересов самих хозяйственных обществ от неправомерных действий со стороны его участников.

Однако следует обратить внимание на тот факт, что предложенное нами определение следует рассматривать лишь в контексте запрета на осуществление участниками хозяйственных обществ принадлежащих им корпоративных прав, не включая иные запреты, установленные гражданским и корпоративным законодательством, например, запрет на включение в корпоративный договор положений, определяющих структуру органов общества и их компетенцию (п. 2 ст. 67.2 ГК РФ), и другие запреты.

Что же касается *«запрета осуществления корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ»*, то его следует рассматривать как меру правового воздействия на участников хозяйственных обществ, которая на установленный законом или судом срок полностью исключает возможность реализации как самого корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в целом, так и его отдельных правомочий. Например, при несоответствии лица квалификационным требованиям и (или) требованиям к деловой репутации может быть установлен запрет на реализацию правомочия по занятию должностей в органах управления хозяйственных обществ и оказанию иного

влияния на их деятельность. Установление запрета реализации корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в целом, так и его отдельных правомочий необходимо для защиты интересов самих обществ, их участников и третьих лиц. Однако, помимо обеспечения соблюдения частных интересов, данный запрет также направлен на обеспечение соблюдения публичных интересов, в частности, связанных с недопущением возникновения конфликта интересов у государственных гражданских служащих при их непосредственном участии в управлении деятельностью хозяйственных обществ, которое может негативным образом сказаться на исполнении возложенных на них служебных обязанностей.

Что же касается исследования *«ограничений»* в праве, то данным вопросом занималось также немало ученых, которые так и не пришли к единому мнению. Одни авторы рассматривают правовые ограничения как стимулы (А. В Малько)[1], другие — как способы обеспечения интересов (Ю. В Тихонравов)[2], третьи — как сужение объема субъективного права (А. А. Троицкая)[3], четвертые — как образцы правового поведения, пятые — как юридические средства, а также как изменение содержания или объема действия нормы права[4]. Т. О. Москаленко под «юридическими ограничениями прав и свобод человека и гражданина» понимает «…вводимые в строго определенных целях закрепленные в нормативных правовых актах юридические меры…»[5]. В. С. Нерсесянц считал же, что «ограничение – это

[1] Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 3 (222). С. 137.
[2] Тихонравов Ю. В. Основы философии права. М.: Вестник, 1997. С. 76.
[3] Троицкая А. А. Пределы и ограничения основных прав личности: пределы соотношения понятий // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2007. № 3. С. 99; Зайчиков Я. В. Юридические препятствия как средство правового регулирования общественных отношений Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2014. № 1 (1). С. 91.
[4] Нурмагамбетов Р. Г. Указ. соч. С. 72.
[5] Москаленко Т. О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2012. С. 10; Хвостова А. В. Ограничение как понятие общей теории права // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 250.

санкционированное временное сокращение либо уменьшение, как по существу, так и по времени пользования благом, составляющим предмет субъективного права. При этом ограничивается не само благо, а условия притязания на него»[1].

Что же касается исследования ограничений корпоративных прав, то стоит отметить, что изучением данного вопроса занималась О. И. Гентовт, которая в кандидатской диссертации на тему *«Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ»* указывает, что «под ограничением корпоративного права следует понимать ограничение возможностей его осуществления»[2]. Автор также уточнят, что «ограничение отдельных правомочий не влечет за собой их исключение из содержания субъективного корпоративного права, которое остается неизменным»[3].

По-нашему мнению, *«ограничение корпоративных прав»* следует рассматривать через призму запретов как меру правового воздействия на участников хозяйственных обществ, которая сужает возможность реализации принадлежащих им правомочий, входящих в содержание того или иного корпоративного права, не исключая их полностью. При этом следует учитывать, что в отличие от запрета осуществления корпоративных прав ограничения могут быть сняты путём совершения ограниченным в правах лицом действий, направленных на устранение причин, с которыми связано их установление. Ограничение корпоративных прав устанавливается в целях недопущения нарушений прав и законных интересов участников хозяйственных обществ, самого общества и третьих лиц, предотвращения корпоративных конфликтов, разрешения корпоративных споров, а также

[1] Нерсесянц В. С. Прогресс в праве (исторический опыт и перспективы) // Теория государства и права. М., 1995. С. 287; Д. А. Абезин, А. П. Анисимов. Указ. соч. С. 61.
[2] Гентовт О. И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. Москва: Статут, 2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Там же. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

поддержания эффективного управления и развития хозяйственных обществ. Ограничение корпоративных прав может устанавливаться законом, договором, уставом хозяйственных обществ и корпоративным договором.

Что же касается *«ограничения корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ»*, то, согласно позиции, высказанной А. С. Александровой его следует рассматривать как «…определенные границы деятельности управомоченных субъектов корпоративных правоотношений по реализации тех возможностей, которые предоставлены им субъективными гражданскими правами в сфере корпоративного управления, с целью недопущения ущемления публичных интересов и прав третьих лиц»[1]. Однако мы считаем, что предложенное автором определение не в полной мере отражает сущность подобного рода ограничений, в связи с тем, что они устанавливаются не только в целях недопущения ущемления публичных интересов и прав третьих лиц, а в первую очередь преследуют цель недопущения нарушений прав и законных интересов участников хозяйственных обществ и самих обществ, а также направлены на поддержание эффективного корпоративного управления, ориентированного на развитие хозяйственных обществ. Утверждение о том, что ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ представляет собой определенные границы деятельности управомоченных субъектов корпоративных правоотношений, также считаем неуместным, поскольку границы осуществления того или иного права определяются *«пределами»* его осуществления, а *«ограничение»* следует рассматривать как меру правового воздействия на участников хозяйственных обществ, которая сужает возможности реализации принадлежащих им правомочий, входящих в содержание корпоративного права. Таким образом, «*ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ*» представляет

[1] Александрова А. С. Способы ограничения права на управление в корпорации: общая характеристика и отличительные особенности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 3. С. 37.

собой меру правового воздействия на участников хозяйственных обществ, которая сужает возможность реализации принадлежащих им управленческих правомочий, с целью предотвращения нарушений прав и законных интересов самих обществ, их участников и третьих лиц, недопущения ущемления публичных интересов, а также поддержания эффективного корпоративного управления, ориентированного на развитие хозяйственных обществ.

Последним рассмотренным в рамках настоящего параграфа понятием будет *«предел»*. Установления «пределов» осуществления прав можно свести к правилу, согласно которому «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого» (М.А. Бакунин)[1] и «свобода бывает там, где господствует закон, а не произвол»[2]. Наличие *«пределов»* осуществления права является некоторой гарантией недопущения хаоса «естественного состояния»,[3] выдвинутого Томасом Гоббсом, при котором субъективные права не были ограничены никакими пределами, и каждый человек имел «право на всё».

Как указывал В. П. Грибанов, «всякое субъективное право, будучи мерой возможного поведения управомоченного лица, должно иметь определенные границы, как по своему содержанию, так и по характеру его осуществления»[4]. Именно границы возможного поведения управомоченного лица следует считать «пределами», которые, по мнению А. Н. Ловцова, представляют «сложную, не однолинейную категорию, находящуюся в тесной взаимосвязи с базовым понятием «ограничение» и его основными разновидностями»[5].

---

[1] Избранные труды / М. А. Бакунин, П. И. Талеров, А. А. Ширинянц; авт. вступ. ст. А. А. Ширинянц, Ю. А. Матвеева, П. И. Талеров; коммент., указ. имен П. И. Талеров. М.: РОССПЭН, 2010. С. 27.

[2] Мелехин А. В. Теория государства и права: учебник / А. В. Мелехин. М.: Маркет ДС корпорейшн, 2016. С. 108; Гегель Г.В. Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 343.

[3] Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс; предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. С. 72.

[4] Грибанов В. П. Указ. соч. С. 40.

[5] Ловцов А. Н. Предел как компонент правового ограничения: теория и практика // Современное общество и право. 2019. № 1 (38). С. 7; Суменков С. Ю., Ловцов А. Н. Указ. соч. С. 32.

«Законодатель, предоставляя субъекту конкретное право, определяет и его пределы…»[1], т. е. те рамки, в которых субъект по своему усмотрению будет реализовывать данное право, не причиняя вреда другому субъекту правоотношений.

Идея установления «пределов» осуществления прав усматривается еще из ст. 4 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., в которой указывается, что «*свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Эти границы могут быть установлены только законом*»[2]. Подобное положение содержится и в ныне действующих международных правовых актах, например в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948), указывается, что «*при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других*…»[3].

В современном отечественном законодательстве возможность установления *«пределов»* осуществления прав усматривается из положений Конституции РФ, в п. 3 ст. 17 которой указано, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»[4]. Законодатель на конституционном уровне защитил права граждан от злоупотреблений и превышений «пределов» осуществления своих прав

---

[1] Колесников О. П. Пределы субъективных гражданских прав // Журнал российского права. 2007. №12 (132). С. 39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predely-subektivnyh-grazhdanskih-prav (дата обращения: 15.04.2025).

[2] Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 117 – 119.; ст. 4 Декларации прав человека и гражданина (Конституция Франции) (Принята 26.08.1789). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Российская газета. 1995. № 67.

[4] Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

другими гражданами, обладающими равными по отношению друг к другу правами. Каждый гражданин имеет равные возможности и волен реализовывать принадлежащие ему права и свободы, однако при этом он должен уважать аналогичные права других, следовательно, его права не могут быть безграничны, а будут ограничены определенными *«пределами»*.

Как указывает Н. О. Травников, п. 3 ст. 17 Конституции РФ хоть и «не содержит какого-либо прямого изъятия из возможностей поведения»[1], однако создает основу для установления законодательных пределов осуществления прав в нормах отраслевого законодательства (ст. 10 ГК РФ). Законодательное регулирование «пределов» осуществления прав посредством установления четких границ, за пределами которых осуществление прав считается злоупотреблением, позволяет обеспечить баланс интересов между участниками правоотношений.

Основоположником теории пределов осуществления гражданских прав является В. П. Грибанов, по мнению которого «всякое субъективное право, будучи мерой возможного поведения управомоченного лица, имеет определенные границы... Границы эти могут быть большими или меньшими, но они существуют всегда. Границы есть неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность - в произвол и тем самым вообще перестает быть правом»[2]. Нарушение же пределов осуществления гражданских прав, по мнению учёного, следует рассматривать как злоупотребление правом, под которым понимается ситуация, «когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы»[3].

---

[1] Травников Н. О. Указ. соч. С. 108.
[2] Грибанов В. П. Указ. соч. С. 22.
[3] Там же. С. 46.

Что же касается *«пределов осуществления корпоративных прав»*, то в доктрине данное понятие часто отождествляется со *«злоупотреблением корпоративным правом»,* которое является разновидностью злоупотребления субъективным правом, выделяемым по критерию типа субъективных прав, которыми злоупотребляют управомоченные субъекты в лице участников хозяйственных обществ. «Иными словами, злоупотребить корпоративным правом может участник хозяйственного общества, который обладает корпоративными правами, возникающими с момента возникновения правоотношения участия (членства) в хозяйственном обществе»[1].

Согласно выводам из судебной практики, злоупотребление корпоративными правами участников хозяйственных обществ возможно при совершении действий:

- нарушающих права и интересы других участников корпорации[2];

- вступающих в противоречие с интересами корпорации[3];

- нарушающих права и интересы третьих лиц (контрагентов, кредиторов общества), когда участник управомочен действовать от имени общества[4];

Однако отождествление понятий *«злоупотребление корпоративным правом»* и *«предел осуществления корпоративного права»* является не вполне корректным, в связи с тем, что *«предел осуществления корпоративного права»* устанавливает общие рамки добросовестного поведения участников хозяйственных обществ при реализации корпоративных прав, а *«злоупотребление корпоративным правом»* выражается в осуществлении корпоративных прав за рамками добросовестного поведения, что приводит к

---

[1] Григорьев Н. Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 34.

[2] Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[3] Постановление ФАС Поволжского округа от 27 декабря 2013 г. по делу № А55-5450/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нарушению интересов хозяйственных обществ, его участников и третьих лиц. Иными словами, *«злоупотребление корпоративным правом»* выражается в нарушении *«пределов»* его осуществления.

Что же касается «*пределов осуществления права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ»*, то под ними следует понимать законодательно установленные границы добросовестного поведения участников хозяйственных обществ при реализации ими правомочий по участию в управлении деятельностью обществ, при которых исключается нарушение прав и законных интересов самих хозяйственных обществ, их участников, третьих лиц, а также публичных интересов. Пределы осуществления права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ устанавливаются с целью недопущения его абсолютизации, при которой любой участник общества смог бы получить неограниченную власть и контроль над обществом, которая мешала бы его развитию.

К *«злоупотреблению корпоративным правом на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ»* следует подходить с позиции его осуществления за рамками добросовестного поведения, в результате которого нарушаются интересы самих хозяйственных обществ, их участников и третьих лиц. При этом следует учитывать, что *«злоупотребление»* может быть выражено как в активных действиях участников хозяйственных обществ, так и в их бездействии, выражающемся в уклонении от участия в принятии важных корпоративных решений, без которых деятельность хозяйственных обществ может быть существенно затруднена или вовсе невозможна.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Юридические категории *«запрет»*, *«ограничение»* и *«предел»*, в связи с различием целей и оснований их установления, должны исследоваться как совершенно разные, но взаимосвязанные друг с другом правовые категории. Необходимо исходить из того, что «*запрет»* устанавливает безусловную невозможность реализации принадлежащих лицу корпоративных прав либо отдельных входящих в их содержание правомочий, в то время как

«ограничение» лишь сужает объём предоставленных лицу возможностей по реализации отдельных правомочий, входящих в содержание корпоративного права, а *«предел»* устанавливает общие рамки добросовестного поведения участников хозяйственных обществ при реализации корпоративных прав.

2. Исследование правовой природы и оснований установления *«запретов»* и «*ограничений»* осуществления корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ позволило сделать вывод о том, что *«ограничение»* сужает возможность реализации принадлежащих участникам хозяйственных обществ управленческих правомочий, в то время как *«запрет»* может исключать возможность реализации как самого корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в целом, так и его отдельных правомочий. Это обусловлено существованием фундаментальных различий между ними, выраженных в: 1) основании их установления и снятия; 2) сроке установления; 3) степени влияния на правовой статус участников хозяйственных обществ. Установление *«запрета»* или *«ограничения»* возможности осуществления правомочий по участию в управлении деятельностью хозяйственных обществ не влечет за собой их исключение из содержания самого субъективного корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ.

1.2 Содержание права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ

Право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ является основополагающим правом их участников, позволяющим влиять на принятие важных внутрикорпоративных решений, направленных на поддержание эффективного корпоративного управления, ориентированного на развитие хозяйственных обществ. Данное право предоставляет участникам хозяйственных обществ множество управленческих правомочий, среди которых можно выделить возможность требовать проведения внеочередного

общего собрания (с учётом требований, установленных п. 1 ст. 55 ФЗ «Об АО» и п. 1 ст. 35 ФЗ «Об ООО»), участвовать в подготовке к проведению общего собрания, голосовать по вопросам повестки дня и иные правомочия. Посредством реализации права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицо также правомочно быть избранным или назначенным единоличным исполнительным органом общества, а также занимать иные должности в его органах управления.

Как указывает Ю. С. Харитонова, «управление юридическим лицом прежде всего возможно со стороны его участников или собственников», а создание и деятельность любого юридического лица является «проявлением функции собственности – управления»[1]. Право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ составляет «ядро» правового статуса участников обществ, в связи с тем, что выступает определенной гарантией или предпосылкой для реализации иных корпоративных прав. Кроме того, реализация многих корпоративных прав участников хозяйственных обществ возможна лишь при условии принятия соответствующих решений их органами управления. Возможность принятия данных решений, в свою очередь, зависит от волеизъявления самих участников, которое осуществляется через право на участие в управлении, например, путём участия в общем собрании участников и голосования по предложенным вопросам повестки дня. Так, например, имущественное право на получение прибыли (дивидендов) может быть реализовано лишь посредством принятия решения общим собранием (п. 1 ст. 28 ФЗ «Об ООО», п. 3 ст. 42 ФЗ «Об АО»), при этом перечень лиц, имеющих данное право на дату принятия решения общим собранием, формируется по решению наблюдательного совета (п. 3 ст. 42 ФЗ «Об АО»).

Следует отметить, что в рамках настоящего диссертационного исследования используется конструкция *«право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ».* Данный терминологический выбор

[1] Харитонова Ю. С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03. М., 2011. С. 45.

требует пояснения, поскольку в действующем законодательстве (например, в абз. 2 п. 1 ст. 65.2 и ст. 65.3 ГК РФ) употребляются такие понятия, как «*право участвовать в управлении делами корпорации»* и *«управление в корпорации».* Использование в настоящем диссертационном исследовании термина *«хозяйственные общества»* вместо обобщающего понятия *«корпорация»* продиктовано необходимостью соблюдения терминологической точности, строго соответствующей объекту исследования. Поскольку диссертация посвящена исследованию общественных отношений, складывающихся при установлении запретов и ограничений осуществления права на участие в управлении деятельностью именно в **хозяйственных обществах**, т. е. обществах с ограниченной ответственностью (далее — ООО) и акционерных обществам (далее — АО), то применение более широкого родового термина *«корпорация»*, охватывающего также хозяйственные товарищества, некоммерческие корпоративные организации и др. являлось бы методологически неверным и могло бы привести к смысловой неопределенности.

Как указывает В. А. Лаптев, «в отношении корпоративного управления выделяются две основные модели корпоративных систем:

- управление делами корпорацией (внутриорганизационное управление);

- управление деятельностью корпорации (внутрипроизводственное управление хозяйственной и иной экономической деятельностью)»[1].

Ученый отмечает, что «в юридической литературе данные элементы нередко смешиваются или четко не разделяются», при этом добавляет, что в «…отечественных корпоративных системах … допускается сочетание элементов обеих моделей…»[2], однако в обоих случаях подчеркивается существо участия (членства) - управление корпорацией.

[1] Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Там же. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Право на участие в управлении **делами** корпорации (ст. 65.2 ГК РФ) выступает ключевым неимущественным правом её участников, направленным на формирование внутренней воли корпорации, выраженной в определении состава органов управления корпорацией, утверждении её устава, реорганизации, ликвидации корпорации и др. Право на участие в управлении **деятельностью** корпорации, в свою очередь, является более **широкой категорией**, охватывающей не только внутриорганизационные аспекты управления (голосование на общих собраниях, формирование органов управления и др.), но и управление внешней деятельностью корпорации, выраженной в её участии в гражданском обороте. Таким образом, использование в настоящем диссертационном исследовании юридической конструкции «*право на участие в управлении **деятельностью** хозяйственных обществ*» позволяет охватить как внутренние (корпоративно-правовые), так и внешние (гражданско-правовые) аспекты реализации корпоративной воли *(например, в § 2.2 настоящего диссертационного исследования рассматриваются последствия заключения дисквалифицированным **руководителем** сделок от имени хозяйственного общества)*, что соответствует комплексному подходу к анализу исследуемого корпоративного права *(исследуется как внутриорганизационное, так и внутрипроизводственное управление хозяйственным обществом).*

Как указывает И. С. Шиткина, «именно возможность участия в управлении является квалифицирующим признаком корпоративных отношений и обеспечивает акционеру (участнику) возможность получить прибыль от своего участия в обществе»[1]. В. В. Долинская, придерживаясь аналогичного мнения, отмечает, что «природу прав акционеров мы видим не столько во владении акцией, сколько в участии акционера в акционерном

[1] Корпоративное право: Учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обществе»[1]. С подобным мнением невозможно не согласиться, в связи с тем, что действительно, именно возможность участия в управлении деятельностью хозяйственных обществ, позволяет их участникам достигнуть цели, выраженной в получении прибыли (дивидендов). Естественно, реализация этого будет невозможна, если хозяйственное общество является убыточным и фактически не имеет средств для выплаты дивидендов (распределения прибыли). Однако и в этом случае право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ будет играть решающее значение в связи с тем, что именно участники хозяйственных обществ непосредственно или опосредованно (например, через совет директоров) определяют приоритетные направления развития хозяйственных обществ, от успешности и правильности выбора которых и будет зависеть рост их капитализации, а вместе с ним и размер получаемой прибыли, необходимой для возможности реализации имущественного права на получение дивидендов (распределении прибыли).

Однако, несмотря на свою значимость для участников хозяйственных обществ и корпоративного управления в целом, корпоративное право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ имеет множество нерешенных доктринальных проблем, среди которых следует выделить проблему определения его содержания, вызванную сложностью структуры, не позволяющей однозначно определить состав входящих в него правомочий. Теория корпоративного права не выработала единого подхода к определению правомочий, которыми наделены участники хозяйственных обществ при реализации принадлежащего им права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Единого мнения по данному вопросу не существует и в судебной практике, при рассмотрении дел о защите права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ.

[1] Акционерное право: основные положения и тенденции: Монография / В. В. Долинская. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 82.

Существующая разница в подходах к определению содержания исследуемого права порождает правовую неопределенность, которая зачастую становится причиной возникновения корпоративных конфликтов, приводит к нарушению прав и законных интересов акционеров (участников), а также затрудняет применение норм корпоративного законодательства в процессе правоприменительной деятельности. Неоднозначность подходов к теоретическому определению правомочий, входящих в содержание права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, приводит к тому, что участники, обладающие определенным количеством акций (долей) уставного капитала хозяйственных обществ, не понимают, какими именно правомочиями по участию в управлении они наделены, и в целях избежания злоупотребления правом не всегда реализуют их в полной мере, либо, наоборот, выходят за рамки предоставленных им правомочий и злоупотребляют правом.

Остается открытым вопрос о соотношении права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ с обязанностью участников хозяйственных обществ принимать участие в согласовании и утверждении наиболее важных корпоративных решений, без которых деятельность хозяйственных обществ существенно затрудняется или же вовсе становится невозможной. Следует также исследовать вопрос о том, в каком случае участники хозяйственных обществ имеют право обратиться за защитой нарушенного корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, и зависит ли возможность его защиты от количества принадлежащих участникам акций (размера доли) в уставном капитале.

Исследуя вопрос о содержании права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, обратимся к теоретическим исследованиям, которые позволят понять, что в теории права понимается под *«содержанием права».* Так, Н. И. Матузов к определению содержания субъективного права подходит как к «…совокупности возможностей и

правомочий, гарантированных государством субъекту права»[1]. Л. А. Чеговадзе рассматривает «содержание права» как «…совокупность заключенных в нем правовых возможностей»[2]. По мнению В. П. Грибанова, «содержание субъективного права включает возможное поведение, а осуществление — это совершение конкретных действий, связанных с превращением этой возможности в действительность»[3].

В. В. Кудашкин определяет «содержание субъективного права» через правоспособность лица, которому оно принадлежит. По мнению автора, содержанием субъективного права, с «одной стороны, являются конкретные проявления правоспособности как правомочия, которые действительно могут быть реализованы лицом, с другой - субъективное право выступает мерой возможного поведения лица, и эта мера определяется содержанием субъективного права»[4]. Интересным также представляет подход О. С. Иоффе, по мнению которого содержание субъективного права выражено не в «дозволенности действий... а в возможности этих действий»[5]. Согласно позиции, высказанной Н. Г. Александровым, в содержании субъективного права следует выделять «три вида правомочий:

1) правомочие на собственное поведение управомоченного;

2) правомочие требовать определенного поведения от обязанного;

3) правомочие на защиту»[6].

С. Н. Братусь связывал *«содержание права»* с «совокупностью определенного перечня возможностей субъекта на его реализацию, в том числе

---

[1] Матузов Н. И. Теоретические проблемы субъективного права: автореф. дис. …докт. юрид. наук: 12.00.01. Харьков., 1973. С. 18.

[2] Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М.: Статут, 2004. С. 122.

[3] Грибанов В. П. Указ. соч. С. 44.

[4] Кудашкин В. В. Гражданско-правовое регулирование в области военно-технического сотрудничества: Учебное пособие. М.: ОнтоПринт, 2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. С. 49.

[6] Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. М.: Госюриздат, 1955. С. 73.

и возможностью это право защитить»[1]. Выделяемая ученым «совокупность определенного перечня возможностей» представлена «правомочиями», которыми наделяется субъект права. При этом «правомочия» составляют содержание права. Под *«правомочием»* же привычно понимается совокупность «юридически обеспеченных возможностей, слагающих всякое субъективное право»[2].

В этой связи, под *«содержанием субъективного права»* следует понимать совокупность принадлежащих субъекту правомочий, которые в рамках тех или иных правоотношений позволяли бы реализовывать принадлежащие ему права. *«Содержание субъективного права»* обеспечивает субъекту возможность предпринимать **активные** действия для достижения своих целей, требовать выполнения определённых действий от других, обязанных лиц, а также защищать свои права всеми способами, не запрещёнными законом. Кроме того, в *«содержание субъективного права»* также входят и такие правомочия, которые могут быть реализованы при **пассивном** поведении управомоченного лица, без необходимости совершения им каких-либо активных действий, влекущих возникновение определённых юридически значимых последствий. При этом *«содержание субъективного права»* тесно связано с его *«осуществлением»,* которое должно происходить строго в тех законодательно установленных границах, которые исключали бы всякое недобросовестное поведение, направленное на причинение вреда другим лицам и др. (ст. 10 ГК РФ).

Что же касается определения *«содержания субъективного корпоративного права»*, то, как указывает О. В. Гутников, его составляют

[1] Братусь С. Н. О пределах осуществления гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1967. № 3. С. 81.
[2] Иванов Э. И. Понятие субъективного права // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 185. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-subektivnogo-prava-1 (дата обращения: 15.04.2025).

«…правомочия, входящие в состав»[1] того или иного корпоративного права, и доступные к осуществлению участниками хозяйственных обществ. Кроме того, ученый обращает внимание на «…тесную зависимость объема и содержания правомочий, входящих в состав субъективного корпоративного права, от организационно-правовой формы и вида конкретного юридического лица, а также положений его учредительных документов»[2]. Р. С. Бевзенко же считает, что «корпоративные права – это вид субъективных частных прав, содержанием которых выступает совокупность прав члена любой корпорации»[3]. Субъективное корпоративное право представляет собой средство реализации корпоративных интересов.

По мнению О. В. Гентовт, «содержание субъективного корпоративного права — это тот объем возможностей, которым в силу закона или устава обладают участники корпорации»[4]. Как указывает А. А. Сосула, содержание субъективного корпоративного права «составляют правомочия, вытекающие из предусмотренного в объективном корпоративном праве разделения их на имущественные и неимущественные (организационные виды)»[5]. А. Ю. Дудченко, исследуя проблему содержания субъективного корпоративного права, также стоит на позиции того, что его составляют

[1] Гутников О. В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 64. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-subektivnogo-korporativnogo-prava (дата обращения: 17.04.2025).
[2] Там же. С. 65.
[3] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[4] Гентовт О.И. Указ. соч. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[5] Сосула А. А. Содержание субъективного корпоративного права // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXVIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 15 ноября 2019 года. Том Часть 2. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 140.

«имущественные корпоративные правомочия, личные неимущественные корпоративные правомочия и организационные корпоративные правомочия»[1].

Как указывает А. Б. Бабаев *«содержание субъективного корпоративного права»* связано прежде всего с управлением юридическим лицом»[2]. По мнению автора, субъективные корпоративные права принадлежат учредителям и участникам хозяйственных обществ, и главным образом выражены в возможности участвовать в управлении их деятельностью. Однако с такой точкой зрения едва ли можно согласиться, в связи с тем, что помимо прав организационно-управленческого характера, участникам хозяйственных обществ могут принадлежать имущественные и преимущественные корпоративные права, которые никак не связаны с управлением хозяйственным обществом. Бесспорным является тот факт, что право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ является ядром правового статуса их участников, однако не является единственным корпоративным правом, которым наделяются участники и (или) учредители.

В этой связи под *«содержанием субъективного корпоративного права»* следует понимать совокупность предоставленных участникам хозяйственных обществ правомочий в рамках принадлежащих им корпоративных прав. Руководствуясь дедуктивным методом научного познания, считаем, что под *«содержанием корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ»,* следует понимать совокупность предоставленных участникам хозяйственных обществ **правомочий, как активного, так и пассивного вида**, позволяющих оказывать влияние на

---

[1] Дудченко А. Ю. Гражданско-правовые способы защиты прав и законных интересов участников корпоративных правоотношений при недружественном слиянии и поглощении хозяйственных обществ: автореферат дис. …канд. юрид. наук: 12.00.03. Краснодар., 2008. С. 6.

[2] Бабаев А. Б. Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений // Вестник гражданского права. 2007. № 4. С. 8; Гутников О. В. Указ. соч. С. 58. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-subektivnogo-korporativnogo-prava (дата обращения: 17.04.2025).

принятие внутрикорпоративных и иных решений, а также занимать должности в органах управления хозяйственных обществ. *«Правомочия»,* входящие в содержание исследуемого права, нами рассматриваются как юридически обеспеченные возможности, представляемые участникам хозяйственных обществ, и слагающие корпоративное право на участие в управлении их деятельностью. Реализация правомочий, входящих в содержание исследуемого права, может осуществляться как посредством **активных действий** самого управомоченного лица, так и путём его **пассивного поведения**, по инициативе других участников хозяйственных обществ или самого общества, что обеспечивает гибкость и баланс интересов участников, позволяя им эффективно участвовать в управлении соответствующим обществом.

Следует учитывать, что объем представленных правомочий может различаться в зависимости от размера принадлежащей участникам доли в уставном капитале или от количества акций, а реализация некоторых правомочий может осуществляться коллективно, с учётом общей совокупности принадлежащих участникам (акционерам) акций (долей) в уставном капитале. Объем принадлежащих участникам хозяйственных обществ правомочий, может также варьироваться в зависимости от содержания внутренних документов хозяйственных обществ, которыми могут быть установлены дополнительные права, а также зависеть от вида организационно-правовой формы.

Порядок осуществления субъективного корпоративного права может быть уточнён в корпоративном договоре, при этом в нём не может быть установлено дополнительных корпоративных прав либо составляющих их правомочий, непредусмотренных законом либо уставом хозяйственных обществ. Как указывает Д. В. Ломакин, положение ст. 67. 2 ГК РФ не содержит указания на то, что «корпоративный договор может порождать новые корпоративные права или расширять объем имеющихся у участников

хозяйственного общества правомочий»[1]. Механизм корпоративного договора был введен в целях конкретизации содержания правомочий, входящих в субъективные корпоративные права, без возможности предоставления дополнительных. Корпоративный договор не порождает новых корпоративных прав, поскольку он направлен на установление порядка осуществления уже существующих (п. 1 ст. 67.2 ГК РФ). В этой связи, следует согласиться с автором, и констатировать тот факт, что в корпоративном договоре может быть определен лишь порядок осуществления корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, однако не может быть установлено дополнительных правомочий, входящих в его содержание.

При уточнении порядка осуществления субъективного корпоративного права в корпоративном договоре, необходимо отметить тенденцию к сужению принадлежащих участникам хозяйственных обществ правомочий, в связи с тем, что, заключив корпоративный договор, участники (акционеры) как правило добровольно ограничивают себя в реализации того или иного корпоративного права либо его отдельных правомочий, а также могут обязаться согласовывать свои действия по их реализации в интересах других участников. Формулировка корпоративного договора, предусмотренная ст. 67. 2 ГК РФ, выстроена таким образом, что участник посредством его заключения обязуется осуществлять свои права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления. Однако сужение правомочий участников хозяйственных обществ посредством заключения корпоративного договора далеко не всегда влечет за собой негативные последствия, а является весьма полезным инструментом в рамках корпоративного управления, позволяющим достичь баланса интересов между участниками (членами) хозяйственных обществ. Сужение содержания субъективного корпоративного права в корпоративном договоре может

[1] Ломакин Д. В. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: актуальные проблемы и перспективы нормативного регулирования // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

привести к негативным последствиям лишь при условии превышения пределов его ограничения *(рассмотрено в § 3.1. настоящего диссертационного исследования)*, что повлечет за собой нарушение прав и законных интересов участников(а) хозяйственных обществ, подвергнувшихся такого рода ограничениям.

Продолжая исследование вопроса о содержании корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, следует отметить, что юридическая доктрина в настоящий момент все еще не выработала единого подхода к определению перечня правомочий, составляющих содержание данного корпоративного права. Ученые не могут сойтись во мнении по данному вопросу, в связи с тем, что управление хозяйственным обществом является сложным, многогранным процессом, включающим в себя большой перечень функций, среди которых следует выделить: «планирование, организация, мотивация, контроль»[1]. Как указывает И. А. Самойлов, участники хозяйственных обществ посредством реализации принадлежащего им права на управление «принимают решения о том, чем будет заниматься их корпорация, определяют размер прибыли, которая будет распределена между ними, а также контролируют как функционирует их корпорация»[2]. Ю. Г. Лескова считает, что в «управлении корпорацией принимают участие ее члены, однако это участие имеет опосредованный, а не прямой характер»[3]. «Непосредственное управление и реализация правосубъектности акционерного общества осуществляются органами управления, к числу которых относится совет директоров»[4].

---

[1] Майкл Х. Мескон, Майкл Альберт, Франклин Хедоури. Основы менеджмента / пер. с англ. и ред. О. И. Медведь. М.: Вильямс, 2016. С. 48.

[2] Самойлов И. А. К вопросу о классификации корпоративных прав участников хозяйственных обществ // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Лескова Ю. Г. Актуальные проблемы корпоративного права: учеб.-метод. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2015. С. 24.

[4] Беженар А. Н. Место и роль совета директоров в системе корпоративного управления в акционерном обществе // Право и экономика. 2019. № 1(371). С. 36.

Исследование неимущественного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ всегда являлось объектом пристального внимания со стороны ученых-юристов. Понимая важность участия в управлении деятельностью хозяйственным обществом для его участников, учеными неоднократно предпринимались попытки изучения данного права с целью уточнения его правовой природы, содержания, а также выработки наиболее эффективных способов защиты. Так, согласно позиции П. А. Писемского, право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ состоит из «возможности требовать созыва общего собрания, вносить вопросы в общее собрание и голосовать на нем»[1]. Однако с данной позицией невозможно согласиться, в связи с тем, что помимо правомочий требовать созыва общего собрания и голосовать по вопросам его повестки дня, участники хозяйственных обществ также правомочны занимать должности в органах управления и др.

И. Т. Тарасов полагал, что корпоративное право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ «осуществляется главным образом посредством пользования правом голоса», а также возможностью «быть выбранным», и «требовать созыва общего собрания»[2]. П. А. Руднев, в свою очередь, считал, что исследуемое корпоративное право состоит из возможности «быть избранным в состав выборных органов в качестве ревизора, члена правления или наблюдательного совета»[3], а также отдельно выделял «право на подачу голоса на общем собрании»[4].

В отличие от позиций всех вышеупомянутых авторов, В. Ю. Вольф вообще не выделял право на участие в управлении деятельностью

---

[1] Писемский П. А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М.: тип. Грачева и К°, 1876. С. 162.
URL: https://archive.org/details/pisemskijpaaktsionernyekompaniistochki55 (дата обращения 12.04.2025).
[2] Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000. С. 425.
[3] Руднев П. А. Анализ прав и обязанностей акционеров. М.: Изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1927. С. 7.
[4] Там же. С. 13.

хозяйственных обществ, и объединял его с «правами личного участия», к которым в свою очередь относились правомочия: «…на совещательный и решающий голос, быть избранным в состав выборных органов.., …знакомиться с положением дел общества, …делать предложения общему собранию, …требовать созыва чрезвычайного общего собрания и оспаривать незаконные постановления общего собрания»[1].

Среди современных ученых в области корпоративного права, занимающихся изучением правомочий, входящих в содержание права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, также не существует единого мнения. Так, например, И. С. Шиткина, среди правомочий составляющих содержание исследуемого права выделяет: «правомочие по участию в подготовке к проведению общего собрания, участие в общем собрании и голосование по вопросам повестки дня, требование проведения внеочередного общего собрания акционеров (участников), созыв внеочередного общего собрания участников ООО, а также обращение в суд с требованием о понуждении АО провести внеочередное общее собрание»[2]. Д. В. Ломакин, в свою очередь, помимо вышеуказанных правомочий, также включает сюда: правомочие «быть избранным в органы управления корпорации, правомочие получать информацию о дате и месте проведения и повестке дня общего собрания, а также правомочие получение доступа к материалам, подлежащим обсуждению на общем собрании»[3]. Несколько иной взгляд по данному вопросу у В. А. Лаптева, который утверждает о том, что в «зависимости от вида корпораций соответствующим образом фиксируются,

---

[1] Вольф В. Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М.: Финансовое изд-во, 1927. С. 130; Корпоративное право: учебник / Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинскас, Е. П. Губин и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М: КНОРУС, 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». *(автор § 1 главы VII «Корпоративные права и обязанности акционеров (участников)» - Д. И. Дедов в соавторстве с И. С. Шиткиной).*

[2] Корпоративное право в таблицах и схемах. / И. С. Шиткина 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2016. С. 236.

[3] Ломакин Д. В. Акционерное правоотношение. М.: Снарк, 1997. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

видоизменяются и реализуются права управления», в связи с чем в «законодательстве закрепляются следующие управленческие права: «право требовать созыва внеочередного общего собрания участников ООО; право вносить вопросы в повестку дня годового общего собрания акционеров; право требовать созыва внеочередного общего собрания АО»[1]. и др.

Отсутствие единого теоретического подхода к определению правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, зачастую становится причиной его нарушения как со стороны самих хозяйственных обществ, так и их участников, что ведёт к возникновению корпоративных конфликтов, в результате которых снижается эффективность корпоративного управления. Данное обстоятельство зачастую становится причиной уменьшения прибыли хозяйственных обществ, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на их участников (акционеров), а также снижает инвестиционную привлекательность. В связи с сокращением количества получаемой прибыли, хозяйственные общества вынуждены уменьшать размер выплачиваемых участникам (акционерам) дивидендов (прибыли), либо же вовсе не принимать такое решение.

Кроме того, возрастающее количество корпоративных конфликтов увеличивает и без того колоссальную нагрузку на судебные органы, что в свою очередь ведет к увеличению продолжительности рассмотрения дел, и зачастую становится причиной нарушения принципа разумного срока судопроизводства (ст. 6.1. Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) (далее — АПК РФ)[2], ст. 6.1. Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)

[1] Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

(далее — АПК РФ)[1]. Разрешение корпоративных споров в условиях перегруженности судов и кадрового дефицита снижает качество рассмотрения дел либо же вовсе не разрешает их по существу, что становится причиной для их дальнейшего обжалования.

Доктринальное разрешение вопроса об определении правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, позволит обеспечить баланс как частных, так и публичных интересов. Участники хозяйственных обществ смогут однозначно определиться с тем, какими именно правомочиями по участию в управлении деятельностью хозяйственных обществ они наделены, что поспособствует их наиболее эффективной реализации, направленной на развитие обществ. Отсюда сократится количество корпоративных конфликтов, требующих судебного разрешения, что приведет к сокращению нагрузки на судебные органы, обеспечению принципа разумного срока судопроизводства и процессуальной экономии.

В этой связи, под «*правомочием, входящим в содержание права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ*», следует понимать установленную законом конкретную меру возможного поведения участника (акционера) в процессе управления обществом. В целях формирования единого теоретического подхода к определению правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, следует определить их перечень, который, по нашему мнению, может быть представлен следующими правомочиями:

- выносить дополнительные вопросы на повестку дня общего собрания хозяйственных обществ (п. 1 ст. 53 ФЗ «Об АО», п. 2.1. ст. 36 ФЗ «Об ООО») (активное правомочие);

[1] Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

- выдвигать кандидатов в органы управления хозяйственных обществ (п. 1 ст. 53 ФЗ «Об АО», п. 2.1. ст. 36 ФЗ «Об ООО») (активное правомочие);

- выдвигать кандидатов в органы управления хозяйственного общества, создаваемого в результате реорганизации (п. 8 ст. 53 ФЗ «Об АО») (активное правомочие);

- обращаться в суд с требованием о понуждении включить предложенный вопрос в повестку дня общего собрания или кандидата в список кандидатур (п. 6. ст. 53 ФЗ «Об АО») (активное правомочие);

- получать информацию о дате, времени, месте проведения, повестке дня общего собрания хозяйственных обществ (п. 5. ст. 52 ФЗ «Об АО», п. 2 ст. 36 ФЗ «Об ООО») (пассивное правомочие);

- лично или через представителя принимать участие в заседании общего собрания участников хозяйственных обществ (п. 2 ст. 37 ФЗ «Об ООО», п. 1 ст. 57 ФЗ «Об АО») (активное правомочие);

- регистрироваться в качестве участника общего собрания хозяйственных обществ (п. 2 ст. 37 ФЗ «Об ООО», п. 4.7. гл. 4 Положение Банка России от 16.11.2018 № 660-П «Об общих собраниях акционеров» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2019 № 53262)[1] (активное правомочие);

- голосовать при принятии общим собранием решений по вопросам, поставленным на голосование (п. 1 ст. 49 ФЗ «Об АО», п. 1 ст. 32 ФЗ «Об ООО») (активное правомочие);

- знакомиться с результатами голосования, отраженными в протоколе общего собрания или протоколе об итогах голосования (ст. 62, 63 ФЗ «Об АО», ст. 38.2 ФЗ «Об ООО») (активное правомочие);

- требовать созыва внеочередного общего собрания участников хозяйственных обществ (п. 1 ст. 55 ФЗ «Об АО», п. 1, 2 ст. 35 ФЗ «Об ООО») (активное правомочие);

[1] Вестник Банка России. 2019. № 3.

- требовать проведения внеочередного заседания общего собрания участников или заочного голосования при наличии оснований, предусмотренных законом (п. 7 ст. 35 ФЗ «Об ООО») (активное правомочие);

- обращаться в суд с требованием провести внеочередное заседание общего собрания участников или заочное голосование в случаях, предусмотренных в законе (п. 9 ст. 55 ФЗ «Об АО») (активное правомочие);

- выдвинуть свою кандидатуру на руководящие должности органов управления хозяйственных обществ (единоличный исполнительный орган, совет директоров, ревизионную комиссию, счетную комиссию) (п. 8 ст. 69, ст. 53 ФЗ «Об АО», ст. 8, п. 2.1. ст. 36, ст. 40 ФЗ «Об ООО») (активное правомочие);

- быть избранным / назначенным на руководящие должности органов управления хозяйственных обществ (совет директоров, ревизионную комиссию, счетную комиссию, единоличным исполнительным органом и др.) (ст. 66, 69 ФЗ «Об АО», ст. 40 ФЗ «Об ООО») (пассивное правомочие).

Представленные правомочия можно разделить на два вида: активные и пассивные. ***Активными*** следует считать правомочия, для реализации которых участнику хозяйственного общества требуется совершить конкретные действия, направленные на возникновение определённых юридически значимых последствий как для него самого, так и для общества в целом. Активные правомочия выражают волю участников хозяйственных обществ и предполагают проявление инициативности в рамках установленных корпоративных процедур. Реализация правомочий требования созыва внеочередного общего собрания участников хозяйственного общества, вынесения вопросов на повестку дня общего собрания, голосование по вопросам повестки дня, обращение в суд с требованием провести внеочередное заседание общего собрания и другие правомочия могут быть реализованы лишь при условии совершения управомоченным лицом необходимых для их осуществления действий, направленных на достижение

конкретного результата, выраженного во включении вопросов в повестку дня, проведении внеочередного общего собрания участников и др.

Пассивные же правомочия, реализуются без необходимости совершения управомоченным лицом каких-либо активных действий, влекущих возникновение определённых юридически значимых последствий. Реализация пассивных правомочий происходит по инициативе других участников хозяйственных обществ или самого общества, без необходимости активных действий со стороны управомоченного лица. Например, избрание или назначение в органы управления хозяйственного общества, предоставление участнику общества информации о дате, времени, месте проведения, повестке дня общего собрания происходит в случае принятия соответствующих решений или совершения определенных действий другими участниками или органами управления общества.

Анализ уставов и иных внутренних документов[1] таких хозяйственных обществ как: публичное акционерное общество (далее — ПАО) ПАО «Газпром»[2], ПАО «Нефтяная компания «Роснефть»[3] (статья 5), ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель»[4] (статья 5), ПАО «Сбербанк»[5] (статья 5), ПАО «ВТБ»[6], непубличное акционерное

---

[1] Положение об Общем собрании акционеров ПАО «Газпром» URL: https://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/regulations-shareholders-meeting-2023-06-30-ru.pdf (дата обращения 14.07.2025).

[2] Устав ПАО «Газпром» URL: https://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/gazprom-articles-2025-06-27-ru.pdf (дата обращения 14.07.2025).

[3] Устав ПАО «Нефтяная компания «Роснефть» URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/rosneft_charter2.pdf (дата обращения 14.07.2025).

[4] Устав «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» URL: https://nornickel.ru/upload/iblock/649/pfo5qyew80sfimis8ue2kry7736gq0lw/ustav_pao_gmk_norilskij_nikel_redakciya_11.pdf (дата обращения 14.07.2025).

[5] Устав ПАО «Сбербанк» URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/ustav_pao_sberbank_21042023.pdf (дата обращения 14.07.2025).

[6] Устав ПАО «ВТБ» URL: https://www.vtb.ru/media-files/vtb.ru/sitepages/ir/disclosure/documents/ustav_banka_vtb_21022025.pdf (дата обращения 14.07.2025).

общество (далее — НПАО) НПАО «Финансовые системы»[1], ООО «ЭН+ ГИДРО»[2], ООО ««Транснефть - Восток»[3] и др. показал, что в уставе как правило устанавливается само право на участие в управлении деятельностью хозяйственным обществом, а законодательством определяется перечень входящих в его содержание правомочий. Так, например, пп. 1 ст. 6. Устава ООО ««Транснефть - Восток» устанавливается **право «участвовать в управлении делами Общества** в порядке, установленном ФЗ «Об ООО» и настоящим Уставом, в том числе посредством участия в Общих собраниях участников Общества лично либо через своего представителя»[4], однако **не уточняется перечень входящих в него правомочий**. Подобное положение можем встретить и в уставе ПАО «ЛУКОЙЛ», в п. 5.5.1 ст. 5 которого указано что «акционеры компании **имеют право «участвовать в управлении компанией** путем участия в заседании или заочном голосовании при принятии решений Собранием акционеров Компании…»[5]. Некоторые уставы, например ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина также содержат указание на то, кто из акционеров «…вправе внести вопросы в повестку дня годового заседания общего собрания акционеров и выдвинуть кандидатов в Совет директоров Общества и Ревизионную комиссию Общества…»[6]. Отсюда можем сделать вывод о том, что **устав лишь фиксирует наличие у участников права на участие в**

---

[1] Устав НПАО «Финансовые системы» URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/FileLoad.ashx?Fileid=1829227 (дата обращения 14.07.2025).

[2] Устав ООО «ЭН+ ГИДРО» URL: https://www.eurosib.ru/upload/Устав%20ЭН+ГИДРО%20от%2009.10.2024_в%20новой%20редакции.pdf (дата обращения 14.07.2025).

[3] Устав ООО «Транснефть - Восток» URL: https://восток.транснефть.рф/upload/iblock/7b9/lydniw2h8whbz8at4xi10mvo3zvdw4rg/116._novii_ystav_protokol_11_ot_27.04.2018_.pdf (дата обращения 14.07.2025)

[4] См. там же. URL: https://восток.транснефть.рф/upload/iblock/7b9/lydniw2h8whbz8at4xi10mvo3zvdw4rg/116._novii_ystav_protokol_11_ot_27.04.2018_.pdf (дата обращения 14.07.2025).

[5] Устав ПАО «ЛУКОЙЛ» URL: https://lukoil.ru/FileSystem/9/691850.pdf?dl=1 (дата обращения 15.07.2025).

[6] Устав ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина URL: https://www.tatneft.ru/uploads/publications/67c1429675d65048013688.pdf (дата обращения 15.07.2025).

управлении деятельностью хозяйственных обществ, и устанавливает общий порядок его реализации, конкретные же составляющие его правомочия определяются законодательством. Перечень правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ установлен специальным корпоративным законодательством, и может считаться закрытым (исчерпывающим) в связи с тем, что не может дополняться уставом обществ. В уставе могут конкретизироваться порядок реализации отдельных управленческих правомочий, устанавливаться собственные внутренние процедуры и регламенты реализации корпоративных прав (например, конкретный механизм созыва общего собрания участников, регламент проведения голосования, формы уведомлений о порядке проведения общего собрания), но не могут предусматриваться новые правомочия, выходящие за законодательно установленные рамки.

Установленное п. 2 ст. 8 ФЗ «Об ООО» правило о том, что устав общества может предусматривать иные права (дополнительные права) участника (участников) общества», распространяется именно на установление **дополнительных корпоративных прав, а не правомочий, составляющих содержание того или иного корпоративного права (в частности права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ)**. Например, к дополнительным правам могут быть отнесены, «право участвовать в работе общих собраний хозяйственных обществ, участником или акционером которых выступает первое общество; право участника присутствовать на заседаниях совета директоров, коллегиального исполнительного органа»[1] и др. Что же касается положения абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ, ст. 32 ФЗ «Об ООО», то в случае установления в уставе или корпоративном договоре иного объема правомочий участников непубличного хозяйственного общества, изменится лишь количество

[1] Энциклопедия решений. Дополнительные права участников ООО, предусмотренные уставом (июнь 2025) URL: https://base.garant.ru/58078113/ (дата обращения 14.07.2025).

принадлежащих участнику голосов, вытекающих из размера принадлежащей ему доли в уставном капитале, но не возникнет новых правомочий по участию в управлении хозяйственного общества. Так, например, участник ООО имеет долю 30% в уставном капитале, что по общему правилу даёт ему 30% голосов на общем собрании, однако в уставе или корпоративном договоре может быть предусмотрено, что этот участник имеет, например, 50% голосов. Важно понимать, что в таком случае изменяется только количество голосов, которыми обладает участник на общем собрании, а не содержание права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. У участника не возникает новых правомочий, не предусмотренных законом, он лишь усиливает свое влияние в рамках уже существующих, путем непропорционального распределения количества голосов.

Кроме того, следует учитывать, что, например, ООО могут действовать на основании типовых уставов *(не требуют предоставления в ФНС в качестве отдельного документа, достаточно в решении о создании указать номер типового устава)*, утверждённых Приказом Минэкономразвития России от 01.08.2018 № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.09.2018 № 52201)[1] (утверждено 36 типовых уставов), различающихся сочетанием условий, в частности касающихся возможности выхода участников из общества, порядка отчуждения доли третьим лицам, наличия преимущественного права покупки доли, а также особенностей формирования единоличного исполнительного органа.

Что же касается содержания в типовых уставах корпоративных прав участников, то во всех 36 вариантах типовых уставов, в *разделе II. Права и обязанности участников Общества*, указано, что *«участники Общества имеют права и несут обязанности, предусмотренные Гражданским кодексом*

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Российской Федерации и Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» ...»[1], **т. е. содержание корпоративных прав устанавливается ГК РФ и ФЗ «Об ООО**. Отсюда следует, что и в данном случае содержание права участия в управлении деятельностью определяется исключительно законодательством и не может быть расширено типовым уставом. **Выбор типового устава сам по себе не влечёт за собой ни расширения, ни сужения объёма управленческих правомочий участников ООО**, т. е. право участия в управлении сохраняется за участниками в полном объёме, установленном ГК РФ и ФЗ «Об ООО». Типовой устав **не может** создавать новые управленческие правомочия, не предусмотренные законом. Однако в отличие от индивидуального устава, типовой устав **исключает возможность** для участников самостоятельно конкретизировать отдельные процедурные аспекты реализации права на управление (например, детально прописать механизм созыва общего собрания, устанавливать формы уведомлений о порядке проведения общего собрания и др.), поскольку типовой устав не предполагает внесения в него изменений участниками и подлежит применению в той форме, в которой он утвержден уполномоченным государственным органом.

Право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ принадлежит всем участникам обществ, независимо от того, каким количеством акций или долей уставного капитала они владеют. Однако содержание данного права может существенно отличаться, поскольку реализация некоторых правомочий, входящих в его содержание возможна лишь при условии единоличного или коллективного владения определенным количеством акций (долей) уставного капитала хозяйственного общества. Например, требование созыва внеочередного общего собрания участников (п. 1 ст. 55 ФЗ «Об АО», п. 1, 2 ст. 35 ФЗ «Об ООО») может быть реализовано лишь при условии владения не менее чем одной десятой от общего числа

[1] Сервис выбора типового устава для ООО URL: https://service.nalog.ru/statute/ (дата обращения 19.04.2026).

голосов участников ООО, либо не менее чем 10 процентов голосующих акций АО на дату предъявления требования. Схожие условия установлены и для вынесения вопросов на повестку дня общего собрания АО (п. 1 ст. 53 ФЗ «Об АО») и других правомочий.

Защита права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ осуществляется независимо от количества принадлежащих участнику общества акций (долей) уставного капитала, но может ограничиваться пределами принадлежащих ему правомочий. Например, акционер обладающий 1% голосующих акций, правомочен обратиться в суд за защитой принадлежащего ему права на участие в голосовании по вопросам повестки дня общего собрания, но никак не может обращаться в суд с требованием о понуждении включить предложенный вопрос в повестку дня общего собрания или кандидата в список кандидатур (п. 6. ст. 53 ФЗ «Об АО»). Защита права на участие в голосовании по вопросам повестки дня общего собрания осуществляется вне зависимости от того, повлияло бы участие лица в голосовании на его конечный результат или нет, а определяется по формальному основанию обладания участником хозяйственного общества данным правом. Как указывается в «Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) (ред. от 25.04.2025) «решение общего собрания участников (акционеров) подлежит признанию недействительным независимо от того, каким размером доли в уставном капитале (количеством акций) владеет истец, в случае если доказано существенное нарушение процедуры созыва общего собрания участников (акционеров), которое воспрепятствовало участнику (акционеру) реализовать право на участие в принятии решений, связанных с управлением обществом»[1].

Далее перейдем к исследованию вопроса о соотношении права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ с обязанностью

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

участников хозяйственных обществ принимать участие в принятии наиболее важных корпоративных решений, без которых деятельность хозяйственных обществ может существенно затрудниться или же вовсе стать невозможной. Как нами подчеркивалось в наших публикациях, действующее корпоративное законодательство построено таким образом, что, с одной стороны, участники хозяйственных обществ **вправе** участвовать в управлении их деятельностью (ст. 65.2 ГК РФ, ст. 31-32 ФЗ «Об АО», ст. 8 ФЗ «Об ООО»), но с другой стороны, в некоторых случаях, если данное право не будет реализовано, участники могут быть исключены из хозяйственного общества, в связи с грубым нарушением своих **обязанностей** (ст. 10 ФЗ «Об ООО»), *(см., напр.: п. 35 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».*

«Проблема реализации субъективного корпоративного права на участие в управлении деятельностью корпорации через пассивное поведение или бездействие становится особенно актуальной в тех случаях, когда присутствие конкретного участника или участников на общем собрании необходимо для обеспечения достижения кворума голосов, необходимых для принятия того или иного корпоративного решения. В таком случае, преднамеренное неучастие в общем собрании одного или нескольких участников (членов) корпорации, осознающих значимость своего присутствия, свидетельствует о недобросовестном осуществлении принадлежащего им корпоративного права на участие в управлении деятельностью корпорации. Например, умышленное игнорирование участия в общем собрании, может осуществляться в целях, блокирования принятия важных корпоративных решений, давления на остальных участников (членов) корпорации, а иногда и в интересах третьих лиц»[1].

[1] Мельник Д. Э. К вопросу о ситуационной трансформации корпоративных прав и обязанностей // Гражданское право. 2025. № 5. С. 25 – 26.

Как указывает Д. В. Ломакин «неучастие в общем собрании участников корпорации при наличии определенных обстоятельств может быть квалифицировано в качестве правонарушения в форме злоупотребления корпоративным правом на участие в управлении делами корпорации»[1]. По мнению ученого «…проблема неучастия в принятии корпоративных решений снимается без смешения субъективных прав и юридических обязанностей. Требуется применить лишь хорошо известную конструкцию запрета злоупотребления правом»[2], что подтверждается также и многочисленной судебной практикой, в том числе п. 14 Обзора судебной практики о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) (ред. от 25.04.2025) и другими судебными актами[3].

С данным мнением невозможно не согласиться, в связи с тем, что реализация субъективного корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ может быть осуществлена и посредством пассивного поведения или бездействия, которое может оказать негативное воздействие на дальнейшее продолжение деятельности хозяйственных обществ. В этой связи уклонение лица от участия в общем собрании, на котором планируется принять важное корпоративное решение и без которого существенно затруднится или парализуется деятельность хозяйственного общества, действительно следует признавать злоупотреблением правом, а к лицам, допустившим такое злоупотребление, применять последствия, установленные ст. 10 ГК РФ.

«Однако следует сказать, что в теории корпоративного права существует и иной подход к исследованию сложившейся проблемы соотношения права на

---

[1] Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов и др. / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2017. Т. 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». *(автор главы IX «Права и обязанности участников (членов) корпорации» - Д. В. Ломакин).*

[2] Афанасьева Е. Г., Вайпан В. А., Габов А. В. и др. Указ. соч. Т. 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] См. также: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.05.2025 № Ф10-1129/2025 по делу № А54-3366/2023; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.09.2024 № Ф02-3317/2024, Ф02-3312/2024 по делу № А19-23480/2023 и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

участие в управлении деятельностью корпорации с обязанностью участника корпорации принимать участие в принятии наиболее важных корпоративных решений. Например, как указывает Д. В. Ломакин, «право на участие в управлении делами общества при определенных обстоятельствах трансформируется в соответствующую юридическую обязанность»[1]. Подобного мнения придерживаются О. В. Осипенко[2] и Н. Д. Грибов[3], который также считает, что «конструкция права на участие может при наличии ряда условий трансформироваться в обязанность участия»[4].

Исследованию вопроса трансформации корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в соответствующую обязанность, также уделялось внимание и в кандидатской диссертации И. В. Котова, который исследуя особенности правового статуса членов саморегулируемых организаций, размышляет о «ситуационной трансформации права на участие в управлении в корпоративную обязанность»[5], при которой участие члена саморегулируемой организации необходимо для принятия того или иного решения. Подобная позиция находит свое отражение и в многочисленной судебной практике, например в *Постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 апреля 2017 года по делу № А09-8807/2016*[6]*, и др.*[7]

---

[1] Ломакин Д. В. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2021. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Осипенко О. В. Право, как обязанность: корпоративно-управленческий аспект. Часть 1 // Вестник арбитражной практики. 2021. № 2. С. 13.

[3] Грибов Н. Д. Обязанности участников корпорации // Правосудие. 2021. Т. 3. № 1. С. 133.

[4] Мельник Д. Э. К вопросу о ситуационной трансформации корпоративных прав и обязанностей … С. 26.

[5] Котов И. В. Правовой статус членов саморегулируемых организаций: дис. ...канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2024. С. 137.

[6] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[7] См. также: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.06.2019 № 15АП-8126/2019 по делу № А32-33061/2018; Определение Верховного Суда РФ от 20.02.2020 № 308-ЭС19-26608 по делу № А32-33061/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«Интересным представляется и тот факт, что в ст. 65.2 ГК РФ, право на участие в управлении деятельностью корпорации отнесено как к правам (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ), так и обязанностям, но применительно лишь к принятию тех решений, без которых «корпорация не может продолжать свою деятельность», а участие члена корпорации «…необходимо для принятия таких решений» (абз. 3 п. 4 ст. 65.2 ГК РФ). Как указывает В. К. Андреев, «участник обладает как правом участия в управлении делами корпорации, так и обязанностью в принятии корпоративных решений, жизненно необходимых для самой корпорации»[1]. Данный факт подчеркивает двойственную природу права на участие в управлении деятельностью корпорации, которое с одной стороны может рассматривать как право, реализуемое по усмотрению участника, а с другой стороны, в ряде критически важных ситуаций оно становится юридической обязанностью, неисполнение которой может привести к негативным последствиям для проигнорировавших его участников корпорации»[2].

Феномен «*ситуационной трансформации права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративную обязанность*» хоть и являлся предметом исследования многих современных учёных в области корпоративного права (И. С. Шиткина, Д. В. Ломакин, О. В. Осипенко, И. В. Котов), однако ни одним из них не было предпринято попыток формулировки его определения, но учеными четко обозначались обстоятельства такой трансформации, среди которых можно выделить:

- «принятие корпоративного решения, отсутствие которого является препятствием для продолжения корпорацией своей деятельности»[3].

---

[1] Андреев В. К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридических лиц // Журнал российского права. 2018. № 8. (260) С. 65. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnoe-grazhdanskoe-pravo-i-inye-proyavleniya-voli-i-interesa-v-deyatelnosti-yuridicheskih-lits (дата обращения: 27.04.2025).

[2] Мельник Д. Э. К вопросу о ситуационной трансформации корпоративных прав и обязанностей … С. 26.

[3] Ломакин Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Примерный перечень таких решений перечислен в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Из этого следует, что далеко не все правомочия входящие в содержание права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ могут быть трансформированы в соответствующую обязанность.

- в том случае, если принятие решения невозможно без волеизъявления определенного участника общества, значимость которого «может быть обусловлена величиной, принадлежащей ему доли (акций), когда для принятия решения требуется квалифицированное большинство голосов, либо же когда на повестку дня вынесено решение, требующее единогласного согласия всех участников (членов) корпорации»[1].

Как указывает Н. Д. Грибов, порой определить значимость участника хозяйственного общества в принятии того или иного решения бывает достаточно трудным. Так, например для избрания единоличного исполнительного органа общества необходимо простое большинство. По мнению автора, «если игнорирует общее собрание мажоритарный участник, то определить трансформацию права в обязанность не составляет проблемы. Однако, когда в обществе более десяти участников с равными долями, то уже возникают вопросы, для кого из участников право преобразовалось в обязанность»[2], в этой связи автор полагает, что трансформация права в обязанность зависит от принимаемого решения «если оно **существенное**, то обязанность участия возникает для всех участников корпорации»[3].

[1] Ломакин Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Грибов Н. Д. Указ соч. С. 133.
[3] Там же. С. 133.

Применение критерия «существенности» принимаемого решения действительно представляется логичным, однако возникает вопрос, какие именно решения следует относить к решениям такого рода? На наш взгляд, определение исчерпывающего перечня подобных решений в настоящий момент не представляется возможным, в связи с тем, что значимость тех или иных решений во многом зависит от конкретных обстоятельств, особенностей деятельности и целей самого хозяйственного общества. Кроме того, примерный перечень таких решений на данный момент указан в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», и не является исчерпывающим.

В дополнение к вышеуказанным юридически значимым обстоятельствам, при наступлении которых некоторые правомочия, входящие в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, трансформируются в обязанность, следует также отнести включение в корпоративный договор (ст. 67.2 ГК РФ) условий об обязательстве его сторон «…голосовать определенным образом на общем собрании участников общества…», «…проголосовать на общем собрании участников общества за включение в устав общества положений, определяющих структуру органов общества и их компетенцию…». Подобные положения корпоративного договора требуют от участников хозяйственных обществ реализовывать принадлежащие им управленческие правомочия не по собственному усмотрению, а в строго согласованном порядке, что фактически трансформирует их в обязанность. Кроме того, в представленном случае участники хозяйственных обществ не вправе проигнорировать общее собрание, на котором принимается соответствующее решение, по которому они должны проголосовать определенным образом, иначе к ним могут быть применены последствия нарушения корпоративного договора. Однако следует помнить, что исключением из данного правила будет установление в

корпоративном договоре положения, предусматривающего «обязанность единогласно голосовать по всем вопросам повестки дня общего собрания участников общества», которое по мнению судов, по своей сути, является «ограничением правоспособности…по сравнению с тем, как это установлено в законе, что в силу требований ст. 22 ГК РФ недопустимо» *(см., напр.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.11.2010 по делу № А40-140918/09-132-894)*[1].

Согласимся с мнением вышеупомянутых ученых, однако отметим, что относительно ситуационной трансформации корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ **мы не можем говорить о её абсолютности**, по той причине, что не все составляющие его правомочия трансформируются в обязанность. По нашему мнению при «*ситуационной трансформации права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративную обязанность*» происходит изменение содержания правового статуса участников (членов) хозяйственных обществ, при котором **некоторые** принадлежащие им управленческие правомочия, входящие в содержание субъективного корпоративного права на участие в управление деятельностью хозяйственным обществом, в силу наступления определённых юридически значимых обстоятельств, приобретают характер обязанности, неисполнение которой может квалифицироваться как злоупотребление правом (в соответствии со ст. 10 ГК РФ), и стать причиной для исключения участника из общества (ст. 10 ФЗ Об «ООО»). Из этого следует, что корпоративное право участия в управлении деятельностью хозяйственных обществ носит **смешанный характер** в связи с тем, что даже с учетом ситуационной трансформации **у лиц, наделенных подобным правом, остается определенный перечень управленческих правомочий, и лишь некоторая часть правомочий, входящих в содержание исследуемого права, трансформируется в обязанность**.

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Трансформация некоторых правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие управлении деятельностью хозяйственных обществ в обязанность, обусловлена необходимостью принятия критически важных для функционирования общества решений, обеспечивающих ему наиболее эффективное продолжение деятельности, либо связана с заключением участниками корпоративного договора.

«Смешанность» корпоративного права участия в управлении деятельностью хозяйственных обществ, заключается в том, что в его структуре одновременно присутствуют два противоположных по своей юридической природе элемента:

- *элемент субъективного права* (традиционная *«мера возможного поведения»*), который позволяет участнику общества действовать по своему усмотрению, например голосовать «за» или «против» на общих собраниях, вносить предложения на повестку дня, требовать созыва общего собрания, а также реализовывать другие управленческие правомочия.

- *элемент юридической обязанности* (мера должного поведения), который «включается» при наступлении определенных юридически значимых обстоятельств *(критическая ситуация для общества, например, принятие корпоративного решения, отсутствие которого будет являться препятствием для продолжения обществом своей деятельности или заключенный корпоративный договор и др.)* и требует от участника совершить конкретные управленческие действия (реализовать управленческое правомочие) под угрозой квалификации бездействия как злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) и последующего исключения из общества (ст. 10 ФЗ «Об ООО»).

Таким образом, *«смешанный»* характер исследуемого права обусловлен тем, что некоторая часть составляющих его правомочий в зависимости от ситуации может выступать как элементом субъективного права, так и элементом обязанности, создавая двойственную правовую конструкцию, в то время как остальные правомочия сохраняют традиционную природу меры

возможного поведения. Конкретная юридически значимая ситуация (обстоятельство) определяет, в каком качестве реализуется каждое из «трансформируемых» правомочий.

Среди переходящих в обязанность правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, можем выделить:

- лично или через представителя принимать участие в заседании общего собрания участников хозяйственных обществ (п. 2 ст. 37 ФЗ «Об ООО», п. 1 ст. 57 ФЗ «Об АО»);

- получать информацию о дате, времени, месте проведения, повестке дня общего собрания хозяйственных обществ (п. 5. ст. 52 ФЗ «Об АО», п. 2 ст. 36 ФЗ «Об ООО»);

- регистрироваться в качестве участника общего собрания хозяйственных обществ (п. 2 ст. 37 ФЗ «Об ООО», п. 4.7. гл. 4 Положения Банка России от 16.11.2018 № 660-П «Об общих собраниях акционеров»);

- голосовать при принятии общим собранием решений по вопросам, поставленным на голосование (п. 1 ст. 49 ФЗ «Об АО», п. 2 ст. 32 ФЗ «Об ООО»).

В качестве примера нетрансформируемых правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, можем выделить:

- быть избранным / назначенным в органы управления хозяйственных обществ (совет директоров, ревизионную комиссию, счетную комиссию, единоличным исполнительным органом и др.) (ст. 66, 69 ФЗ «Об АО», ст. 40 ФЗ «Об ООО»);

- требовать созыва внеочередного общего собрания участников хозяйственных обществ (п. 1 ст. 55 ФЗ «Об АО», п. 1, 2 ст. 35 ФЗ «Об ООО»);

- выдвигать кандидатов в органы управления хозяйственных обществ (п. 1 ст. 53 ФЗ «Об АО», п. 2.1. ст. 36 ФЗ «Об ООО»);

- выдвинуть свою кандидатуру на руководящие должности органов управления хозяйственных обществ (единоличный исполнительный орган, совет директоров, ревизионную комиссию, счетную комиссию) (п. 8 ст. 69, ст. 53 ФЗ «Об АО», ст. 8, п. 2.1. ст. 36, ст. 40 ФЗ «Об ООО»);

- обращаться в суд с требованием о понуждении включить предложенный вопрос в повестку дня общего собрания или кандидата в список кандидатур (п. 6. ст. 53 ФЗ «Об АО»);

- обращаться в суд с требованием провести внеочередное заседание общего собрания участников или заочное голосование в случаях, предусмотренных в законе (п. 9 ст. 55 ФЗ «Об АО»);

- требовать проведения внеочередного заседания общего собрания участников или заочного голосования при наличии оснований, предусмотренных законом (п. 7 ст. 35 ФЗ «Об ООО»);

- знакомиться с результатами голосования, отраженными в протоколе общего собрания или протоколе об итогах голосования (ст. 62, 63 ФЗ «Об АО», ст. 38.2 ФЗ «Об ООО»);

- выносить дополнительные вопросы на повестку дня общего собрания хозяйственных обществ (п. 1 ст. 53 ФЗ «Об АО», п. 2.1. ст. 36 ФЗ «Об ООО»);

- выдвигать кандидатов в органы управления хозяйственного общества, создаваемого в результате реорганизации (п. 8 ст. 53 ФЗ «Об АО»).

Перечисленные нетрансформируемые правомочия остаются в содержании корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в связи с тем, что они ни при каких обстоятельствах не могут повлиять на возможность принятия важных корпоративных решений и продолжения деятельности хозяйственных обществ. Выделенные же нами трансформируемые правомочия в совокупности обеспечивают возможность участия членов (участников) общества в принятии наиболее важных внутрикорпоративных решений, указанных п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской

Федерации», а также исполнять требования по голосованию определенным образом, установленные в корпоративном договоре.

Также следует иметь ввиду что, при сравнении корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ с другими корпоративным правами, входящими в содержание правого статуса участников хозяйственных обществ, можем прийти к выводу о том, что оно **является единственным трансформируемым корпоративном правом.** Так, например корпоративное право на получение информации о деятельности хозяйственных обществ (абз. 2. п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, ст. 91 ФЗ «Об АО», п. 2 ст. 50 ФЗ «Об ООО»), не является трансформируемым правом, в связи с тем, что оно реализуется по усмотрению самого участника, и связано с его интересом в контроле за деятельностью общества, а также принятии им обоснованных решений, исходя из реального положения дел в обществе. Трансформация данного права в обязанность означала бы, что участник был бы вынужден запрашивать и получать информацию независимо от своей воли и интереса, что противоречит самой природе субъективных гражданских прав. Важным в данном случае также является и тот факт, что право на получение информации служит интересам участника, а не хозяйственного общества. Подобное можно сказать и в отношении права на обжалование решений органов хозяйственных обществ, влекущих гражданско-правовые последствия (абз. 3. п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, п. 7 ст. 49 ФЗ «Об АО», ст. 43 ФЗ «Об ООО»), в связи с тем, что участник может воспользоваться этим правом, если считает, что его права нарушены, но не обязан это делать, в связи с тем, что согласно принципу диспозитивности лицо самостоятельно решает защищать ли своё нарушенное право и каким именно способом. Из этого следует, что решающую роль в возможности трансформации некоторых правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, играет обеспечение реализации эффективного корпоративного управления, и недопущение парализации деятельности хозяйственных обществ, в последствии которой был бы причинён вред как

самим обществам, их участникам, кредиторам, а также уклоняющемуся от участия в управлении лицу.

Рассмотрев доктринальные подходы к определению содержания корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, можем сделать вывод о том, что право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ является основополагающим правом их участников, позволяющим влиять на приятие важных корпоративных решений, а также занимать должности в их органах управления и др. Содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ определяется совокупностью предоставленных участникам общества правомочий, позволяющих оказывать влияние на принятие управленческих решений. Правомочия, составляющие содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, следует рассматривать как совокупность предоставленных участникам общества возможностей по оказанию влияния на принятие корпоративных решений. Право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ принадлежит всем участникам, однако представление некоторых правомочий, составляющих его содержание, может зависеть от количества принадлежащих участнику общества акций (долей) уставного капитала.

1.3 Виды запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ

В теории корпоративного права отсутствует единая система запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, а также отсутствуют четкие критерии их разграничения, что зачастую приводит к правовой неопределенности и практическим проблемам, связанным со сложностью их разграничения либо же вовсе становится причиной их смешения. Данное обстоятельство также приводит к тому, что

участники корпоративных правоотношений не всегда понимают правовую природу и последствия налагаемых на них мер ограничительного или запретительного характера, в результате которых они фактически лишаются возможности принимать участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, что приводит их к утрате корпоративного контроля, финансовым потерям и иным негативным последствиям.

Отсутствие единого подхода к определению видов запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ подрывает основы эффективного корпоративного управления и дестабилизирует внутренние процессы в хозяйственных обществах, приводя их участников к необоснованному ограничению реализации принадлежащих им управленческих правомочий, либо же вовсе ставит участников в такое положение, при котором они полностью лишены возможности принимать участие в решении тех или иных внутрикорпоративных вопросов.

В связи с тем, что исследованию различий между *«запретом»* и *«ограничением»* права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ посвящен *§ 1.1. настоящего диссертационного исследования*, в рамках настоящего параграфа будут исследованы существующие виды запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, их правовая природа, условия и последствия их установления. Исследование существующих видов запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ позволит выявить особенности правового регулирования каждого из них, определить степень их воздействия на корпоративные правоотношения и правовой статус участников хозяйственных обществ. Кроме того, исследование создаст возможность установить баланс между необходимостью защиты интересов хозяйственных обществ и обеспечением соблюдения прав их участников, в связи с тем, что зачастую наложение на участников хозяйственных обществ мер ограничительного либо запретительного характера, преследуя цель обеспечения соблюдения интересов хозяйственных

обществ, в то же время нарушает права и законные интересы участников.

Однозначное понимание видов запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ создаст основу для формирования целостного представления о механизмах ограничения и запрещения реализации управленческих правомочий, их допустимых пределах и условиях правомерного применения, что, в конечном итоге, поспособствует укреплению эффективности корпоративного управления. В данном случае важно учитывать, что установление в отношении участников (участника) хозяйственных обществ ограничительных или запретительных мер оказывает отрицательное влияние не только на самих участников, но и на деятельность хозяйственных обществ в целом, поскольку такие меры приводят к снижению эффективности управленческих процессов и зачастую блокируют возможность принятия важных корпоративных решений, без которых общество неспособно продолжать свою деятельность. Установление запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ при отсутствии четких оснований и прозрачных процедур их установления может использоваться в качестве инструмента давления на участников хозяйственных обществ, ведя их к произвольному ограничению или запрещению реализации управленческих правомочий и, как следствие, к снижению инвестиционной привлекательности и устойчивости развития хозяйственных обществ. В этой связи наивно полагать, что, ограничив или запретив лицу участвовать в управлении деятельностью хозяйственных обществ, негативные последствия наступят лишь для него, а само общество продолжит свое функционирование без существенных изменений.

Прежде чем перейти к непосредственному исследованию видов запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, необходимо определиться с тем, что следует считать *«видом»,* и каковы существуют подходы к его определению. Классически под *«видом»* понимается классификационная категория, обозначающая обособленную группу однородных явлений, объединённых общими существенными

признаками, отличающими их от других групп.

В толком словаре А. П. Евгеньевой можно найти определение *«вида»,* согласно которому под ним следует понимать «…понятие, входящее в состав другого, более общего, родового понятия, как его разновидность, подчиненная роду как высшей единице»[1]. В Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков, *«вид»* определяется как «разновидность чего-либо»[2]. В словаре Д. Н Ушакова «вид» определяется как «классификационная единица, обозначающая подгруппу явлений, норм или институтов, объединённых общими, существенными признаками»[3].

В логике, под *«видом»* понимается «интуиционистский аналог понятия множества, точно сформулированное условие, выделяющее часть объектов из уже определенной совокупности объектов исследования»[4]. В философском же смысле, определяя понятие *«вид»,* исходят из того, что *«вид»* — это «понятие, которое образуется посредством выделения общих признаков в индивидуальных понятиях и само имеет общие признаки с другими видовыми понятиями»[5]. Древнегреческий философ Аристотель считал, что «вид — это несводимая ни на что другое особенность, делающая вещь тем, чем она есть»[6].

В юридической науке под *«видом»* понимается научный инструмент, который позволяет выделять внутри правовых категорий более узкие группы с характерными признаками. Так, например, в теории гражданского права сделки по количеству сторон подразделяются на следующие виды: односторонние, двусторонние и многосторонние сделки; по наличию

---

[1] Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma117219.htm?cmd=2&istext=1 (дата обращения 09.06.2025).

[2] Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. URL: https://xvi-xvii.iling.spb.ru/ (дата обращения 09.06.2025).

[3] Толковый словарь Ушакова. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения 09.06.2025)

[4] Математическая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/mathematics_encyclopedia/%D0%92%D0%B8%D0%B4 (дата обращения 09.06.2025).

[5] Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1931/%D0%92%D0%98%D0%94 (дата обращения 09.06.2025).

[6] Аристотель. Метафизика / пер. с древне греч. В. И. Жданова. М.: Мысль, 1975. С. 45.

встречного предоставления сделки могут быть: возмездными и безвозмездными; по моменту возникновения прав и обязанностей: консенсуальными и реальными. В приведенном нами примере, подразделение сделок на виды способствует наиболее точному пониманию правовой природы возникающих правоотношений, обеспечивает чёткое определение особенностей сделок каждого вида, что в последствии снижает риски правовых споров и способствует стабильности гражданского оборота. Кроме того, видовое подразделение той или иной правовой категории свидетельствует о её внутреннем многообразии и сложности, а также отражает необходимость дифференцированного подхода к её изучению и регулированию.

В этой связи можем констатировать, что видовое подразделение запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ связано со сложностью их структуры и многообразием применяемых ограничительных или запретительных мер, позволяющих учесть специфику каждой конкретной ситуации, требующей индивидуального подхода к их выбору, что позволяет обеспечивать баланс интересов между хозяйственными обществами, их участниками и кредиторами. Точное понимание правовой природы каждого вида запретов или ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ позволит наиболее справедливым образом определить их объём (т. е. степень влияния на правовой статус участников), соразмерный рискам, которые данные меры призваны предотвратить или минимизировать, либо же обеспечит наиболее эффективное корпоративное управление, при котором лица, добровольно согласившиеся на те или иные ограничения своих управленческих правомочий (в корпоративном договоре), не будут сталкиваться с негативными последствиями по причине такого ограничения, а наоборот, получат для себя ту или иную выгоду, как правило имущественного либо иного характера.

Дифференцированность подхода к изучению каждого вида запретов и

ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ выражается в учёте целей их установления, а также степени влияния на правовой статус участников хозяйственных обществ, которым в силу владения определенным количеством акций (долей) в уставном капитале принадлежит некоторое количество управленческих правомочий. Кроме того, видовое подразделение налагаемых на участников хозяйственных обществ мер ограничительного и запретительного характера позволяет учитывать специфику оснований их установления (*например,* запреты устанавливаются законом, судом, а также могут возникать в силу административных решений; ограничения же могут быть установлены законом, договором, уставом общества, корпоративным договором), от которых будет зависеть срок их действия, и возможность досрочного снятия путем совершения тех или иных действий, направленных на устранение причин с которыми связано их установление (исследовано в *§ 1.1. настоящего диссертационного исследования).*

Из этого следует, что под *«видом»* запрета или ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ следует понимать определённую категорию мер ограничительного или запретительного характера, объединённых по общему критерию, который может быть представлен целью, сроком, степенью влияния на правовой статус и основанием установления, применяющихся к участникам хозяйственных обществ, и затрагивающих возможность реализации ими управленческих правомочий. Подобный подход к понимаю видов запретов или ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ позволяет наиболее ёмко отразить их содержательную сторону, а также определить эффективность и правомерность их установления.

Переходя к непосредственному исследованию видов запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ считаем необходимым рассмотреть общие запреты и ограничения, установленные ГК РФ, и далее перейти к исследованию запретов и

ограничений, установленных специальным корпоративным и иным законодательством. Выбранный нами подход позволит комплексно и последовательно раскрыть существующие виды запретов и ограничений права на участие в управление деятельностью хозяйственных обществ, выявить основания их установления, и определить правовые последствия их применения.

В связи с тем, что базовым требованием для самостоятельной возможности реализации многих субъективных прав лица является его дееспособность (ст. 21 ГК РФ), следует исходят из того, что в отношении лиц, признанных судом недееспособными в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством (ст. 29 ГК РФ, ст. 281 ГПК РФ), будет действовать запрет на непосредственную реализацию всех правомочий, входящих в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. При этом недееспособные лица не лишаются права собственности на принадлежащие им доли (акции) в уставном капитале хозяйственных обществ, однако осуществление принадлежащих им корпоративных прав и обязанностей осуществляется лишь через опекуна. С его же согласия может осуществлять и представительство недееспособного лица на общем собрании (п. 2 ст. 37 ФЗ «Об ООО», п. 1 ст. 57 ФЗ «Об АО») и в иных органах управления, если такая возможность предусмотрена законом либо уставом хозяйственных обществ.

Естественно же, опекун обязан действовать учитывая мнение опекаемого, а при невозможности установления его мнения, должен учитывать информацию о его предпочтениях, полученную от его родителей, либо иных лиц, оказывавших такому гражданину услуги и добросовестно исполнявших свои обязанности (п. 2 ст. 29 ГК РФ). В этой связи, применительно к недееспособным владельцам акций (долей) в уставном капитале хозяйственных обществ, мы можем говорить о запрете на их непосредственную (личную) реализацию управленческих правомочий, при сохранении возможности опосредованной реализации представленных

правомочий через опекуна (представителя).

Подобные правила распространяются также и на ограниченных в дееспособности лиц (ст. 30 ГК РФ). Как указывает В. В. Залесский, «такие лица могут осуществлять право на участие в общем собрании акционеров через своих законных представителей (родителей, опекунов, попечителей), которые должны быть легитимированы на собрании соответствующими документами»[1]. Таким образом, наличие полной дееспособности выступает исходным и обязательным условием для **непосредственной** реализации управленческих правомочий в рамках корпоративных правоотношений.

Подобная мера в первую очередь направлена на обеспечение прав и законных интересов самого недееспособного или ограниченного в дееспособности лица, а также на соблюдение прав самих хозяйственных обществ. Невозможность непосредственной реализации управленческих правомочий указанными лица исключает возможность, например, принятия мажоритарным акционером, не осознающим последствий своих действий, но владеющим 80% акций уставного капитала, самостоятельного решения, которое привело бы общество к убыткам, существенно затруднило бы его дальнейшую деятельность либо же вовсе создало условия для банкротства.

Далее считаем необходимым перейти к непосредственному исследованию конкретных видов запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленных в специальном корпоративном и ином законодательстве. Однако, в связи с тем, что некоторые из них исследовались нами в главе 2 и 3 настоящего диссертационного исследования, в рамках данного параграфа дадим лишь их краткую характеристику.

---

[1] Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» в новой редакции (постатейный) / В. В. Залесский, С. В. Соловьева, М. Ю. Тихомиров и др.; под ред. М. Ю. Тихомирова. М.: Издательство Тихомирова М. Ю., 2007. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». *(автор комментария к ст. 57 В. В. Залесский).*

Начнем с рассмотрения видов запретов реализации права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, среди которых можно выделить:

- *запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом*, который устанавливается п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве и действует в течение трех лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве. В период действия запрета обанкротившимся лицам, запрещается занимать должности в органах управления юридического лица, иным образом участвовать в управлении юридическим лицом (п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве).

Замысел законодателя при введении запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, прежде всего связан «с необходимостью обеспечения стабильности функционирования и развития хозяйственного общества, а также защиты интересов его участников и кредиторов»[1]. Кроме того, введение такого рода запрета обусловлено тем, что «банкротство физического лица нередко ставит под сомнение его деловую репутацию, компетентность и способность принимать взвешенные решения, что может негативно отразиться на управлении хозяйственным обществом, и стать причиной его возможных убытков либо банкротства»[2].

В области правового регулирования запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом выделяется множество доктринальных и практических проблем, подробному исследованию которых посвящен *§ 2.1. настоящего диссертационного исследования*, поэтому в рамках настоящего параграфа обозначим лишь

[1] Мельник Д. Э. К вопросу о запрете на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества лицом, признанным банкротом // Гражданское право. 2025. № 2. С. 43.
[2] Там же. С. 43.

некоторые из них. Так, например, можно выделить проблему отсутствия разницы в наступлении негативных последствий в отношении добросовестного либо недобросовестного гражданина-банкрота, в то время как в некоторых зарубежных странах, например, в Англии и Дании, такая дифференциация существует. Кроме того, в законодательстве отсутствует правовая регламентация порядка реализации обанкротившемся лицом принадлежащих ему организационно-управленческих и иных корпоративных прав, вытекающих из принадлежащих акций (долей) в уставном капитале.

- *запрет на участие дисквалифицированных лиц в управлении деятельностью хозяйственных обществ*, установленный ст. 3.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) (далее — КоАП РФ), согласно которой суть дисквалификации заключается в лишении физического лица права «… занимать должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, осуществлять управление юридическим лицом»[1]. При этом, в отличие от запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленного в отношении обанкротившихся лиц, данный запрет может устанавливаться на менее продолжительный срок от шести месяцев до трех лет (п. 2 ст. 3.11 КоАП РФ).

После того как решение суда о дисквалификации вступит в законную силу, дисквалифицированное лицо обязано быть немедленно освобождено от занимаемой должности в органах управления хозяйственных обществ, при этом если оно занимало должность единоличного исполнительного органа, необходимо назначить нового руководителя и внести соответствующие изменения в Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ). При применении дисквалификации, суд, как правило,

[1] Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. (ч. 1). Ст. 1.

исходит из того, что лицо, совершившее правонарушение, связанное с ненадлежащим исполнением своих обязанностей в сфере управления хозяйственным обществом, при продолжении деятельности по его управлению, ставит под угрозу законные интересы общества, его участников и кредиторов.

Из этого следует, что запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ дисквалифицированным лицом, устанавливается в целях защиты интересов самих хозяйственных обществ, их участников и иных заинтересованных лиц. Установив запрет данного вида, государство преследует цель недопущения к управлению деятельностью хозяйственных обществ неблагонадежных лиц, которые, уже будучи руководителями или занимая иные должности в её органах управления хозяйственных обществ, допустили нарушения, например, в сфере налогового или трудового законодательства, что стало причиной для наступления негативных последствий для общества, его участников, кредиторов и других заинтересованных лиц;

- *запрет на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ*, установленный Законом о государственной гражданской службе, в пп. 3 п. 1 ст. 17 которого сказано, что в связи с прохождением государственной гражданской службы запрещается участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией, за исключением случаев, указанных в законе. В связи с тем, что государственная гражданская служба строится на принципах приоритета прав и свобод человека и гражданина, профессионализма и компетентности гражданских служащих, участие государственного гражданского служащего в управлении деятельностью хозяйственных обществ способно поставить его в ситуацию, при которой, выполнение им служебных обязанностей будет вступать в противоречие с личной выгодой (конфликт интересов), что недопустимо с точки зрения идеи правового государства и что запрещается, а также противоречит принципам государственной гражданской службы,

установленным Законом о государственной гражданской службе, Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» (далее — Закон о противодействии коррупции)[1], и другим законам.

В этой связи, цель установления запрета на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ видится в предотвращении конфликта интересов, обеспечении объективности и добросовестности исполнения ими своих служебных обязанностей, а также в снижении коррупционных рисков. Исследуемый запрет направлен на исключение ситуации, при которой личные финансовые или иные интересы государственного гражданского служащего оказывали бы влияние на принятие им тех или иных решений, связанных с исполнением своих должностных обязанностей, что неминуемо привело бы к конфликту интересов и нарушению принципов служебной этики. В данном контексте исследуемый запрет рассматривается как инструмент поддержания высокого уровня профессиональной этики и правовой культуры в системе государственной гражданской службы, а также как средство повышения эффективности государственного управления и укрепления основ правового государства.

Помимо государственных гражданских служащих, запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ также устанавливается и в отношении некоторых категорий лиц, осуществляющих свою деятельность на государственных должностях органов публичной власти в субъектах Российской Федерации. Например, ст. 19 Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[2] такой запрет устанавливается в отношении депутатов законодательного органа субъектов Российской Федерации. Подобный же запрет устанавливаются и в связи с прохождением муниципальной службы в Российской Федерации, например, в

[1] Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
[2] Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). ст. 8973.

ст. 14 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О муниципальной службе в Российской Федерации»[1], ст. 40 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[2].

Запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в равной мере распространяется и на сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, что закреплено в ст. 17 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О Следственном комитете Российской Федерации»[3]); прокурорских работников, ст. 40.2. Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации»[4]); Председателя Счетной палаты, заместителя Председателя Счетной палаты, аудиторов Счетной палаты (ст. 10 Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О Счетной палате Российской Федерации»[5]); служащих Банка России, занимающих должности, перечень которых утвержден Советом директоров Банка России (пп. 3 ст. 90 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)[6]»; членов Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (п. 15 ст. 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[7]) и других лиц, осуществляющих свою деятельность в органах государственной власти с особым правовым статусом.

Участвовать в управлении деятельностью хозяйственных обществ также запрещено депутатам Государственной Думы Федерального Собрания

[1] Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
[2] Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
[3] Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
[4] Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
[5] Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.
[6] Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
[7] Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

Российской Федерации, сенаторам Российской Федерации (пп. г, д ст. 6. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»)[1]; членам Правительства Российской Федерации (ст. 6 Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ (ред. от 28.12.2025) «О Правительстве Российской Федерации»)[2]; военнослужащим (ст. 27.1 Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О статусе военнослужащих» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2025)[3]; судьям (ст. 3 Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1(ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации»)[4], и иным лицам, занимающим те или иные государственные должности, участие которых в органах управления хозяйственных обществ может привести к конфликту интересов.

Таким образом, завершая краткое исследование запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, устанавливаемого в отношении различных категорий лиц, замещающих те или иные должности в органах государственной власти Российской Федерации, органах власти субъектов Российской Федерации или муниципальные должности, следует подчеркнуть, что данный запрет имеет комплексный характер и служит инструментом обеспечения прозрачности государственного и муниципального управления, предотвращения конфликта интересов и недопущения использования служебного положения в личных или корпоративных интересах. Участие в управлении коммерческой организацией в любой форме, в том числе опосредованной, рассматривается как потенциальная угроза независимости должностного лица при исполнении им своих публичных обязанностей. Законодатель исходит из расширенного толкования понятия

[1] Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3466.
[2] Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
[3] Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
[4] Российская газета. 1992. № 170.

«участие в управлении», поэтому включает в него даже случаи, когда вознаграждение не выплачивается, например, участие в управлении некоммерческими организациями (кроме случаев, предусмотренных законом);

- *запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лиц, не соответствующих квалификационным требованиям, и (или) требованиям к деловой репутации*. Целью установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лиц, не соответствующих квалификационным требованиям, является обеспечение наиболее эффективного и профессионального управления в хозяйственных обществах, а также предотвращение рисков принятия необоснованных (ошибочных) решений, влекущих за собой негативные последствия для хозяйственных обществ. Законодатель, устанавливая подобные требования, исходил из того, что чем более опытный и квалифицированный потенциальный руководитель, тем больше вероятность эффективного управления, посредством которого будет обеспечиваться развитие хозяйственных обществ. Законодатель преследовал цель формирования высококвалифицированных корпоративных управленческих структур, решения которых могли бы оказывать положительное влияние на устойчивое развитие хозяйственных обществ.

Так, в ст. 16 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 28.11.2025) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) (далее — Закон о банках и банковской деятельности), закреплено, что «под несоответствием кандидата на должность единоличного исполнительного органа кредитной организации или руководителя филиала кредитной организации…квалификационным требованиям понимается отсутствие у кандидата высшего образования и опыта руководства кредитными организациями, отделом или иным подразделением кредитной организации…»[1].

[1] Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

Цель же установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицами, не соответствующими требованиям к деловой репутации, заключается в предотвращении участия в органах управления хозяйственных обществ лиц, которые в связи с совершением преступления(й), установленных Уголовным кодексом Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) (далее — УК РФ)[1], демонстрируют низкий уровень правовой ответственности, и, как следствие, могут представлять угрозу для развития, финансовой устойчивости и деловой репутации хозяйственных обществ.

Так, ст. 15.1. Федерального закона от 18.07.2009 № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О кредитной кооперации»[2] закрепляются требования к деловой репутации лиц, претендующих на должность единоличного исполнительного органа кредитного кооператива, среди которых также установлено отсутствие непогашенной судимости за совершение умышленного преступления, либо же привлечение лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 171.5 или 172.2 УК РФ, если не истек пятилетний срок с момента погашения или снятия судимости за совершение указанного преступления. Подобные требования устанавливаются и ст. 4.1-1. Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», в которой закреплено, что у «лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа микрокредитной компании, единоличного исполнительного органа, его заместителя, члена коллегиального исполнительного органа «…на день, предшествующий дню назначения (избрания) лица на должность или дню подачи в Банк России заявления о согласовании кандидатуры»[3] должна

[1] Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
[2] Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3627.
[3] Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3435.

отсутствовать неснятая или непогашенная судимость за совершение умышленного преступления.

В п. 2 ст. 24 Федерального закона от 13.07.2015 № 223-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка»[1] и п. 3 ст. 17.2 Федерального закона от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об аудиторской деятельности»[2], также устанавливаются требования к деловой репутации лица, претендующего на должность единоличного исполнительного органа саморегулируемой организации. Подобные требования к руководителям саморегулируемых организаций могут быть закреплены ее внутренними документами. Так, например Внутренним стандартом «Требования к деловой репутации должностных лиц Саморегулируемой организации «Национальная финансовая ассоциация» установлено, что «Руководитель СРО НФА должен соответствовать следующим требованиям к деловой репутации … отсутствие неснятой или непогашенной судимости за совершение преступлений в сфере экономики»[3].

Указанные нормы не только подчеркивают приоритет деловой репутации лица, как критерия его допуска к управлению обществом, но и служат превентивным механизмом защиты хозяйственных обществ от негативного влияния лиц с потенциально высоким уровнем правовых и этических рисков. По сути, закон устанавливает, что, назначая (избирая) лицо в качестве единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, требования к его кандидатуре не могут сводиться лишь к формальной квалификации или опыту, а должны подтверждаться безупречной правопослушностью.

Однако следует иметь в виду, что запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, не соответствующим

[1] Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4349.
[2] Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.
[3] Внутренний стандарт «Требования к деловой репутации должностных лиц СРО НФА» URL: https://nfa.ru/upload/iblock/cb6/Novaya-redaktsiya-VS-Trebovaniya-k-delovoy-reputatsii.pdf (дата обращения 16.06.2025).

квалификационным требованиям, и (или) требованиям к деловой репутации по своей сути **затрагивает лишь отдельное правомочие быть избранным / назначенным в органы управления хозяйственных обществ**, входящее в содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Реализация же остальных правомочий, входящих в содержание исследуемого права возможна в полном объеме;

- *запрет участия акций членов совета директоров и иных органов управления в голосовании по избранию ревизионной комиссии (абз. 2 п. 6 ст. 85 ФЗ «Об АО», п. 4.24. Положение Банка России от 16.11.2018 № 660-П «Об общих собраниях акционеров»).* Данный запрет призван исключить возможность влияния лиц, контролирующих управление обществом, на состав ревизионной комиссии, которая осуществляет проверку финансово-хозяйственной деятельности, что позволяет сохранить баланс между управленческими и контрольными функциями в корпоративном управлении, обеспечивая эффективный механизм внутреннего контроля и защиты прав акционеров. Что же касается ООО, то, как указывает С. Д. Могилевский, «закон не предусмотрел никакого запрета по участию голосов членов совета директоров, членов коллегиального исполнительного органа в избрании ревизионной комиссии (ревизора)», «…порядок деятельности ревизионной комиссии (ревизора) общества определяется уставом и внутренним документом общества, утверждаемым общим собранием участников общества…»[1].

- *запрет осуществления иностранной холдинговой компанией управленческих корпоративных прав в отношении экономически значимых организаций.* Как закреплено в ст. 1 Федерального закона от 04.08.2023 № 470-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями», целью установления такого

[1] Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

запрета является «защита прав и законных интересов граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства в условиях недружественных и противоречащих международному праву действий Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»[1]. Исследуемый запрет направлен на восстановление эффективного управления стратегически важными российскими предприятиями, которые оказались заблокированы иностранными холдингами в условиях санкций, что позволяет взять под контроль управление экономически значимой организацией, обеспечивая её нормальное функционирование и защиту национальных интересов. Несмотря на использование законодателем конструкции «изъятия ограничительного характера», по своему правовому содержанию данные меры представляют собой прямой запрет на осуществление управленческих корпоративных правомочий иностранными холдинговыми компаниями, сопровождающийся фактическим отстранением иностранного собственника от участия в принятии ключевых управленческих решений при формальном сохранении за ним статуса участника (акционера).

Под экономически значимой организацией понимается имеющее существенное значение для обеспечения экономического суверенитета и экономической безопасности Российской Федерации российское хозяйственное общество, входящее в перечень, утвержденный Правительством Российской Федерации. Так, среди экономически значимых организаций можно выделить: Общество с ограниченной ответственностью «Невский судостроительно-судоремонтный завод», Общество с ограниченной ответственностью «Уральские локомотивы», Акционерное общество «ЕВРАЗ

[1] Собрание законодательства РФ. 2023. № 32. (Часть I). Ст. 6202.

Нижнетагильский металлургический комбинат»[1], и еще 16 иных хозяйственных обществ.

Статьей 4 Закона об экономически значимых организациях устанавливаются обстоятельства, при наличии которых осуществление иностранной холдинговой компанией корпоративных прав в отношении экономически значимой организации подлежит приостановлению. При этом решение о таком приостановлении может принять лишь Арбитражный суд Московской области.

С момента вынесения арбитражным судом решения о приостановлении осуществления иностранной холдинговой компанией управленческих корпоративных прав в отношении экономически значимой организации, такая холдинговая компания не имеет права:

- голосовать при принятии общим собранием акционеров (участников) экономически значимой организации решений;

- принимать участие в заседаниях общего собрания акционеров (участников) экономически значимой организации и требовать их созыва;

- осуществлять иные права, вытекающие из участия в экономически значимой организации.

В этой связи, запрет на осуществление иностранной холдинговой компанией управленческих корпоративных прав в отношении экономически значимой организации является инструментом контрсанкционной политики Российской Федерации, позволяющий ограничить влияние иностранных холдинговых компания (недружественных участников) на стратегические российские компании и обеспечить стабильное управление ими.

- *запрет учёта голосов лиц, находящихся под влиянием недружественных иностранных государств при принятии корпоративных решений.* Указанный запрет установлен «Указом Президента РФ от 17.01.2023

[1] Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2024 № 491-р (ред. от 14.05.2025) «Об утверждении перечня экономически значимых организаций» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1475.

№ 16 (ред. от 31.12.2025) «О временном порядке принятия решений органами некоторых российских юридических лиц»[1], который действует до 31 декабря 2026 г. Временный порядок запрета учета голосов лиц недружественных иностранных государств применяется к российским хозяйственным обществам при **одновременном соблюдении четырёх условий:** деятельности в области энергетики (в том числе электроэнергетики), машиностроения или торговли; в отношении его контролирующего лица или бенефициарного владельца введены ограничительные меры со стороны недружественного иностранного государства; доля лиц из недружественных иностранных государств (включая контролируемых ими лиц, за исключением зарегистрированных в РФ) в уставном капитале не превышает 50%; годовая выручка общества (либо группы лиц по Закону о защите конкуренции) за предшествующий год превышает 100 млрд рублей.

Суть данного запрета заключается в том, что участники (акционеры) российского юридического лица, не являющиеся лицами недружественных иностранных государств, вправе большинством голосов от общего числа голосов, принадлежащих этим участникам (акционерам), установить, что в целях принятия решений органом российского юридического лица **голоса, принадлежащие лицам недружественных иностранных государств и лицам, которые назначены (избраны) в состав органа российского юридического лица из числа кандидатур, выдвинутых лицами недружественных иностранных государств, не учитываются при определении кворума и результатов голосования** по вопросам повестки заседания органа российского юридического лица. В этом случае решение принимается большинством голосов от общего числа голосов, принадлежащих лицам, которые входят в состав органа российского юридического лица и не являются лицами недружественных иностранных государств.

[1] Собрание законодательства РФ. 2023. № 4. Ст. 626.

Указанный запрет направлен на снижение корпоративного влияния со стороны структур, связанных с недружественными иностранными государствами, в стратегически значимых отраслях российской экономики. Важно отметить, что временный порядок не лишает лиц из недружественных государств не отменяет их имущественные права как владельцев долей (акций), однако существенно ограничивает их корпоративный контроль в части управления обществом.

Далее рассмотрим судебные запреты права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, которые как правило сводятся к обеспечительным мерам процессуального характера, применяемым арбитражным судом в рамках корпоративных споров в соответствии со ст. 90 АПК РФ и ст. 225.6 АПК РФ. Они выражаются в наложении ареста на акции или доли с одновременным запретом реализации права голоса на общем собрании участников (акционеров), что позволяет предотвратить причинение ущерба истцу до рассмотрения дела по существу.

- *наложение судом обеспечительных мер на акции с запретом голосовать.* Определением арбитражного суда о принятии обеспечительных мер акционеру может быть запрещено голосовать по всем или по отдельным вопросам повестки дня общего собрания акционеров (п. 2 ч. 1 ст. 91, ст. 225.6. АПК РФ). Следует различать ограничение вещных прав на акцию и запрет на осуществление корпоративных прав, предоставляемых акцией. В первом случае, арест акций, наложенный арбитражным судом в целях обеспечения иска, не лишает владельца права пользоваться акциями и реализовывать удостоверенные ими права участия в управлении акционерным обществом. Такой арест означает лишь запрет распоряжаться акциями как объектом гражданского оборота, то есть продавать, передавать или иным образом отчуждать их. Во втором случае, запрет на участие в голосовании может быть установлен судом в качестве самостоятельной обеспечительной меры или дополнительно при наложении общего ареста на акции. При этом важно учитывать, что акции, по которым суд установил запрет на голосование

«…должны учитываться при определении кворума для принятия решения по соответствующему вопросу»[1], «…поскольку иное ведет к незаконному лишению акционера права на участие в управлении обществом»[2]. Кроме того, при установлении запрета на участие в голосовании не может быть установлен запрет на созыв общего собрания акционеров, поскольку такая мера препятствовала бы осуществлению деятельности высшего органа управления, тем самым делая невозможным принятие наиболее важных корпоративных решений, необходимых для продолжения деятельности хозяйственного общества.

Подобная обеспечительная мера может быть установлена и в отношении участников ООО, что подтверждается судебной практикой, например, Определением от 21.05.2021 Арбитражного суда Тюменской области по делу № А70-7850/2021 «удовлетворено заявление Глушковой Т. В. о принятии дополнительной обеспечительной меры: Глушковой Ф. Ф. **запрещено голосовать на общем собрании участников ООО** «Сибирская казна» числом голосов, пропорциональных части доли в размере 47% от уставного капитала общества по вопросам повестки внеочередного собрания участников ООО «Сибирская казна»»[3]. *(см., напр.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.02.2025 № Ф08-464/2025 по делу № А61-4277/2024)*[4].

Далее следует исследовать запреты, возникающие в силу административных решений. К такого рода запретам следует отнести запрет, установленный подп. «ф» п. 1 ст. 23 ФЗ «О государственной регистрации

---

[1] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.07.2003 № 72 «Обзор практики принятия арбитражными судами мер по обеспечению исков по спорам, связанным с обращением ценных бумаг» // Вестник ВАС РФ. № 9. 2003.

[2] Постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2008 № 1154/08 по делу № А05-3791/2007 // Вестник ВАС РФ. № 9. 2008.

[3] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] См. также. Постановление ФАС Московского округа от 19.06.2007, 02.07.2007 № КГ-А41/5563-07 по делу № А41-К1-20186/06; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2023 по делу № 88-13274/2023 (УИД 23RS0019-01-2022-002270-48). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ЮЛ и ИП». Как следует из вышеуказанной нормы, отказ в государственной регистрации юридического лица допускается в том случае, если в регистрирующий орган представлены документы для включения сведений об учредителе (участнике) юридического лица либо о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, в отношении одного из следующих лиц, например, в отношении лица владеющего на момент исключения ООО из ЕГЮРЛ лиц как недействующего юридического лица не менее чем 50% голосов от общего количества голосов участников данного ООО, которое на момент его исключения из единого ЕГЮРЛ имело задолженность перед бюджетом или бюджетами бюджетной системы Российской Федерации либо в отношении которого указанная задолженность была признана безнадежной к взысканию, при условии, что на момент представления документов в регистрирующий орган не истекли 3 года с момента исключения данного ООО из ЕГЮРЛ; лица владеющего на момент исключения ООО из ЕГЮРЛ в связи с наличием в нем сведений, в отношении которых внесена запись об их недостоверности, не менее чем 50% процентами голосов от общего количества голосов участников данного ООО при условии, что на момент представления документов в регистрирующий орган не истекли 3 года с момента исключения данного ООО из ЕГЮРЛ; и другие основания, установленные вышеупомянутой нормой (всего 9 оснований). Иными словами, исследуемой нормой устанавливается временный **запрет** на **создание новых юридических лиц и на участие в управлении существующими юридическими лицами** для тех граждан, которые ранее проявили недобросовестность, уклонившись от совершения необходимых действий по прекращению юридического лица в предусмотренных законом процедурах ликвидации или банкротства, что может также означать уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами юридического лица.

Положения содержащиеся в подп. «ф» п. 1 ст. 23 ФЗ «О государственной регистрации ЮЛ и ИП» не раз подвергались критике, например, А. В. Габов

считает, что «нормы Закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей требуют не просто коррекции, а полного пересмотра как не соответствующие требованиям Конституции РФ»[1]. Стоит отметить, что упомянутая норма неоднократно являлась предметом рассмотрения КС РФ, однако по итогам рассмотрения КС РФ не находил оснований для признания указанной нормы несоответствующей Конституции РФ, указывая на то, что положением подп. «ф» п. 1 ст. 23 ФЗ «О государственной регистрации ЮЛ и ИП» устанавливается **дополнительная гарантия обеспечения достоверности сведений, содержащихся в Едином государственном реестре юридических лиц**, не может рассматриваться как чрезмерное, непропорциональное и несовместимое с конституционно значимыми ценностями ограничение конституционных прав граждан, закрепленных в статьях 34 и 35 Конституции Российской Федерации, **поскольку затрагивает только лишь недобросовестных лиц**.

Разделяя точку зрения А. В. Габова, полагаем, что указанная норма нуждается в кардинальном пересмотре, поскольку ее применение на практике нередко приводит к ограничению прав добросовестных участников оборота, а избранный законодателем формальный критерий (наличие доли более 50% на момент исключения) не позволяет отличить злоупотребление от объективной невозможности погасить долги или устранить недостоверные сведения. «Гораздо логичнее было бы возлагать такую ответственность на участника, владеющего более чем 50% долей в ООО (контролирующего участника)»[2]. Кроме того, совершенно неясно, почему трехлетний срок является фиксированным и не подлежит сокращению даже при изменении обстоятельств. Если бывший участник исключенного ООО добросовестно

[1] Габов А. В. Запреты и ограничения для граждан на участие в учреждении юридического лица в законодательстве о государственной регистрации юридических лиц. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Там же. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

погасил все долги общества перед бюджетом уже через полгода после исключения, он все равно не может зарегистрировать новое юридическое лицо или войти в состав участников существующего в течение оставшихся двух с половиной лет. Закон не предоставляет лицу возможности доказать свою добросовестность и досрочно прекратить действие запрета.

Рассмотрев существующие виды запретов права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, можем сделать вывод о том, что установление каждого из них преследует свою уникальную цель, связанную с: обеспечением соблюдения баланса интересов хозяйственных обществ, их участников, кредиторов и иных лицам; предотвращением возникновения конфликта интересов у лиц замещающих должности государственной гражданской службы; недопущением к управлению деятельностью хозяйственных обществ лиц с низким уровнем квалификации, либо лиц чья деловая репутация «оставляет желать лучшего», в связи с наличием неснятой или непогашенной судимости; предотвращением повторных нарушений и недобросовестного поведения со стороны лиц, признанных банкротами или подвергнутых дисквалификации; защитой экономической и национальной безопасности Российской Федерации, путем ограничения влияния иностранных холдинговых компаний на принятие решений в экономически значимых организациях и др.

Запреты на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, как правило, связаны с определёнными личными характеристиками и (или) правовым положением участников хозяйственных обществ, которые законодатель рассматривает как нежелательные или представляющие риск для эффективного корпоративного управления. Подобные запреты способствуют поддержанию высокого уровня корпоративной этики, предотвращая возможные конфликты интересов и злоупотребления правом. Они обеспечивают стабильность и прозрачность в работе органов управления, что является важным условием для долгосрочного развития хозяйственных обществ и укрепления доверия между их участниками.

В числе запретов права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ по критерию их закрепления следует выделять запреты, устанавливаемые **законом, судом, а также запреты, возникающие в силу административных решений**.

Среди законодательно установленных запретов следует выделять:

- запреты, установленные в отношении обанкротившихся и дисквалифицированных лиц, государственных гражданских служащих, а также членов совета директоров и лиц, занимающих иные управленческие должности, которые не могут участвовать в голосовании по избранию ревизионной комиссии;

- запреты, вытекающие из участия в корпоративном управлении иностранных холдинговых компаний;

- запрет учёта голосов лиц, находящихся под влиянием недружественных иностранных государств при принятии корпоративных решений;

- запреты, связанные с несоответствием физического лица квалификационным и репутационным требованиям;

Запреты, вытекающие из судебных актов, например:

- наложение судом обеспечительных мер, выраженных в запрете голосовать при принятии общим собранием решений по вопросам, поставленным на голосование.

Запреты, возникающие в силу административных решений, например:

- запрет на создание новых юридических лиц и на участие в управлении существующими юридическими лицами для тех граждан, которые ранее проявили недобросовестность, уклонившись от совершения необходимых действий по прекращению юридического лица в предусмотренных законом процедурах ликвидации или банкротства.

Далее перейдем к исследованию видов существующих ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Понимание правовой природы, пределов и последствий налагаемых

ограничений позволит обеспечить баланс интересов всех участников хозяйственных обществ, снизить риск возникновения корпоративных конфликтов, а также поспособствует стабильному развитию корпоративной организации. В числе ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ следует выделить:

- *законодательные ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ.* Установление законодательных ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ преследует цель обеспечения баланса интересов всех участников хозяйственных обществ, предотвращения злоупотреблений корпоративными правами, защиты прав миноритарных участников хозяйственных обществ, а также создания благоприятных условий, необходимых для дальнейшего функционирования и развития хозяйственных обществ. В этой связи следует согласиться с позицией О. И. Гентовт, которая указывает на то, что ограничения корпоративных прав, «императивно установленные законом, в наибольшей степени отражают основную цель ограничения прав – соблюдение баланса интересов сторон регулируемых отношений»[1].

Как считает А. С. Александрова, законодательством Российской Федерации закреплен определенный перечень «общих» ограничений, которые «…распространяются на все субъективные гражданские права, в том числе на корпоративные права по управлению в юридическом лице…»[2]. По мнению автора, такие «общие» законодательные ограничения установлены ст. 10 ГК РФ, и сводятся к недопущению осуществления гражданских прав с намерением причинить вред другому лицу (шиканы), действиям по реализации гражданских прав в обход закона с противоправной целью, злоупотреблению правом, а также могут быть предусмотрены и другие виды ограничений, применимые ко всем видам субъективных гражданских прав *(подробному исследованию теоретических аспектов ограничений посвящен*

[1] Гентовт О. И. Указ. соч. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Александрова А. С. Указ. соч. С. 38.

§ 1.1. настоящего диссертационного исследования).

Исходя из специфики темы настоящего диссертационного исследования интерес для нас представляют ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленные в нормах специального корпоративного законодательства (ФЗ «Об АО», ФЗ «Об ООО» и др.), которым в рамках настоящего параграфа, будет дана лишь общая характеристика, в связи с тем что глава 3 настоящего диссертационного исследования посвящена подробному исследованию их актуальных проблем, коллизий, а также предложениям по их разрешению.

Так, отраслевым корпоративным и иным законодательством предусмотрены следующие ограничения при реализации корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ:

- *ограничение права голоса акционеров, владельцев привилегированных акций (ст. 32 ФЗ «Об АО»)*. Данное ограничение, на наш взгляд, направлено на защиту интересов как владельцев привилегированных акций, так и хозяйственных обществ в целом. Путем введения подобного рода законодательного ограничения минимизируется возможность чрезмерного влияния на управление деятельностью хозяйственных обществ со стороны такого рода акционеров, ориентированных преимущественно на финансовые выплаты. Однако ФЗ «Об АО» предусматриваются исключительные случаи, когда владельцы привилегированных акций, в случае принятия решения о невыплате или неполной выплате им дивидендов, получают право голоса (п. 5 ст. 32 ФЗ «Об АО»), чем им обеспечивается возможность принимать участия в судьбоносных для общества вопросах.

- *ограничение права на голоса, при приобретении акционером более 30 % акций публичного акционерного общества (п. 6 ст. 84. 2 ФЗ «Об АО»).* Законодатель посредством введения подобной меры ограничительного характера контролирует возможность мажоритарного акционера и аффилированных с ним лиц использовать полный объём принадлежащих голосов (превышающих 30 %) при принятии внутрикорпоративных решений

до выполнения им обязанности по направлению обязательного предложения о выкупе акций другим участникам, что способствует защите интересов миноритариев и поддержанию баланса в управлении хозяйственных обществ. При этом аналогичные ограничения применяются и при приобретении более 50 % и 75 % акций, но только к вновь приобретённым акциям.

- *ограничение права голоса, в связи с отсутствием согласия уполномоченного органа* (Банка России) *на приобретение акций*, установленное ст. 11. 3 Закона о банках и банковской деятельности, ст. 38. 2 Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об инвестиционных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) (далее — Закон об инвестиционных фондах)[1]. Целью ограничения права голоса в данном случае является обеспечение контроля за структурой собственности в банковской сфере, защита интересов самой кредитной организации, её участников и вкладчиков.

- *ограничения права голоса, связанные с неполной оплатой уставного капитала общества (абз. 3 п. 1 ст. 34 ФЗ «Об АО», абз. 3 п. 3 ст. 16 ФЗ «Об ООО»).* Как указывается в ст. 34 ФЗ «Об АО», учредитель общества не обладает правом голоса по принадлежащим ему акциям до момента их полной оплаты, если уставом общества не установлено иное. Цель данного ограничения также связана с защитой интересов хозяйственных обществ и их участников, а также гарантирует соответствие размера и объема управленческих правомочий, принадлежащих тому или иному акционеру (участнику), размеру фактически внесённых им в уставный капитал средств, тем самым предотвращает возможность злоупотреблений со стороны неплатёжеспособных участников, при которых лицо могло бы объявить что приобретает 85% акций общества, при этом не оплатить их, но приобрести весь спектр управленческих правомочий, и единолично принимать практически все решения.

[1] Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

- *ограничения права голоса на совершение сделки с заинтересованностью (п. 4 ст. 83 ФЗ «Об АО», п. 4 ст. 45 ФЗ «Об ООО»).* Данное ограничение направлено на обеспечение интересов хозяйственных обществ, и их участников не являющихся заинтересованными в совершении сделки (п. 4 ст. 45 ФЗ Об «ООО»), а также выступает процедурной гарантией, призванной нейтрализовать конфликт интересов на этапе принятия решения о её совершении. Таким образом, исключается возможность совершения сделок, которые носят благоприятный характер лишь для заинтересованных лиц, но при этом влекут негативные последствия для самих хозяйственных обществ и их участников, что гарантирует принятие лишь объективно полезных для хозяйственных обществ и их участников решений.

- *ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ через предварительное разрешительное регулирование совершения корпоративных сделок* (Указ Президента РФ от 08.09.2022 № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами»[1], Указ Президента РФ от 15.10.2022 № 737 «О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций)»[2]). Указанное ограничение представляет собой вынужденную антисанкционную меру, направленную на предотвращение выхода хозяйственных обществ (ООО) из-под влияния российских собственников. Как указывает А. В. Габов, «вводимые антисанкционные меры должны быть соразмерны вводимым санкционным мерам»[3], по мнению ученого «соразмерность (пропорциональность) ответных мер в современном праве в целом рассматривается как одна из базовых идей, лежащих в основе института ответственности»[4].

[1] Собрание законодательства РФ. 2022. № 37. Ст. 6316.
[2] Собрание законодательства РФ. 2022. № 42. Ст. 7159.
[3] Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 3. С. 123. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antisanktsionnye-mery-v-rossiyskom-prave (дата обращения: 11.04.2026).
[4] Там же.

Предварительное разрешительное регулирование корпоративных сделок, введенное вышеперечисленными Указами Президента РФ, представляет собой вынужденную и временную меру, направленную на защиту национальных интересов в условиях санкционной агрессии. Она не отменяет право на участие в управлении *(в данном случае у иностранных лиц отсутствует возможность получить указанное корпоративное право, в связи с невозможность покупки доли)*, а лишь упорядочивает его реализацию в отношении иностранных элементов, что в полной мере соответствует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускающей соразмерные ограничения прав для обеспечения безопасности и основ конституционного строя.

Разрешительный порядок *(разрешение выдается Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации)* затрагивает преимущественно возможность приобретения долей (акций) иностранными лицами, а не осуществление уже принадлежащих им корпоративных прав. Временный и целенаправленный характер этой меры подчеркивается возможностью получения разрешения на совершение сделки в установленном порядке при соблюдении условий, обеспечивающих интересы национальной безопасности и экономической стабильности. Таким образом, в данном случае **ограничение права на участие в управлении здесь носит производный, ситуационный характер, не затрагивая ядро данного права, и выступает исключительно как механизм предотвращения перехода корпоративного контроля к лицам, находящимся под влиянием недружественных государств.**

Далее рассмотрим ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленные уставом общества.

Возможность установления в уставах хозяйственных обществ дополнительных ограничений реализации права на участие в управлении его деятельностью предусматривается абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ, согласно которому иной объем правомочий участников непубличного хозяйственного общества может быть предусмотрен уставом общества. Неслучайно, что такая

возможность предусмотрена лишь для участников непубличных обществ (ООО и НПАО), в связи с тем, что они являются более «закрытой» корпоративной структурой, и могут более свободно и самостоятельно определять внутрикорпоративные «правила игры», в том числе устанавливать иной объём правомочий участников, в том числе и при голосовании, но в пределах, не противоречащих законодательству РФ. В публичных же хозяйственных обществах в императивно установленном законом порядке не могут быть ограничены количество акций, принадлежащих одному акционеру, их суммарная номинальная стоимость, а также максимальное число голосов, предоставляемых одному акционеру (п. 5 ст. 97 ГК РФ). Исходя из этого можно выделить следующие виды уставных ограничений:

- *ограничения права голоса, связанные с закреплением в уставе непубличного акционерного общества максимального количества акций или числа голосов, принадлежащих одному акционеру (*абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ, *п. 5 ст. 99 ГК РФ, абз. 12 п. 3 ст. 11 ФЗ «Об АО»).* Основная цель подобного рода ограничений заключается в предотвращении концентрации контроля в руках одного акционера, чем обеспечивается баланс интересов между всеми акционерами НПАО. Так, например, пп. 29 ст. 10 Устава НПАО «Невский экологический оператор», установлено, что к компетенции общего собрания акционеров относится «внесение в устав Общества, изменений и (или) исключение из устава положений об ограничении… максимального числа голосов, предоставляемых одному акционеру»[1].

- *ограничения права голоса, связанные с закреплением в уставе общества с ограниченной ответственностью максимального размера доли, принадлежащей одному участнику (п. 3 ст. 14 ФЗ «Об ООО»).* В данном случае основная цель установления данного ограничения совпадает с целью для НПАО, и выражается в предотвращении концентрации контроля в руках

[1] Устав непубличного акционерного общества «Невский экологический оператор» URL: https://spb-neo.ru/upload/docs/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2.pdf (дата обращения 21.06.2025).

одного участника. Предусматривая подобное положение устава, участники ООО заранее договариваются о степени своего влияния при принятии того или иного корпоративного решения, что снижает риск возникновения внутрикорпоративных конфликтов. Кроме того, такое ограничение позволяет предотвратить ситуации, при которых участник, получивший возможность единоличного контролирования деятельности ООО, примет ошибочное, противоречащее интересам общества и его участников решение.

Так, например п. 10.2.18. ст. 10 Устава ООО «Компания» установлено, что к полномочиям общего собрания относится «…принятие решения об ограничении и изменении максимального размера доли участника…»[1]. Согласно данному положению Устава, в ООО «Компания» возможно предусмотреть положение устава, согласно которому *«доля каждого участника не может превышать 25% уставного капитала»*. Данное ограничение помимо вышеуказанной цели, также защищает участников от размывания их долей и потери влияния по управлению обществом.

Отсюда следует, что уставные ограничения по реализации корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ играют ключевую роль в организации наиболее эффективного корпоративного управления в непубличных хозяйственных обществах. Подобные ограничения позволяют: предотвратить сосредоточение контроля в руках одного участника (акционера) или группы лиц, обеспечивая баланс интересов и учет мнения всех участников (акционеров) общества; закрепить заранее согласованные рамки влияния каждого участника (акционера) на принятие корпоративных решений; снижать риски возникновения внутрикорпоративных конфликтов и споров между участниками (акционерами) и др.

- *ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ при наследовании и разделе совместно нажитого*

[1] Устав Общества с ограниченной ответственностью «Компания» URL: https://codexspb.ru/netcat_files/userfiles/Docs/ustav-ooo.pdf (дата обращения 21.06.2025).

имущества супругов, которое может возникнуть, например, при содержании в уставе положения, согласно которому наследник или супруг участника общества в связи с разделом совместно нажитого имущества или наследования получает статус участника и связанные с ним корпоративные права только при согласии остальных участников общества (запрет на переход доли третьим лицам (абз. 2 п. 2 ст. 21 ФЗ «Об ООО»). Если согласия нет, наследник или супруг вправе требовать выкупа доли (получение действительной стоимости), но не может участвовать в управлении деятельностью общества *(см., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2016 № 310-ЭС15-18228 по делу № А48-5675/2014)*[1].

Далее рассмотрим *договорные ограничения* права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, которые могут реализовываться через различные частно-правовые механизмы, одним из которых является залог корпоративных прав, при котором право голоса или иные управленческие правомочия участника могут быть ограничены до момента исполнения залогодателем своих обязательств перед залогодержателем.

Целью данного ограничения на наш взгляд является обеспечение прав залогодержателя (кредитора), путём исключения возможности залогодателя самостоятельно принимать решения (если данное условие предусмотрено договором), которые могут снизить стоимость или обесценить предмет залога. Так, п. 2 ст. 358.15 ГК РФ установлено, что при залоге акций, удостоверенные ею права осуществляет залогодатель (акционер), если иное не предусмотрено договором залога акций, в котором может предусматриваться условие об осуществлении залогодержателем всех или некоторых прав, принадлежащих залогодателю и удостоверенных заложенной ценной бумагой (п. 1 ст. 358.17 ГК РФ). В таком случае, как указывается в п. 8 ст. 51.6. Федеральном законе от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 27.10.2025)

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«О рынке ценных бумаг» «если договором залога установлено, что «права по заложенным ценным бумагам осуществляет залогодержатель, запись об обременении должна содержать информацию об этом»[1]. Залогодержатель должен включаться в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании[2]. Как указывает О. И. Гентовт, при содержании в договоре залога акций условия, предусмотренного п.1 ст. 358.17 ГК РФ «в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании, должен быть включен именно залогодержатель, осуществляющий право голоса по ценным бумагам, а не акционер – залогодатель»[3]. Однако, может сложиться и такая ситуация, при которой право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ осуществляет сам акционер (залогодатель), но обязан согласовывать с залогодержателем свои действия (п. 3 ст. 358.17 ГК РФ).

Последним исследуемым ограничением в рамках настоящего параграфа будет ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленные в *корпоративном договоре (подробному исследованию проблемных вопросов посвящен § 3.1. настоящего диссертационного исследования).*

Как указано в п. 1 ст. 67. 2 ГК РФ, в корпоративном договоре могут предусматриваться условия, согласно которым его стороны обязуются осуществлять принадлежащие им корпоративные права определенным образом, т. е. имеют право, например, включить в корпоративный договор условие о голосовании определённым образом по вопросам повестки дня общего собрания или условие о приобретении (отчуждении) доли (акций) в уставном капитале по определенной цене и др.

По мнению А. В. Качаловой, «корпоративный договор может быть

---

[1] Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

[2] Положение Банка России от 16.11.2018 № 660-П «Об общих собраниях акционеров» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2019 № 53262) // Вестник Банка России. № 3. 2019.

[3] Залогодержатель проголосовал против принятия решения, влекущего право требовать выкупа акций URL: https://ao-journal.ru/zalogoderzhatel-progolosoval-protiv-prinyatiya-resheniya-vlekushchego-pravo-trebovat-vikupa-aktsiy (дата обращения 22.06.2025).

направлен на ограничение корпоративных прав и свобод акционеров, участников хозяйственных обществ, возлагать на них определенные обязанности или даже устанавливать для них некоторые запреты»[1]. В то же время, следует согласиться с точкой зрения А. Е. Осиповой, которая является приверженцем того, что, «корпоративный договор не является абсолютно свободным инструментом, и должны существовать законодательно установленные пределы на ограничения корпоративных прав в подобного рода договоре, чтобы защищать интересы участников и обеспечить соблюдение принципов корпоративного права»[2]. В противном же случае выход за пределы ограничения корпоративных прав, установленных в корпоративном договоре, может повлечь правовые риски для всех участников, создавая условия для возникновения корпоративных конфликтов и судебных споров. Чрезмерное ограничение корпоративных прав в корпоративном договоре может привести к ситуации, при которой будут нарушаться права и законные интересы ограниченных в правах участников хозяйственных обществ.

Ограничения реализации корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленные в корпоративном договоре, не должны нарушать права и законные интересы субъектов, в отношении которых они установлены, а также интересы самих хозяйственных обществ и иных заинтересованных лиц. Ограничение корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративном договоре служит инструментом для согласования порядка его реализации с учетом интересов всех участников конкретного хозяйственного общества. Исследуемое ограничение направлено на предотвращение потенциальных

[1] Качалова А. В. О свободе корпоративного договора и ее пределах // Журнал «Законодательство». Сентябрь 2018 г. № 9. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/77520616/ (дата обращения 18.04.2025).
[2] Осипова А. Е. Сущность и правовая природа корпоративного договора. // Молодой ученый. 2023. № 17 (464). С. 421.

корпоративных конфликтов, злоупотреблений со стороны других участников общества, а также обеспечение эффективного корпоративного управления, посредством которого будет достигаться развитие и рост капитализации хозяйственного общества.

Таким образом, ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ по основанию их возникновения можно разделить на:

- предусмотренные законом;
- установленные договором;
- закрепленные в уставе хозяйственных обществ;
- заключенные в корпоративном договоре между участниками хозяйственных обществ.

Исследование существующих видов ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ показало, что установление каждого из них также преследует свою уникальную цель, связанную, например, с минимизацией возможности влияния на управление деятельностью хозяйственных обществ со стороны акционеров, владельцев привилегированных акций, ориентированных преимущественно на получение дивидендов; защитой интересов миноритариев и поддержанию баланса в управлении деятельностью хозяйственных обществ; обеспечением соответствия размера управленческих прав, принадлежащих тому или иному акционеру (участнику), размеру фактически внесённых в уставный капитал средств; защитой интересов хозяйственных обществ и их участников, путем исключения возможности совершения сделки, выгодной лишь заинтересованным лицам, но вредной для остальных; предотвращением концентрации контроля в руках одного лица и обеспечение баланса интересов между участниками НПАО и ООО и др. Таким образом, можем констатировать, что установление различных видов ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ направлено на создание сбалансированной системы корпоративного управления. В

совокупности такие меры укрепляют устойчивость и прозрачность корпоративных отношений, способствуют эффективному функционированию и развитию хозяйственных обществ.

Глава 2 Запреты на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ отдельных категорий лиц

2.1 Запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом

Запрет на участие обанкротившихся лиц в управлении деятельностью хозяйственных обществ, занимает ключевую роль в системе законодательных запретов, установленных в отношении отдельных категорий лиц, и оказывает непосредственное воздействие на их правовой статус, поскольку исключает у них возможность реализации указанного корпоративного права, позволяющего занимать руководящие должности и иным образом участвовать в управлении деятельностью хозяйственных обществ в течение установленного законодательством срока. Как указывает Л. А. Морозова с позиции общей теории права «правовое положение физического лица определяется совокупностью общего, специального и индивидуального статусов. При этом специальный и индивидуальный статусы приобретает физическое лицо, вступая в те или иные правоотношения»[1]. Похожим образом рассуждает В. В. Долинская, указывая, что «под правовым статусом понимаются как общий правовой статус (установленный Конституцией), так и существующие на его основе и реализуемые в конкретных правоотношениях отраслевой правовой статус (определяемый нормами конкретной отрасли права), межотраслевой (определяемый комплексными правовыми институтами) и специальный правовой статус (связанный с реализацией норм ответственности)»[2]. Подобного же мнения придерживается и М. М. Брагина, правовой статус физического лица может быть *общим*, и устанавливать единый

[1] Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2011. С. 321.
[2] Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 9.

для всех физических лиц перечень прав и обязанностей, как правило, закрепленных в Конституции РФ, а также *специальным*, т. е. может «иметь свою специфику, дополнительные права, обязанности, льготы»[1], предусмотренные специальным законодательством, а также *индивидуальным*, «представляя собой совокупность персонифицированных прав и обязанностей гражданина»[2].

Так, *специальный* правовой статус физического лица определяет перечень принадлежащих ему корпоративных прав и обязанностей, возникших в силу участия в хозяйственном обществе и владения долями (акциями) уставного капитала. Решение арбитражного суда о признании гражданина (физического лица) банкротом (ст. 213.24 Закона о банкротстве) оказывает воздействие на его специальный правовой статус как участника общества, и влечёт за собой временный запрет реализации принадлежащего ему корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ.

Установление запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в отношении обанкротившихся лиц, как правило, обусловливается снижением доверия к их финансовой благонадёжности и деловой репутации. Кроме того, введение исследуемого запрета направлено на предотвращение потенциально рискового и недобросовестного управления хозяйственными обществами, способного нанести ущерб их имущественным интересам, а также интересам их участников и контрагентов (кредиторов). **Данный запрет выступает не как мера юридической ответственности обанкротившегося лица, а как превентивный инструмент, направленный на поддержание стабильности и прозрачности корпоративного управления**, позволяющий исключить из управления хозяйственных обществ

[1] Брагина М. М. Правовой статус личности // Вестник магистратуры. 2014. № 10 (37). С. 147. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-lichnosti-2 (дата обращения: 30.04.2025).
[2] Там же. С. 147.

тех лиц, чья финансовая грамотность и компетентность вызывает сомнения, в связи с повышением риска совершения ими ошибок или недобросовестных действий при принятии управленческий решений. Введение такого рода запрета позволяет создать определённый «фильтр», исключающий участие в руководстве хозяйственных обществ лиц, чьё поведение в прошлом вызвало сомнение в способности эффективно распоряжаться собственными денежными средствами, что впоследствии привело их к банкротству. Иными словами, законодатель создает препятствие для вовлечения в корпоративное управление лиц, ранее проявивших неспособность обеспечить надлежащее управление своими личными активами, а значит, потенциально неспособных к принятию обоснованных управленческих решений в интересах хозяйственных обществ.

Ранее в наших публикациях отмечалось, что «вопрос о запрете права на участие в управлении деятельностью корпорации лицом, признанным банкротом, является одним из наиболее спорных и неоднозначных с точки зрения его решения, а также правоприменения, и может быть охарактеризован как один из самых актуальных в юридической литературе, в связи с тем, что порождает массу нерешенных доктринальных проблем, правовых коллизий и пробелов правового регулирования, создающих определенные сложности в процессе правоприменительной деятельности»[1]. Исследуемый вопрос о запрете реализации права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленный в отношении лиц, признанных банкротами, требует дальнейшего теоретического осмысления и законодательной доработки с целью устранения существующих пробелов и противоречий, а также выработки единых подходов в правоприменении, способствующих балансу между защитой интересов общества и обеспечением справедливости по отношению к обанкротившимся гражданам.

[1] Мельник Д. Э. К вопросу о запрете на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества лицом, признанным банкротом … С. 43.

Исследуемый в рамках настоящего параграфа запрет пронизывает всю систему российского корпоративного права, оказывает влияние на её ключевые элементы, непосредственно затрагивая сферы корпоративного управления, корпоративного контроля, правового статуса участников хозяйственных обществ и др. Установление запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в отношении лиц, признанных банкротами, призвано служить мерой защиты прав и интересов хозяйственных обществ, их участников и контрагентов. Однако срок установления такого запрета напрямую зависит от того, в органах управления какой корпоративной организации в дальнейшем предполагается участие обанкротившегося лица, поскольку риск от недобросовестного управления неравнозначен, и может различаться в зависимости от вида корпоративной организации и характера её деятельности. В п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве указано, что в отношении гражданина после завершения процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве, устанавливается **трехлетний запрет** на занятие им должностей в органах управления **любого юридического лица**, а также иного участия в его управлении. Так, в качестве примера иного участия в управлении можно привести назначение «такого гражданина доверительным управляющим долей в уставном капитале ООО», что по мнению Ю. С. Харитоновой «будет прямо противоречить закону»[1]. Кроме того, положения вышеуказанной статьи при тех же условиях, устанавливают **пятилетний запрет** на занятие должности в органах управления страховой организации, негосударственного пенсионного фонда, управляющей компании инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда или микрофинансовой компании, иным образом участвовать в управлении такими организациями. Запрет продолжительностью в **десять лет** установлен в отношении занятия

[1] Харитонова Ю. С. Пределы усмотрения нотариуса при выборе кандидатуры управляющего для учреждения доверительного управления наследственной массой // Нотариальный вестник. 2022. № 7. С. 29.

банкротами руководящих должностей в органах управления кредитных организаций.

Дифференцированный подход к установлению срока запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, обусловлен видом деятельности корпоративной организации и степенью её экономической значимости. В этой связи в отношении организаций, оказывающих влияние на ключевые экономические процессы и обладающих высокой социальной значимостью, таких как кредитные организации, микрофинансовые организации, паевые инвестиционные фонды, страховые компании и негосударственные пенсионные фонды, устанавливается более длительный срок запрета для участия обанкротившихся лиц в их органах управления. Подобная мера, на наш взгляд, связана с необходимостью обеспечения устойчивости финансовой системы и защиты прав множества участников и контрагентов (вкладчиков, инвесторов, пенсионеров и др.) этих корпоративных организаций, чьи интересы напрямую зависят от добросовестного управления ими.

Срок запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, предлагается условно разделять на: общий и специальный. **Общий срок** применяется ко всем видам юридических лиц, вне зависимости от вида их деятельности и уровня социально-экономического значения. Основанием является лишь сам факт завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве. **Специальный срок** распространяется на прямо предусмотренный законом перечень юридических лиц, деятельность которых связана с управлением чужими денежными средствами, пенсионными накоплениями, инвестициями, либо представляет особую значимость для финансовой стабильности государства.

Переходя к дальнейшему рассуждению о целесообразности законодательного установления данного запрета, можем отметить, что замысел законодателя связан с необходимостью обеспечения стабильности

функционирования и развития хозяйственных обществ, а также защиты интересов их участников и кредиторов. Введение такого запрета обусловливается и тем фактором, что банкротство физического лица нередко ставит под сомнение его деловую репутацию, компетентность и способность принимать взвешенные решения, что может негативно отразиться на управлении хозяйственным обществом, и стать причиной его возможных убытков либо банкротства. Как справедливо отмечает С. А. Слесарев, логика законодателя при установлении банкроту запрета на участие в управлении хозяйственных обществ сводится к тому, что «если человек не может разобраться со своей жизнью и своими долгами, распланировать личный бюджет и управлять домашним хозяйством, то как ему можно доверять управление юридическим лицом?»[1]. Следует признать, что подобное мнение не лишено смысла, в силу того, что, одной из целей введения п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве является превенция допущения к управлению делами хозяйственных обществ лиц, проявивших неосмотрительность при участии в гражданском обороте и неспособность в эффективном управлении своими финансовыми активами, которые привели их к собственной финансовой несостоятельности (банкротству). Такой подход способствует формированию более ответственного и благонадежного руководства, готового наиболее грамотно принимать корпоративные решения, способствующие росту чистой прибыли и капитализации хозяйственных обществ. Между тем, следует отметить, что по данному вопросу существует и противоположная позиция, сторонники которой считают, что установленный запрет не реализует заявленных при его введении целей, и более того, нарушает права обанкротившихся лиц. Так, например, В. И. Григорьев отмечает, что само по себе банкротство физического лица не должно гарантированно лишать его возможности «управлять юридическими лицами, поскольку это ограничивает правовые возможности должника начать новую

[1] Слесарев С. А. Карающий меч закона, или забыть о долгах? // Трудовое право. 2015. № 12. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/77520616/ (дата обращения 18.11.2025).

экономическую жизнь и заново включиться в гражданский оборот»[1], поэтому абсолютизация данного запрета избыточна.

На наш взгляд, «запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества лицом, признанным банкротом, должен наступать лишь вследствие доказанности совершения им недобросовестных и незаконных действий, выявленных при ведении дела о несостоятельности. В иных же случаях банкротства физического лица в силу объективных экономических факторов, недобросовестных действий контрагентов, форс-мажоров, и иных причин, не связанных с недобросовестностью и незаконностью действий последнего, не должно приводить к установлению запрета, предусмотренного п. 3. ст. 213.30 Закона о банкротстве. Несмотря на то, что установленный Законом о банкротстве запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, направлен на защиту прав и законных интересов корпоративных структур и кредиторов, в то же время он не должен превращаться в механизм формального исключения у такого лица возможности участия в органах управления хозяйственных обществ лишь на основании факта признания банкротом, без учёта конкретных обстоятельств дела. Применение запрета без подтверждения факта недобросовестности действий, нарушает принцип справедливости, а также вступает в противоречие с целью установления института банкротства физических лиц»[2], которая состоит в «социальной реабилитации **добросовестного** гражданина, предоставлении ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно освободившись от непосильных для него обязательств»[3].

---

[1] Григорьев В. Постбанкротные ограничения прав граждан: оставить нельзя отменить // Цивилистика. 2021. Т. 2. № 5. С. 170.

[2] Мельник Д. Э. К вопросу о запрете на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества лицом, признанным банкротом … С. 44.

[3] «Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г.» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2024; См. также: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2025 № 18АП-15408/2024 по делу № А07-11168/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таким в настоящий момент, Закон о банкротстве не устанавливает различий в части применения запрета на управление деятельностью хозяйственных обществ, установленного п. 3. ст. 213.30 Закона о банкротстве в отношении добросовестного либо недобросовестного гражданина-банкрота, в то время как в некоторых зарубежных странах такая дифференциация существует. Так, например, в законодательстве Англии предусмотрено правило, согласно которому, в случае выявления недобросовестности и неразумности в действиях обанкротившегося гражданина «официальный управляющий может обратиться в суд за приказом об ограничениях для банкрота, действующих от 2 до 15 лет»[1]. Другим примером будет являться датское законодательство, которое содержит такое понятие как «карантин банкротства» *(Afsnit III Konkurskarantæne, Kapitel 19 Betingelserne for at pålægge konkurskarantæne og karantænens retsvirkninger, Konkursloven*), согласно которому *(§ 159 Konkursloven*) «…лицо, находящееся в карантине по банкротству, не может участвовать в управлении коммерческим предприятием…»[2]. Срок карантина банкротства по общему правилу составляет 3 года, однако в § 158 Konkursloven делается оговорка о том, что он может быть введен и на более короткий срок, «если особые обстоятельства, включая деловое поведение соответствующего члена руководства или его личные обстоятельства, оправдывают это. При наличии особых обстоятельств карантин по банкротству может быть полностью отменен»[3]. Однако существует и обратная ситуация, при которой «карантин по банкротству» вводится «на 5 лет, если деловое поведение соответствующего лица следует считать особенно безответственным»[4], при этом в п. 2 § 157 Konkursloven устанавливается перечень действий, которые могут свидетельствовать о

[1] Insolvency Act. Schedule 4A, art. 4. URL: https://lexlaw.co.uk/wp-content/uploads/Insolvency-Act-1986-Lexlaw-Solicitors-and-Advocates-London-UK.pdf (дата обращения: 17.07.2025).
[2] Konkursloven URL: https://openlibrary.org/books/OL597005M/Konkursloven_af_1977 (дата обращения: 17.07.2025).
[3] Там же.
[4] Там же.

безответственном поведении. Отсюда видим, что в законодательстве Дании применяет более гибкий чем в Российской Федерации механизм установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ для обанкротившихся лиц, позволяющий суду учитывать индивидуальные обстоятельства, варьируя сроки запрета или отменяя его полностью.

В этой связи следует констатировать тот факт, что на сегодняшний день в Законе о банкротстве установлен безусловный запрет на управление деятельностью хозяйственных обществ обанкротившимися лицами независимо от причины их банкротства. Подобная позиция законодателя, на наш взгляд, является несправедливой по отношению к добросовестному банкроту, в связи с тем, что, сам по себе факт банкротства гражданина не свидетельствует о его недобросовестности[1], ровно так же, как не признается незаконным факт невозможности оплаты кредиторской задолженности, вызванный объективным ухудшением материального состояния должника[2].

«Кроме того, в таком случае, добросовестное лицо-банкрот лишается возможности реабилитироваться, отыскать новый источник дохода, а в случае например, если такое лицо являлось руководителем организации, то оно и вовсе теряет работу (п. 13 ч. 1 ст. 83 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) (далее — ТК РФ)[3] и п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК РФ), а, следовательно, и источник дохода, будучи и так в непростом финансовом положении. Увольнение по вышеуказанным основаниям также грозит и заместителю директора организации, но лишь в том случае, если в локальных актах организации, регулирующих распределение должностных обязанностей заместителей генерального

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2018.

[2] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2024 № 17АП-12304/2024(1)-АК по делу № А50-21994/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; См. также. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.04.2024 № Ф05-992/2023 по делу № А40-163862/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 1. (ч. 1) Ст. 3.

директора (директора), будут установлены функции по управлению обществом»[1]. *(см., напр.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2023 по делу № 88-15626/2023)*[2].

Исходя из вышесказанного следует сделать вывод о том, что запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, не должен применяться к гражданам, которые были признаны несостоятельными (банкротами) в силу объективных причин, не связанных с неразумностью, недобросовестностью и незаконностью их действий при осуществлении ими своих гражданских прав (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Однако, если при ведении дела о несостоятельности, будет доказано что банкротом совершены недобросовестные и незаконные действия (сокрытие своего имущества, воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего, отказ от заключения мирового соглашения. и т.д.)[3], то в таком случае, в отношении такого лица должен быть установлен запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, предусмотренный п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве, а также недопустимо освобождение такого гражданина от обязательств по расчету с кредиторами (п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве, *(см., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429 по делу № А41-20557/2016)*[4]. Отсюда следует, что при решении вопроса об установлении запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ можем говорить о добросовестном и недобросовестном гражданине-банкроте. **Добросовестный банкрот**, это гражданин, признанный несостоятельным по объективным, независящим от его воли причин (форс-мажорные обстоятельства, экономический кризис,

[1] Мельник Д. Э. К вопросу о запрете на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества лицом, признанным банкротом … С. 44.
[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 4.
[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429 по делу № А41-20557/2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

недобросовестные действия контрагентов, утрата трудоспособности), который действовал разумно (не совершал подозрительных сделок), открыто (не скрывал имущество) и не злоупотреблял своими правами. **Недобросовестный банкрот**, это гражданин, признанный банкротом вследствие умышленных, незаконных или недобросовестных действий, направленных на уклонение от исполнения обязательств или введение в заблуждение кредиторов и суда. Указанные понятия предлагается закрепить в абз. 38-39 ст. 2. Закона о банкротстве.

«Подобное положение позволит обезопасить как само хозяйственное общество от принятия важных корпоративных решений некомпетентными на то лицами, неспособными грамотно решать поставленные перед ними задачи, так и соблюсти интересы обанкротившихся лиц, которые в силу определенных объективных причин, несвязанных с недобросовестностью и неразумностью их действий, были вынуждены пройти процедуру банкротства, которая в последствии повлекла за собой установление определенных запретов, делающих недоступной для них деятельность по управлению хозяйственным обществом, которая могла бы принести им доход и «спасти» их финансовое положение»[1].

Исследованная выше проблема не является единственным аспектом, вызывающим сложности при установлении запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в отношении обанкротившихся лиц. Так, например, весьма противоречивым представляется и тот факт, что несмотря на то, что положение п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве содержит условие о сохранении запрета на участие в управлении даже в случае прекращения производства по делу о банкротстве, мнение судебных органов и ФНС России[2] по указанному вопросу совершенно иное, и сводится к тому, что

[1] Мельник Д. Э. К вопросу о запрете на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества лицом, признанным банкротом … С. 44.

[2] п. 1.5. Письма ФНС России от 27.12.2023 № КВ-4-14/16340@ «О направлении обзора судебной практики» (вместе с «Обзором судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2023)»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«выход из процедуры несостоятельности, сопряженный с восстановлением платежеспособности, не должен влечь таких последствий как ограничения, предусмотренные пунктом 3 статьи 213.30 Закона о банкротстве» (*см., напр.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2024 № 09АП-30827/2024 по делу № А40-280448/2023)*[1]. Как указывается в *Решении Арбитражного суда Пензенской области от 18.04.2023 по делу № А49-763/2023* «прекращение производства по делу о банкротстве в связи с удовлетворением всех требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, указывает на восстановление должником платежеспособности, поэтому выход из процедуры банкротства, сопряженный с восстановлением платежеспособности, не должен влечь таких последствий как трехлетнее ограничение на занятие должности в органах управления юридического лиц»[2].

Подобная позиция способствует формированию более гибкой и справедливой системы правового регулирования банкротства граждан, при которой при установлении в отношении обанкротившегося лица последствий, установленных п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве будут учитываться не только формальные основания завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве, но и его усилия, направленные на восстановление платежеспособности и удовлетворения всех требований кредиторов. Такой подход **позволит обеспечить индивидуальный учет обстоятельств каждого дела о банкротстве граждан**, но вместе с тем, сохранит свой превентивный характер по блокировке допуска к управлению хозяйственным обществом лиц,

---

[1] См. также: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2025 № 11АП-12498/2024 по делу № А65-12029/2024; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2024 № 18АП-547/2024 по делу № А76-39577/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] См. также: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.07.2022 по делу № А12-31420/2021; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.12.2019 по делу № А46-21425/2018; Постановления Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 16.08.2022 по делу № А70-3234/2022 и др. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

неспособных восстановить свое финансовое положение. Гражданин, сумевший восстановить платежеспособность и удовлетворить все требования кредиторов, должен рассматриваться не как лицо, утратившее деловую репутацию, а как участник оборота, способный к ответственному финансовому управлению и принятию экономически обоснованных решений. Восстановление платежеспособности свидетельствует о профессионализме должника, и его способности грамотно распоряжаться финансовыми ресурсами. В этой связи он может рассматриваться как компетентный и надёжный участник корпоративного управления, обладающий практическим опытом выхода из кризисных ситуаций, что, напротив, представляет ценность для бизнеса.

Положение о неприменении к лицу, вышедшему из процедуры банкротства в связи с восстановлением платежеспособности, последствий, предусмотренных п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве устанавливается лишь на уровне писем ФНС России и судебной практики, которые не являются нормативными актами, а носят рекомендательный или разъяснительный характер. В этой связи, нами предлагается ст. 213.30 Закона о банкротстве дополнить п. 4, и изложить его в следующей редакции:

«Последствия, предусмотренные пунктом 3 настоящей статьи, не применяются к гражданину, если возбужденное в отношении него производство по делу о банкротстве прекращено в связи с восстановлением платёжеспособности».

«Запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества имеет и иные грани проблематики, помимо указанных выше. Так, стоит обратить внимание на то, что до сих пор законодателем не выработаны и не закреплены правила, регламентирующие осуществление банкротом принадлежащих ему организационно-управленческих и иных корпоративных прав, вытекающих из принадлежащих банкроту акций (долей) в уставном капитале. Как обращает внимание ФНС России, финансовая несостоятельность гражданина не лишает его права на приобретение

(сохранение) статуса участника общества[1], но при этом он ограничивается в принятии решений и замещении должности руководителя общества (п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве), что также подтверждается и судебной практикой *(см., напр.: Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2021 № 01АП-284/2017 по делу № А79-6522/2016; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2017 № 07АП-3457/2017 по делу № А45-24664/2016)»*[2].

В настоящий момент законодательно закреплен лишь порядок осуществления корпоративных прав гражданина - банкрота в ходе реализации его имущества. Так, в п. 6 ст. 213.25 Закона о банкротстве указано, что в ходе процедуры реализации имущества гражданина финансовый управляющий действует от его имени и осуществляет корпоративные права участника юридического лица, принадлежащие гражданину, в том числе голосует на общем собрании участников. Однако может возникнуть ситуация, при которой после реализации имущества гражданина-банкрота, у него останется часть имущества, в том числе в виде акций (доли) в уставном капитале хозяйственного общества, либо он приобретет акции (доли) уже после прекращения процедуры банкротства, однако в силу запрета, установленного п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве не сможет участвовать в управлении деятельностью юридического лица. «После вынесения судом определения о прекращении процедуры банкротства гражданин остается полностью правоспособным и может реализовывать предоставленные ему права и нести обязанности с учетом ограничений, предусмотренных ст. 213.30 Закона о банкротстве», *(см., напр.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2023 № Ф05-23262/2021 по делу № А40-185280/2020)*[3].

[1] Официальный сайт ФНС URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11823746/ (дата обращения: 17.07.2025).
[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Такая ситуация, на наш взгляд, является весьма противоречивой, в связи с чем возникает вопрос: если лицо-банкрот не лишено возможности быть участником хозяйственного общества, и, следовательно, может иметь определенный перечень корпоративных прав, к числу которых относится и право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, то каким образом оно может быть реализовано, если Законом о банкротстве установлен запрет на его реализацию? Как указывает Ю. С. Поваров, в таком случае важным является «момент определения фигуры лица, способного «заменить» на собрании гражданина, признанного банкротом, и юридических оснований такой «замены»»[1], то есть, важно понять, кто на время действия запрета, установленного ст. 213.30 Закона о банкротстве, правомочен вместо гражданина-банкрота осуществлять принадлежащие ему корпоративные права, например, принимать участие в общем собрании хозяйственного общества. Сказанное подтверждается решениями судебных органов[2]. Как показывает анализ сложившейся судебной практики, относительно выбора юридического основания «замены» банкрота при осуществлении им корпоративных прав, предусмотренных ст. 65. 2 ГК РФ и нормами специального законодательства, у судебных органов существует позиция, согласно которой, лицо признанное банкротом хоть и не имеет права лично осуществлять принадлежащие ему корпоративные права, однако правомочно реализовать их альтернативным способом, прибегнув к привлечению доверительного управляющего на основании ст. 1012, 1013, 1020 ГК РФ[3].

На первый взгляд, договорная конструкция доверительного управления принадлежащими обанкротившемуся лицу акциями (долями) в уставном

---

[1] Поваров Ю. С. Вопросы реализации гражданином-банкротом прав участника юридического лица // Право и экономика. 2018. № 10 (368). С. 68.

[2] См., напр.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2017 № 07АП-3457/2017 по делу № А45-24664/2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] См., напр.: Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2021 № 01АП-284/2017 по делу № А79-6522/2016; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.09.2019 № 11АП-13044/2019 по делу № А72-3483/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

капитале способна полностью решить сложившуюся проблему отсутствия законодательного закрепления механизма реализации корпоративных прав, принадлежащих обанкротившемуся лицу в период действия запрета, установленного Законом о банкротстве, однако это не так. Стоит представить ситуацию, при которой банкрот не может прибегнуть к услугам доверительного управляющего по причине значительной стоимости его услуг (ст. 1016 ГК РФ), оплата которых еще больше усугубит и без того тяжелое финансовое положение последнего, либо банкрот не хочет передавать принадлежащие ему акции (доли) в уставном капитале в доверительное управление, а **законодательство не обязывает его к этому.**

Сказанное приводит к вопросу о том, какие последствия повлечет за собой нежелание (отказ) банкрота по какой-либо из вышеперечисленных или другой причине передавать в доверительное управление принадлежащие ему акции (доли) в уставном капитале? Могут ли исключить банкрота из общества, в связи с неисполнением им обязанности по принятию корпоративных решений? Стоит отметить, что специальным законодательством РФ, регулирующим деятельность многих коммерческих и некоммерческих организаций, предусматривается механизм исключения участников в связи с неисполнением ими обязанности по принятию корпоративных решений. Например, такая возможность закреплена в ст. 10 ФЗ «Об ООО», а для исключения из АО «по аналогии применяется регулирование исключения участника из ООО»[1]. Вышеуказанная норма позволяет исключить участника из общества, в том случае, если он грубо нарушает свои обязанности, либо своими действиями (бездействием) затрудняет деятельность общества или делает ее невозможной. Кроме того, к подобного рода основаниям для исключения участника из хозяйственного общества относится неучастие в принятии решений, без которых общество не может продолжать свою деятельность, к числу которых согласно п. 34 Постановления Пленума

[1] Краецкая Е. Исключение акционера из общества // Юридический справочник руководителя. 2023. № 1. С. 69.

Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» относятся решения о назначении единоличного исполнительного органа или членов совета директоров, о внесении изменений в устав, если они являются необходимыми и др. Более того, следует помнить, что существуют такие вопросы, решения по которым принимается единогласно всеми участниками общества (пп. 11 п. 2 ст. 33 ФЗ «Об ООО», п. 3 ст. 9 ФЗ «Об АО» и др.). Таким образом, если лицо, признанное банкротом, в силу установленного в отношении него запрета, предусмотренного п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве, в течение долгого времени (3 года) в силу объективных причин не сможет принимать участие в принятии решений, без которых хозяйственное общество будет не способно продолжать свою деятельность, а также не будет участвовать в принятии решений, требующих единогласного одобрения всех участников, то возникнет риск исключения его из общества по вышеуказанным основаниям.

Законодательство в настоящий момент никак не защищает права лица, признанного банкротом, которому фактически принадлежит корпоративное право на участие в принятии корпоративных решений, вытекающее из принадлежащих ему акций (долей) в уставном капитале хозяйственных обществ, но в тоже время у которого отсутствует возможность их реализации, в связи с установленным запретом, предусмотренным п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве. В то время как другим участникам хозяйственного общества, в котором лицо, признанное банкротом, владеет акциями (долей) в уставном капитале, на законодательном уровне (ст. 10 ФЗ «Об ООО» и др.) предоставляется право исключения лишенного возможности реализации своих корпоративных прав банкрота из хозяйственного общества по причине неисполнения им обязанности по участию в принятии корпоративных решений.

В целях решения данной проблемы и защиты прав обанкротившихся лиц нами предлагается в **отношении добросовестного банкрота**, хоть и сохранить

запрет на участие в управлении юридическим лицом, предусмотренный п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве, однако из него сделать исключение, согласно которому такое лицо без помощи доверительного управляющего сможет самостоятельно осуществлять правомочие голосования при принятии общим собранием решений по вопросам, требующим **единогласного** одобрения всех участников (установлены специальным законодательством), либо по вопросам, без принятия которых работа хозяйственного общества будет заблокирована или существенно затруднена. При таком условии участия в управлении деятельностью хозяйственного общества, лицо, признанное банкротом по объективным и независящим от него причинам, не сможет кардинально влиять на принятие внутрикорпоративных решений, но в то же время будет исключена ситуация, при которой деятельность юридического лица будет фактически заблокирована, а в отношении лица, в результате действий (бездействия) которого произошла такая блокировка, будет инициирована процедура исключения из списка участников»[1]. В отношении же **недобросовестного банкрота** п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве продолжит действовать без каких-либо исключений, с возможностью прибегнуть к привлечению доверительного управляющего (ст. 1012, 1013, 1020 ГК РФ), что, с одной стороны, защитит его права и позволит не стать исключенным из общества на основании ст. 10 ФЗ «Об ООО», но, с другой стороны, сохранит невозможность его личного участия в корпоративном управлении. Предложенное нами правило может быть использовано как *«промежуточное»* при внедрении положения о неприменении к добросовестным банкротам последствий, предусмотренных п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве.

В этой связи для законодательного закрепления предложенного необходимо дополнить ст. 213.30. Закона о банкротстве п. 5., и изложить его в следующей редакции:

[1] Мельник Д. Э. К вопросу о запрете на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества лицом, признанным банкротом … С. 45 - 46.

«Запрет, установленный пунктом 3 настоящей статьи, не применяется к добросовестному гражданину-банкроту в части осуществления им правомочия голосовать при принятии общим собранием решений по вопросам, поставленным на голосование, без принятия которых деятельность юридического лица станет невозможной либо существенно затруднится»

В доктрине так же существует мнение, согласно которому акции (доли), принадлежащие обанкротившему лицу по аналогии с неучетом акций (доли), принадлежащих умершему лицу, «не учитываются при определении кворума для принятия решений по вопросам повестки дня общего собрания, а решения, принятые на общем собрании остальными участниками, не признаются недействительными…»[1] *(см., напр.: Решение Арбитражного суда Магаданской области от 03.07.2025 по делу № А37-472/2025)*[2]. Однако, в данном случае необходимо согласиться с Ю. С. Поваровым, который справедливо считает, что «исключение голосов в процессе установления правомочности собрания означало бы несоразмерное и несправедливое «наказание» гражданина, признанного банкротом (близкое, по сути, к конфискационным последствиям)»[3]. Банкротство гражданина не приводит его к утрате корпоративных прав, поскольку законодательство РФ не предусматривает автоматического прекращения статуса участника (акционера) в связи с несостоятельностью. Соответственно, доли (акции), принадлежащие гражданину, прошедшему банкротство, продолжают существовать как объект гражданских прав и должны учитываться в общем порядке при определении кворума для принятия решений по вопросам повестки дня общего собрания.

Таким образом, рассмотрев запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, можем сделать вывод о том, что его законодательное установление обусловлено

---

[1] Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 3330/13 по делу № А41-41903/10 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.
[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Поваров Ю. С. Указ. соч. С. 68.

необходимостью защиты интересов хозяйственных обществ, их участников и кредиторов. Кроме того, оно направлено на обеспечение стабильности и добросовестности осуществления корпоративного управления, поскольку факт банкротства физического лица ставит под сомнение его деловую репутацию, компетентность и способность принимать взвешенные решения, что может отрицательно сказаться на деятельности хозяйственных обществ. В ходе исследования запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ обанкротившихся лиц, доказана необходимость его установления лишь в отношении лиц, совершивших незаконные действия по сокрытию своего имущества, воспрепятствованию деятельности арбитражного управляющего, отказу от заключения мирового соглашения и других действий, свидетельствующих о их недобросовестности. Предложено закрепить на законодательном уровне положение, согласно которому, последствия, установленные п. 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве, не применяются к лицам, сумевшим восстановить свою платежеспособность. Предлагается представить добросовестному банкроту возможности участия в управлении деятельностью хозяйственных обществ при голосовании по вопросам повестки дня, требующим **единогласного** одобрения всех участников, либо по вопросам, без принятия которых работа хозяйственного общества будет заблокирована или существенно затруднена.

2.2 Дисквалификация лица как основание установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ

Продолжая исследование законодательных запретов на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, обусловленных правовым статусом физического лица, следует обратить внимание на дисквалификацию, в последствии которой лицо утрачивает возможность занимать должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров (наблюдательный совет), осуществлять предпринимательскую

деятельность по управлению юридическим лицом, осуществлять управление юридическим лицом (ст. 3.11 КоАП РФ). Как указывает А. А. Мохов, дисквалификация представляет собой «ограничение конституционного права лица на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности»[1], установленного ч. 1 ст. 34 Конституции РФ, и в ней «явно проявляют себя карательная (репрессивная) и предупредительно-воспитательная (превентивная) функции института юридической ответственности»[2]. Лицо, в отношении которого применяется данная мера, фактически исключается из числа возможных участников органов управления хозяйственных обществ, что влечёт за собой не только ограничение его правового статуса, но и негативно влияет на его деловую репутацию, снижая уровень доверия со стороны потенциальных контрагентов.

В изначальном толковании *«дисквалификация»* «выражалась в профилактике проступков и гарантией прав и законных интересов субъектов экономики страны»[3]. Как указывает Ю. С. Харитонова, *«дисквалификация»* «относительно новый институт российского права»[4], введенный в 1998 году, а «до XX века понятие *«дисквалификация»* практически не использовалось»[5]. Впервые, в п. 2 ст. 9 Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ (ред. от 21.03.2002, с изм. от 01.10.2002) «О несостоятельности (банкротстве)» *(в настоящее время утратил силу)*, было указано, что под «дисквалификацией» понимается лишение руководителя должника или ликвидатора «права занимать руководящие должности и (или) осуществлять

[1] Мохов А.А. Дисквалификация как мера юридической ответственности фармацевтического работника // Медицинское право. 2009. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Там же. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Ерошкина А. М. Дисквалификация как вид административного наказания // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сборник научных статей 12-й Всероссийской научно практической конференции с международным участием, Курск, 30 декабря 2022 года. Том 1. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 263.
[4] Харитонова Ю.С. Ограничение правоспособности гражданина, признанного банкротом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 27.
[5] Томилин А. А. Понятие и правовая основа дисквалификации // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 1170.

предпринимательскую деятельность по управлению юридическими лицами на срок и в порядке, которые установлены федеральным законом»[1]. С вступлением в силу КоАП РФ, дисквалификация стала рассматриваться как вид административного наказания (ст. 3.2. КоАП РФ), а новый Закон о банкротстве перестал содержать положения о дисквалификации руководителя должника и ликвидатора, прямо упоминая лишь о дисквалификации арбитражного управляющего (ст. 20.4 Закона о банкротстве), которая влечет за собой отстранение арбитражного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве.

Схожая по содержанию с дисквалификацией мера в законодательстве о банкротстве всё же сохранилась, однако теперь она касается не руководителя должника или члена ликвидационной комиссии (ликвидатора), а любого гражданина, который был признан банкротом *(детально исследовано в § 2.1. настоящего диссертационного исследования)*. Так, в ст. 213.30 Закона о банкротстве в качестве последствия банкротства гражданина устанавливается трехлетний запрет занимать должности в органах управления юридического лица, иным образом участвовать в управлении юридическим лицом. Как указывает Ю. С. Харитонова, «подобного рода явление в праве называется дисквалификацией»[2]. Подобного же мнения придерживается и К. Б. Кораев, который указывает на то, что «в своей сущности указанное правовое последствие представляет собой административное наказание в виде дисквалификации»[3]. На первый взгляд, запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, действительно можно спутать с дисквалификацией. Однако в реальности, подобного рода запрет, в отличие от дисквалификации никак не связан с

[1] Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 222.
[2] Харитонова Ю. С. Ограничение правоспособности гражданина, признанного банкротом … С. 27.
[3] Кораев К. Б. Правовое регулирование процедуры реализации имущества гражданина // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 58.

применением административного наказания, и не является видом юридической ответственности. Кроме того, он имеет иную цель, правовую природу, основание установления и представляет собой превентивный инструмент, направленный на минимизацию рисков недобросовестного поведения в процессе осуществления управленческой деятельности со стороны лиц, имеющих негативный опыт банкротства, а также способствует обеспечению финансовой стабильности и эффективного корпоративного управления в хозяйственных общества. Как указывается в судебной практике, «правовые последствия признания гражданина банкротом и применения к нему административного наказания в виде дисквалификации отличны и не исключают их применения одновременно» *(см., напр.: Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12.03.2021 по делу № А33-37051/2020)*[1].

В частности, дисквалификация и запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, различаются по следующим критериям:

- *Цель.* Дисквалификация устанавливается в целях наказания должностного лица за совершенное правонарушение в сфере управления юридическим лицом, а также предупреждения повторных нарушений путем ограничения доступа такого лица к управленческим функциям в юридических лицах, в то время как запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, выступает не как мера наказания, а как превентивный инструмент, направленный на поддержание стабильности и прозрачности корпоративного управления, позволяющий исключить из управления тех лиц, чья финансовая грамотность и компетентность вызывает сомнения и повышает риск совершения ошибок или недобросовестных действий при принятии управленческих решений;

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- *Субъектный состав.* Дисквалификация применяется к лицам, осуществляющим организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органах управления хозяйственных обществ, в то время как запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, может быть установлен ко всем обанкротившимся гражданам с даты завершения в отношении них процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве;

- *Срок установления.* Дисквалификация может быть установлена сроком от шести месяцев до трех лет, в то время как общий срок установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, составляет три года, а специальный пять и десять лет, в зависимости от вида деятельности юридического лица;

- *Основания установления.* Дисквалификация применяется на основании **решения суда** или уполномоченного государственного органа (налогового органа, инспекции труда и т.д.) и требует обязательного установления факта административного правонарушения, виновности и иных элементов состава административного правонарушения. Для применения дисквалификации необходимо доказать, что лицо нарушило закон при осуществлении своих управленческих функций и это повлекло негативные последствия для хозяйственного общества, его участников и кредиторов. Запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленный Законом о банкротстве, начинает действовать **автоматически**, в силу факта признания физического лица банкротом в судебном порядке, и не требует дополнительного установления факта вины со стороны обанкротившегося лица.

Вместе с тем, в современной практике наблюдается определённое *«сближение»* института признания гражданина-банкрота недобросовестным с институтом дисквалификации, хотя формально они принадлежат к различным отраслям и преследуют разные цели. Сближение этих институтов проявляется прежде всего в том, что оба они основаны на оценке судом поведения и имеют

превентивный характер, направленный на предупреждение злоупотреблений. Недобросовестность гражданина в деле о банкротстве, подобно дисквалификации, не предполагается по умолчанию (автоматически), а устанавливается исключительно по итогам судебного разбирательства, на основании **решения суда,** основанного на всесторонней оценке действий либо бездействий должника в ходе процедуры несостоятельности. Суд, анализируя поведение гражданина, выявляет признаки злоупотребления правами, уклонения от исполнения обязанностей либо умышленного причинения имущественного вреда кредиторам, и лишь при наличии соответствующих доказательств делает вывод о его недобросовестности. Однако, несмотря на внешнее сходство по подходам к установлению и общую направленность на предотвращение злоупотреблений, недобросовестность гражданина-банкрота и дисквалификация остаются разными по своей природе юридическими инструментами, различающимися по целям, основаниям и последствиям установления. Признание должника недобросовестным не превращается в форму дисквалификации «по существу», и не может подменять собой административную ответственность.

Продолжая исследование *«дисквалификации»*, отметим, что согласно большому толковому словарю русского языка, под *«дисквалификацией»* понимается «лишение квалификации, объявление кого-либо неспособным или недостойным заниматься какой-либо специальностью»[1]. В словаре бизнес-терминов, к определению *«дисквалификации»* подходят как к «решению компетентного лица или органа о невозможности сотрудником занимать определенную должность или исполнять определенную работу»[2], примерное же определение исследуемого термина содержится и в словаре иностранных слов русского языка, согласно которому, *«дисквалификация»*

[1] С. А. Кузнецов. Указ. соч. URL: https://djvu.online/file/h38T2vpZl163x (дата обращения 21.07.2025).

[2] Словарь бизнес-терминов URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/3678 (дата обращения: 21.07.2025).

заключается в «объявлении кого-либо недостойным или неспособным занимать определенную должность или исполнять определенную работу»[1].

В теории права исследованию *«дисквалификации»* уделялось также немало внимания, и по мнению Р. А. Лубского, «дисквалификация выражается как вид негативной реакции органа государственной власти на совершенный проступок, как принудительную меру и средство воспитания»[2]. В. А. Климова, рассуждая о дисквалификации утверждает, что она «направлена на запрет определенным гражданам, допустившим нарушение административного законодательства, занимать ответственные должности в системе государственной власти, занимать должности в организациях, предоставляющих юридические услуги»[3]. Рассуждая о дисквалификации Т. А. Гумеров, указывает на то, что она «заключается в лишении физического лица права замещать определенные должности»[4]. Как указывает Р. А. Пестов, «дисквалификация выступает, во-первых, видом негативной реакции компетентного государственного органа на совершенное административное правонарушение; во-вторых, принудительной мерой, в-третьих, средством воспитательного воздействия на правонарушителя»[5]. П. В. Каленский определяет дисквалификацию как «…основной вид административного наказания, назначаемый судьей в соответствии с КоАП, на срок от шести месяцев до трех лет, применяемый к физическим лицам, осуществляющим

---

[1] Словарь иностранных слов русского языка URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения: 21.07.2025).

[2] Р. А. Лубский, Р. А. Пестов, В. А. Соколов Становление и перспективы развития института административных наказаний (на примере дисквалификации) // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 3(27). С. 12.

[3] Дубровина Д.Д., Климова В.А., Балашова Е.С. Юридическая ответственность работников организаций, поставляющих юридические услуги // Право, как искусство добра и справедливости. Сборник научных трудов 3-й Всероссийской научной конференции памяти д. ю. н., профессора О.Г. Лариной. Юго-Западный государственный университет; Союз криминалистов и криминологов; МГЮА имени О.Е. Кутафина. Курск, 2022. С. 96.

[4] Административное право: краткий курс лекций / Тимур Альбертович Гумеров. Казань, Магариф – Вакыт, 2014. С. 47.

[5] Р. А. Лубский, Р. А. Пестов, В. А. Соколов. Указ. соч. С. 14.

организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органе юридического лица…»[1].

Дисквалификация как вид административного наказания может быть применена лишь в отношении специальных субъектов, физических лиц, наделённых определёнными полномочиям по управлению корпоративной организацией. Как указывает А. С. Гомонов, к такого рода субъектам относятся: «лица, осуществляющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в органе юридического лица; члены совета директоров (наблюдательного совета); лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и др.»[2]. В примечании к ст. 2.4 КоАП РФ и п. п. 4, 5 *Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»*, устанавливается, что лица, выполняющие функции по управлению организацией и допустившие административные правонарушения в рамках своих полномочий, подлежат ответственности как **должностные лица**[3]**.** Среди оснований для дисквалификации указанных лиц можно выделить: нарушение трудового законодательства (ч. 2, 5, 7 ст. 5.27 КоАП РФ), порядка ведения предпринимательской деятельности (ст. 14.6 КоАП РФ, ч. 2 ст. 14.9 КоАП РФ), нарушения в области финансов, налогов и сборов (ч. 2. ст. 15.11, ст. 15.21, ч. 4 ст. 15.35 КоАП РФ), а также в области охраны собственности (ст. 7.23.3. КоАП РФ) и другие правонарушения, установленные КоАП РФ.

Несмотря на то, что «дисквалификация» является институтом **публичного права**, она также оказывает воздействие и на **частно-правовые** отношения. Как нами ранее отмечалось в публикациях,

---

[1] Каленский П. В. Дисквалификация как вид административного наказания: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.14. Ростов-на-Дону, 2005. С. 8.
[2] Гомонов С. А. Дисквалификация в административном праве // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 42.
[3] Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2009.

«в результате дисквалификации возникает необходимость досрочного прекращения трудового договора с руководителем организации (п. 8 ч. 1 ст. 83 ТК РФ). Кроме того, факт дисквалификации руководителя организации лишает его права на законное осуществление функций по управлению юридическим лицом, а заключённые им сделки могут быть оспорены в судебном порядке (п. 1 ст. 166 ГК РФ) *(см., напр.: Решение Арбитражного суда Ростовской области от 30.12.2008 года по делу № А53-12650/2008)*[1]. Дисквалификация руководителя может быть негативно воспринята контрагентами и инвесторами как сигнал о нестабильности внутри общества, что может привести к снижению доверия и отказу от дальнейшего сотрудничества, что, в свою очередь, отразится на финансовых показателях хозяйственного общества и его конкурентоспособности на рынке»[2]. Кроме того, дисквалификация руководителя хозяйственного общества нередко становится причиной внутренних конфликтов между его участниками, поскольку возникает необходимость в перераспределении управленческих полномочий. Исследование дисквалификации в частно-правовом аспекте обеспечит всестороннее понимание её влияния на внутренние корпоративные процессы, а также позволит оценить последствия её установления как для самого хозяйственного общества, так и для его участников и кредиторов.

В этой связи, можем говорить о том, что **в частно-правовом аспекте под** дисквалификацией следует понимать **меру правового воздействия** на правовой статус руководителей хозяйственных обществ, **предусматривающую** запрет занимать руководящие должности и иным образом участвовать в управлении деятельностью хозяйственных обществ, в течение установленного законом срока, **сопровождающуюся** прекращением

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Мельник Д. Э. Роль дисквалификации в установлении запрета на участие в управлении деятельностью корпорации // Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Челябинск, 15 ноября 2025 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2025. С. 125.

трудового договора, в связи наступлением обстоятельств, исключающих возможность занимать соответствующие должности в органах управления общества, а также **создающую** риск оспаривания совершённых от имени общества сделок, если они были заключены после вынесения судом постановления о дисквалификации руководителя. Подобное определение отражает влияние дисквалификации на *гражданско-правовые правоотношения*, путем предоставления возможности признания сделок, совершенных дисквалифицированным руководителем общества недействительными, *трудовые правоотношения*, посредством расторжения трудового договора с дисквалифицированным руководителем, и *корпоративные правоотношения*, через установление запрета на реализацию отдельных правомочий корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ.

Дисквалификация представляет собой инструмент публичного права, однако её правовые последствия **носят двойственный характер** (публично-правовой и частно-правовой). С одной стороны, она выступает видом административного наказания, выполняя карательную и превентивную функции по пресечению и предупреждению злоупотреблений при осуществлении управленческих функций, но с другой стороны, существенно влияет на правовой статус руководителей хозяйственных обществ, временно лишая их права занимать должности в органах управления хозяйственных обществ.

В результате дисквалификации лицо также теряет возможность входить в совет директоров (наблюдательный совет) юридических лиц, осуществлять предпринимательскую деятельность по их управлению, а также осуществлять управление юридическим лицом в иных случаях (*например*, быть доверительным управляющим долей в уставном капитале ООО), предусмотренных законодательством РФ (ст. 3.11 КоАП РФ). В настоящий момент в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект № 724347-8, о дополнении

ФЗ «Об АО» ст. 66[1] *«Выбывший член совета директоров (наблюдательного совета) общества»* и ст. 32 ФЗ «Об ООО» п. 2[3] и 2[4], согласно положениям которых «член совета директоров (наблюдательного совета) общества считается выбывшим и его полномочия прекращаются» в случае вступления в законную силу «…решения суда о назначении административного наказания в виде дисквалификации…»[1]. Однако, указанные последствия, в отличие от запрета занимать должности в исполнительном органе управления хозяйственных обществ, не создают столь значительных правовых последствий, в связи с тем, что, члены совета директоров не имеют полномочий единолично представлять интересы хозяйственных обществ во внешних отношениях, и, как следствие, не могут заключать от их имени сделки. Участие дисквалифицированного лица в совете директоров не способно напрямую повлиять на действительность гражданско-правовых сделок, в отличие от сделок, которые заключены дисквалифицированным директором, а утрата возможности входить в наблюдательный совет не «обезглавливает» хозяйственное общество. В этой связи, наибольшую практическую значимость для корпоративного управления представляет именно запрет на занятие должности единоличного исполнительного органа хозяйственных обществ. Указанный запрет непосредственно влияет на способность хозяйственных обществ осуществлять текущую хозяйственную деятельность и сопряжен с риском признания недействительными совершённых от их имени сделок.

Однако, несмотря на это, вопросу участия дисквалифицированного лица в совете директоров следует также уделить внимание. Хоть и последствия дисквалификации членов совета директоров и не столь катастрофичны для текущей деятельности, как дисквалификация единоличного исполнительного

[1] Законопроект № 724347-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 32 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/724347-8 (дата обращения: 05.08.2025).

органа, однако их потенциальное влияние на корпоративное управление и принятие стратегически важных для общества решений остается значительным. Совет директоров играет ключевую роль в определении вектора развития хозяйственных обществ, проведении годового и внеочередного заседаний общего собрания акционеров либо заочного голосования, утверждении повестки дня заседания или заочного голосования для принятия решений общим собранием акционеров и других полномочий (ст. 65 ФЗ «Об АО»). Участие в совете директоров дисквалифицированного лица, чья профессиональная репутация и добросовестность поставлены под сомнение судом, также может подорвать доверие акционеров, инвесторов и контрагентов, создать риски для принятия ключевых решений и нанести ущерб деловой репутации самого юридического лица.

Таким образом, можем констатировать, что дисквалификация по своей сути может касаться лишь некоторых составляющих право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ правомочий, среди которых следует выделить:

- выдвигать свою кандидатуру на руководящие должности органов управления хозяйственных обществ (единоличный исполнительный орган, совет директоров, ревизионную комиссию, счетную комиссию) (п. 8 ст. 69, ст. 53 ФЗ «Об АО», ст. 8, п. 2.1. ст. 36, ст. 40 ФЗ «Об ООО»;

- быть избранным / назначенным на руководящие должности органов управления хозяйственных обществ (совет директоров, ревизионную комиссию, счетную комиссию, единоличным исполнительным органом и др.) (ст. 66, 69 ФЗ «Об АО», ст. 40 ФЗ «Об ООО»);

Остальные же правомочия входящие в состав исследуемого права *(рассмотрено в § 1.2. настоящего диссертационного исследования)* могут быть реализованы, на них запрет на распространяется.

В этой связи, институт дисквалификации демонстрирует дифференцированный подход законодателя, выраженный в том, что в отношении участника (акционера) хозяйственного общества дисквалификация

устанавливает запрет на реализацию лишь отдельных управленческих правомочий, связанных с вхождением в состав органов управления общества. При этом ядро управленческих правомочий участника **как собственника** (правомочие голосовать при принятии общим собранием решений по вопросам, поставленным на голосование, правомочие требовать созыва внеочередного общего собрания участников хозяйственных обществ и др.) остается неприкосновенным. В отношении же лица, **выполняющего управленческие функции по трудовому договору**, правовая природа последствий дисквалификации несколько иная, и направлена не на запрет реализации отдельных правомочий права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, которым такое лицо не обладает, а на установление абсолютного препятствия (запрета) для возникновения самого трудового правоотношения.

Говоря о зарубежном опыте, можно отметить, что, например, в законодательстве Англии существует отдельный законодательный акт, «Закон о дисквалификации директоров компаний 1986 года» (*Company Directors Disqualification Act 1986)*[1], которым предусматривается применение дисквалификации, однако срок ее установления варьируется от 2 до 15 лет. В указанном законе четко определяется перечень субъектов, к которым применима дисквалификация: «зарегистрированный директор корпорации; фактический, номинальный или теневой директор; администратор, управляющий или иное лицо, которому формально поручено управление корпорацией или её имуществом; ликвидатор»[2]. Основанием же для установления дисквалификации по *Company Directors Disqualification Act 1986* может являться, непригодность к занимаемой должности, нарушение

[1]Company Directors Disqualification Act 1986 URL: https://en.wikisource.org/wiki/Company_Directors_Disqualification_Act_1986 (дата обращения: 23.07.2025).

[2] Дисквалификация Руководителя ООО по законодательству России, Великобритании и Германии URL: https://zakon.ru/blog/2017/02/09/diskvalifikaciya_rukovoditelya_ooo_po_zakonodatelstvu_rossii_velikobritanii_i_germanii (дата обращения: 23.07.2025).

условий конкуренции, участия в неправомерной коммерческой деятельности, а также совершение некоторых преступлений, например мошенничества, и другие случаи, установленные законом. По сравнению с законодательством Великобритании, российская правовая система предусматривает более узкий круг лиц, к которым может быть применена мера дисквалификации. Комплексный подход британского законодательства позволяет привлекать к ответственности не только официальных (формальных) руководителей, но и «теневых» директоров, которые фактически участвуют в управлении деятельностью хозяйственных обществ, что особенно важно для обеспечения и пресечения злоупотреблений, когда официальные директора выполняют лишь указания этих лиц, скрывая их реальное влияние на управленческие процессы, но при этом берут на себя всю ответственность. В Германии возможность дисквалификации устанавливается «Законом о совершенствовании права обществ с ограниченной ответственностью и устранении злоупотреблений» (Gesetz zur Modernisierung des GmbH-Rechts und zur Bekämpfung von Missbräuchen)[1], и носит наименование «Запрет на профессию» (Berufsverbot).

Переходя к анализу практических проблем в области установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленного в отношении дисквалифицированных лиц, рассмотрим вопрос о моменте утраты ими полномочий единоличного исполнительного органа общества. На сегодняшний день судебная практика и доктрина все еще не пришли к единому выводу по данному вопросу, и, как указывает О. В. Осипенко, дебатируются и, по сути, конкурируют **три основных подхода**, согласно которым, «дисквалифицированное лицо утрачивает принадлежащие ему управленческие полномочия с момента: 1) … вступления

[1] Gesetz zur Modernisierung des GmbH-Rechts und zur Bekämpfung von Missbräuchen // URL: http://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/Downloads/DE/Bibliothek/Gesetzesmaterialien/16_wp/gmbhmomig/bgbl108s2026.pdf;jsessionid=FFEFE39F3BD88EE3D5C7A0533F91C1B4.2_cid329?__blob=publicationFile (дата обращения 23.07.2025).

в законную силу судебного акта о дисквалификации; 2) …расторжения трудового договора между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом; 3) внесения соответствующих сведений в реестр дисквалифицированных лиц»[1].

Разберем каждый подход по отдельности. Представители *первого подхода* считают, что дисквалифицированное лицо утрачивает принадлежащее ему правомочие занимать управленческие должности в органах управления хозяйственных обществ с момента вступления в законную силу судебного акта о дисквалификации, независимо от того, были ли внесены изменения в кадровые документы и реестр дисквалифицированных лиц. Подобная позиция также была изложена и в *п. 20.4 Постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»,* в котором указано, что «решение о назначении административного наказания в виде дисквалификации считается приведенным в исполнение с момента его вступления в законную силу», а, следовательно, с этого же момента трудовой договор с руководителем организации «считается прекращенным и дисквалифицированное лицо не вправе в том числе осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом»[2]. Подобной позиции придерживается и Л. В. Куревина, по мнению которой после вступления судебного акта о дисквалификации в законную силу руководителю запрещается «…принимать решения и подписывать приказы по управлению организацией…», но при этом до увольнения все еще разрешено «…подписывать приказы о приеме на работу, увольнении и другие кадровые документы…»[3].

---

[1] Осипенко О. В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. М.: Статут, 2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Вестник ВАС РФ. № 8. 2004.

[3] Куревина Л. В. Вопрос-ответ // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2017. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В судебных актах последних лет *(см., напр.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.03.2025 № Ф08-12298/2024 по делу№ А53-22563/2024)*[1] прослеживается такая же логика: дисквалифицированное лицо должно лишаться права осуществлять деятельность по управлению юридическим лицом именно с момента вступления в законную силу постановления суда о дисквалификации, и с того же времени с ним должен расторгаться трудовой договор. Факт дисквалификации в данном случае подтверждается вступившим в законную силу постановлением суда, и для начала действия запрета не требуется каких-либо дополнительных действий со стороны органов управления юридического лица (кроме расторжения трудового договора) или органов государственной власти. Любые действия, осуществлённые дисквалифицированным лицом от имени хозяйственного общества после этой даты, могут быть признаны недействительными и рассматриваться как нарушение законодательства (14.23. КоАП РФ).

Представители *второго подхода* стоят на позиции того, что сама по себе дисквалификация «не влечет автоматическую утрату лицом управленческих функций, а действующее гражданское законодательство не содержит запрета на совершение сделок от имени юридического лица дисквалифицированным руководителем»[2]. Кроме того, дисквалификация руководителя не означает «утрату полномочий, возложенных на него трудовым договором. Данные полномочия прекращаются с момента прекращения трудового договора в

[1] См. также: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.03.2025 № Ф08-12298/2024 по делу № А53-22563/2024; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.07.2024 № Ф09-3605/24 по делу № А07-30806/2023; Определение Зуевского районного суда Кировской области от 05.03.2025 № 2а-2/33/2025 (УИД 43RS0013-02-2025-000010-48); Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 30.07.2024 № 33-4942/2024 (УИД 27RS0006-01-2024-000430-78). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Решение Советского районного суда города Краснодара от 15.02.2022 по делу № 2-3302/2022 (2-12245/2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

порядке, предусмотренном трудовым законодательство»[1]. До момента официального прекращения трудового договора, заключённого с дисквалифицированным лицом, последний продолжает оставаться формально уполномоченным представителем юридического лица. Следовательно, все действия, совершаемые таким лицом в рамках предоставленных ему полномочий, сохраняют юридическую силу, если иное не установлено судом или иными уполномоченными органами. Сторонники данного подхода обращают внимание на необходимость чёткого разграничения между самим фактом дисквалификации как видом административного наказания и юридическим прекращением трудовых и корпоративных полномочий, которое должно происходить в установленном законом порядке.

Представители *третьего подхода* утверждают, что дисквалифицированный руководитель хозяйственного общества полномочен исполнять возложенные на него обязанности до «внесения соответствующих сведений в реестр дисквалифицированных лиц» *(см., напр.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27.06.2013 № Ф03-2024/2013 по делу № А24-3718/2012)*[2]. Однако на наш взгляд подобный подход противоречит ст. 32.11 КоАП РФ, согласно которой наказание в виде дисквалификации подлежит исполнению с момента вступления постановления суда в законную силу (10 дней), а не с момента внесения сведений в реестр. Внесение в реестр следует рассматривать как информационно-учётную процедуру, а не юридический факт, определяющий момент начала действия административного наказания. Кроме того, внесение сведений о дисквалификации, согласно действующему законодательству, осуществляется

[1] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.10.2023 № Ф08-9451/2023 по делу № А32-51413/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». См. также: Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2024 № 18АП-5121/2024 по делу № А47-20140/2023; Решение Свердловского районного суда города Белгорода от 11.12.2024 № 12-268/2024; Постановление ФАС Поволжского округа от 10.08.2009 по делу № А57-598Б/06; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2014 № 17АП-10392/2014-ГК по делу № А71-2951/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не позднее трех рабочих дней со дня получения уполномоченным органом копии вступившего в силу постановления о дисквалификации либо судебного акта о пересмотре постановления о дисквалификации. Исполнение руководителем хозяйственного общества своих полномочий до момента внесения сведений о его дисквалификации в реестр дисквалифицированных лиц, по нашему мнению, противоречит интересам общества, в связи с тем, что в таком случае у дисквалифицированного директора есть как минимум 13 дней, в течение которых он продолжит осуществлять управленческие функции. Из указанного выше срока, 10 дней придётся на вступление постановления суда о дисквалификации в законную силу (ст. 30.3., 31.1. КоАП РФ), и 3 дня на внесение уполномоченным лицом сведений о дисквалификации в реестр дисквалифицированных лиц. При этом указанный срок является минимальным, поскольку на практике копия постановления суда, как правило, не поступает в уполномоченный орган в день его вынесения. Из чего следует, что срок внесения сведений о дисквалификации руководителя в реестр может существенно растянуться, что в свою очередь может повлечь негативные последствия для хозяйственных обществ, выраженные в риске оспаривания сделок, заключённых дисквалифицированным руководителем, причинении имущественного вреда в результате принятия ошибочных или заведомо недобросовестных управленческих решений, а также утрате доверия со стороны контрагентов общества.

Наиболее логичным, на наш взгляд, представляется *первый подход*, согласно которому, руководитель лишается возможности участвовать в управлении деятельностью хозяйственных обществ с момента вступления постановления о дисквалификации в законную силу. Следует считать, что именно с этого момента возникают юридические последствия, препятствующие дальнейшему исполнению обязанностей по трудовому договору, заключённому в связи с осуществлением функций единоличного исполнительного органа. Однако даже при таком подходе для хозяйственных

обществ существуют определённые риски, связанные с тем, что в течение 10-дневного срока до вступления постановления о дисквалификации в законную силу (в соответствии со статьями 30.3 и 31.1 КоАП РФ) руководитель **сохраняет возможность осуществлять возложенные на него полномочия единоличного исполнительного органа**, а, следовательно, может принимать ключевые управленческие решения, заключать сделки и иным образом влиять на деятельность хозяйственного общества. Кроме того, в случае обжалования постановления о дисквалификации, данный срок может увеличиться **до двух месяцев** (ст. 30. 5 КоАП РФ), и при этом руководитель всё еще не утратит свои полномочия. Указанные обстоятельства могут побудить руководителя принимать решения, не соответствующие интересам хозяйственного общества, заключать сделки, которые в будущем могут быть оспорены, а также совершать иные недобросовестные действия, способные повлечь за собой финансовые потери, утрату обществом деловой репутации и снижение доверия со стороны инвесторов и контрагентов. Сохраняющаяся возможность руководителя влиять на управление хозяйственным обществом до момента вступления постановления в законную силу снижает эффективность института дисквалификации как меры превентивного характера и ставит под сомнение своевременность защиты корпоративных интересов. Кроме того, обжалование постановления о дисквалификации может использоваться исключительно с целью затягивания процедуры увольнения и прекращения полномочий, без намерения добросовестно защищать свои права по существу. Подача формальных жалоб позволяет сохранить полномочия на весь срок судебного разбирательства.

Представленные выше обстоятельства свидетельствуют о необходимости разработки и внедрения дополнительных механизмов, обеспечивающих приостановление полномочий руководителя уже **с момента вынесения постановления о дисквалификации**, но с возможностью их последующего восстановления в случае отмены указанного постановления, что позволит минимизировать риски совершения дисквалифицированным

лицом действий, противоречащих интересам хозяйственных обществ. Отсутствие в российском законодательстве механизма приостановления полномочий руководителя хозяйственного общества в период между вынесением постановления о его дисквалификации и вступлением его в законную силу, представляет собой существенный пробел, порождающий правовую неопределённость и создающий риски для эффективного корпоративного управления. В такой ситуации хозяйственные общества оказываются в затруднительном положении, так как не имеют законных оснований по лишению управленческих полномочий руководителя, в отношении которого доказан факт совершения правонарушения, либо иных неправомерных действий, что ставит под угрозу их законные интересы, деловую репутацию, а также эффективность корпоративного управления.

Предлагается предусматривать в уставах хозяйственных обществ (как в АО, так и ООО) условие, позволяющее общему собранию либо совету директоров, если данное полномочие уставом отнесено к его компетенции (п. 4 и 6 ст. 69 ФЗ «Об АО», ст. 32 и п. 1 ст. 40 ФЗ «Об ООО»), в случае вынесения постановления о дисквалификации единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, предусматривать **возможность принятия решения о приостановлении полномочий единоличного исполнительного органа общества и образовании временного единоличного исполнительного органа** (директора, генерального директора), который будет исполнять полномочия по управлению текущей деятельностью общества (абз. 6 п. 4 ст. 69 ФЗ «Об АО») с момента вынесения судебного постановления о дисквалификации, и до его вступления в законную силу либо отмены в судебном порядке в результате обжалования. Решение о проведении внеочередного заседания или заочного голосования для принятия общим собранием акционеров решений по вопросам о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа общества (директора, генерального директора) (управляющего) и об образовании нового единоличного исполнительного органа общества (директора, генерального

директора) (абз. 3 п. 4 ст. 69 ФЗ «Об АО») в данном случае должно приниматься с момента вступления постановления о дисквалификации в законную силу. В иных же случаях приостановленные полномочия единоличного исполнительного органа должны быть восстановлены.

При этом важно не путать институты «отстранения» от должности и «приостановление» полномочий, которые по своей правовой природе являются различными институтами. Порядок отстранения от должности директора (любого работника) урегулирован ст. 76 ТК РФ, а порядок приостановления полномочий директора урегулирован ст. 69 ФЗ «Об АО». Как справедливо указывает В. Алистархов, «понятия «отстранение от должности работника» и «приостановление полномочий генерального директора...» имеют разную юридическую природу»[1]. Подобное разграничение выше указанных понятий можем увидеть и в материалах судебной практики, в которых указано, что «приостановление полномочий генерального директора является решением уполномоченного органа о досрочном временном лишении единоличного исполнительного органа юридического лица предусмотренных законом и уставом правовых возможностей по управлению и представлению хозяйственного общества в гражданском обороте. Поэтому фактически в период приостановления генеральный директор свою трудовую функцию не исполняет и находится в **простое**» *(см., напр.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 09.04.2025 № 33-5607/2025 (УИД 03RS0003-01-2024-010910-49)*[2]*.* Схожей точки зрения придерживается О. В. Осипенко, отмечая, что подобный «…подход может служить определенным регулятивным

[1] Алистархов В. Разная правовая природа понятий «отстранение от должности» и «приостановление полномочий» руководителя // Трудовое право. 2014. № 6. С. 36.

[2] См. также: Решение Кировского районного суда города Уфы от 29.11.2024 № 2-10296/2024 (УИД 03RS0003-01-2024-010910-49); Апелляционное определение Ростовского областного суда от 18.01.2024 по делу № 33-1090/2024; Решение Пролетарского районного суда города Ростова-на-Дону от 05.09.2023 по делу № 2-3454/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ориентиром при формировании сбалансированной правовой позиции по поставленному выше вопросу»[1].

В течение всего срока приостановления полномочий единоличного исполнительного органа, т. е. до тех пор, пока постановление о дисквалификации не вступит в законную силу или не будет отменено в установленном законом порядке, **управлять хозяйственным обществом будет временный единоличный исполнительный орган.** В случае же отмены постановления о дисквалификации, полномочия руководителя восстанавливаются, путем издания акта уполномоченным органом управления хозяйственного общества, а в случае, если постановление о дисквалификации вступает в силу, то руководитель немедленно освобождается от должности путём расторжения с ним трудового договора (пп. 8 п. 1 ст. 83 ТК РФ), а совет директоров (п. 1 ст. 35 ФЗ «Об ООО») принимает решение о проведении внеочередного заседания или заочного голосования для принятия общим собранием акционеров решений по вопросам о досрочном прекращении полномочий единоличного исполнительного органа общества (директора, генерального директора) или управляющей организации (управляющего) и об образовании нового единоличного исполнительного органа общества (директора, генерального директора) (абз. 3 п. 4 ст. 69 ФЗ «Об АО»).

На период срока приостановления полномочий по управлению хозяйственным обществом за руководителем сохраняется статус работника и, следовательно, продолжаются трудовые отношения, основанные на заключённом с ним трудовом договоре. Кроме того, за указанным лицом сохраняется право на получение заработной платы в размере, установленном ч. 2 ст. 157 ТК РФ, который должен быть *не менее двух третей тарифной ставки, оклада (должностного оклада), рассчитанных пропорционально времени простоя*. Отсюда следует, что механизм временного приостановления полномочий единоличного исполнительного органа направлен исключительно

[1] Осипенко О. В. Управление акционерным обществом в условиях реформы корпоративного права. М.: Статут, 2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

на обеспечение стабильности корпоративного управления, и не влечёт автоматического прекращения трудовых отношений до вступления соответствующего судебного постановления в законную силу. Расходы же на выплату заработной платы руководителю, полномочия которого приостановлены, являются оправданными и несоизмеримо ниже возможных убытков, которые могли бы возникнуть в результате продолжения исполнения им управленческих функций.

Кроме того, в целях минимизации рисков для хозяйственных обществ необходимо предусмотреть механизм, который позволял бы исключить право голоса для члена совета директоров (на заседаниях членов совета), в отношении которого вынесено, но не вступило в законную силу постановление о его дисквалификации. В этой связи в Уставе или Положении о совете директоров **предлагается** устанавливать условие, согласно которому «член совета директоров, в отношении которого было вынесено постановление о дисквалификации, **обязан воздержаться от участия в обсуждении и голосовании** по всем вопросам повестки дня заседания совета директоров или заочного голосования до момента вступления постановления в законную силу (или его отмены)». Определение кворума при голосовании в таком случае будет определяться в соответствии с п. 2 ст. 68 ФЗ «Об АО», абз. 3 п. 3.1. ст. 32 ФЗ «Об ООО», и должен составлять не менее половины от числа избранных членов совета директоров (наблюдательного совета) общества». Приостановка же полномочий члена совета директоров АО в данном случае невозможна в силу того, что ФЗ «Об АО» не предусматривает такой промежуточной меры для членов совета директоров, а допускает лишь досрочное прекращение полномочий **всех** членов совета директоров (абз. 3 п. 1 ст. 66 ФЗ «Об АО»). В п. 2 ст. 32 ФЗ «Об ООО» порядок прекращения полномочий членов совета директоров общества определяются уставом общества, и в этой связи полагаем, что в уставах ООО возможно предусмотреть процедуру временного приостановления полномочий конкретного члена совета директоров.

В случае, если постановление о дисквалификации члена совета директоров вступит в силу, то, дисквалифицированный член совета директоров будет считать выбывшим. Например, как указывается в Положении о совете директоров ПАО «Южно-уральский никелевый комбинат» (ПАО «Комбинат Южуралникель)[1] и Положения о совете директоров АО «Группа Позитив» (АО «Группа Позитив»):

«*…в случаях, когда в соответствии с законом или уставом общества решение принимается большинством в три четверти голосов или единогласно всеми членами совета директоров без учета голосов выбывших членов совета директоров, под выбывшими членами совета директоров понимаются:*

…- лица, полномочия которых в должности членов совета директоров прекращены или приостановлены ***вступившими в законную силу решениями суда*** *(правоохранительных органов)»*[2].

В ПАО вопрос замены выбывшего члена совета директоров решается на основании п. 2 ст. 68 ФЗ «Об АО», согласно которому, если количество членов совета директоров (наблюдательного совета) общества становится менее количества, составляющего указанный кворум, совет директоров (наблюдательный совет) общества обязан принять решение о проведении внеочередного заседания общего собрания акционеров для избрания нового состава совета директоров (наблюдательного совета) общества. Для замены же выбывшего члена совета директоров в НПАО и ООО предлагается применять процедуру, предложенную Минэкономразвития России, в соответствии с которой «уставом общества может быть установлено автоматическое замещение выбывших членов совета директоров (наблюдательного совета)

[1] Положение о совете директоров публичного акционерного общества «Южно-уральский никелевый комбинат» (ПАО «Комбинат Южуралникель URL: https://unickel.ru/upload/iblock/d1d/1sczp08c62vdmsna9w8vkpas5wcdqfrv.pdf (дата обращения 22.01.2026).

[2] Положение о совете директоров Акционерного общества «Группа Позитив» URL: https://group.ptsecurity.com/storage/documents/corporate/board_directors.pdf (дата обращения 22.01.2026).

общества лицами, набравшими наибольшее число голосов и включенными в резервный список совета директоров (наблюдательного совета) общества, или в ином порядке с согласия такого лица без решения совета директоров (наблюдательного совета) общества»[1].

Указанная проблема не является единственной в области установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в связи с дисквалификацией. Среди других назревших болевых вопросов можно выделить вопрос о возможности оспаривания сделок заключенных от имени хозяйственных обществ дисквалифицированным руководителем. Судебная практика по данному вопросу является весьма противоречивой, и не имеет однозначного подхода. Как указывает В. А. Корнеев, в ситуации, когда «отстраненный директор продолжает заключать сделки от имени юридического лица, судебная практика, как правило, придерживается подхода о ничтожности сделок»[2]. В этой связи, справедливым является мнение Г. А. Соловьева, согласно которому, чтобы избежать риска признания сделки заключенной руководителем недействительной, «при приеме на работу необходимо проверять его по реестру дисквалифицированных лиц, а при наличии решения суда о дисквалификации - не затягивать расторжение трудового договора»[3]. Однако, как нами было ранее отмечено в своих публикациях, «…обществом не всегда запрашиваются сведения о привлечении предполагаемого кандидата на должность руководителя хозяйственного

[1]Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 04/13/06-23/00139357) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.06.2023) URL: https://regulation.gov.ru/projects/139357/ (дата обращения 22.01.2026).

[2] Интервью: Проблемы исполнения административных наказаний («ЭЖ-Юрист». 2006. № 46) URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=15144&cacheid=70B7FEBA9D60E45D9B38CF3151BE2D5B&mode=splus&rnd=NA8jBQ#Y6QIRsUaOadspdmc (дата обращения 30.07.2025).

[3] Соловьева Г. А. Дисквалификация: правовые основания // Отдел кадров бюджетного учреждения. 2010. № 6. С. 25.

общества к уголовной или административной ответственности, которые также будут являться препятствием для занятия указанной должности»[1].

Так, согласно одной из позиций судебных органов, «применение административного наказания в виде дисквалификации не влечет автоматическую утрату лицом управленческих функций. Действующее гражданское законодательство не содержит запрета на совершение сделок от имени юридического лица дисквалифицированным руководителем»[2]. Суды подчёркивают, что дисквалификация представляет собой административное наказание, направленное на запрет занимать определённые должности в течение установленного срока, но не аннулирует юридически выданные ранее полномочия и не препятствует совершению юридически значимых действий до момента прекращения полномочий путем расторжения трудового договора *(см., напр.: Решение Арбитражного суда Челябинской области от 17.01.2025 по делу № А76-27192/2024 в котором был указано, что «заключение договора цессии дисквалифицированным руководителем не свидетельствуют ни о ничтожности, ни о незаключенности этой сделки»)*[3].

Как указывает М. Г. Суховская, если дисквалифицированный руководитель «заключит какой-нибудь договор от имени фирмы, его нельзя будет признать недействительным на основании того, что руководитель как орган юрлица превысил свои полномочия»[4], а договор будет считаться

---

[1] Голубева Т. Ю., Мельник Д. Э. Некоторые особенности правового регулирования труда единоличного исполнительного органа юридического лица // Гражданское право. 2023. № 5. С. 7.

[2] Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 09.04.2013 по делу № А27-12494/2012 См. также: Решение Советского районного суда города Краснодара от 15.02.2022 по делу № 2-3302/2022(2-12245/2021); Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2019 № 17АП-16710/2017-АК по делу № А60-28219/2017; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2008 № 07АП-5546/08 по делу № А45-5208/2008-31/52. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] См. также: Определение ВАС РФ от 25.12.2013 № ВАС-17250/13 по делу № А27-12494/2012; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.10.2023 № Ф08-9451/2023 по делу № А32-51413/2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Суховская М. Г. Если директора ООО дисквалифицировали // Главная книга. 2012. № 14. С. 65.

заключенным от имени и в интересах дисквалифицированного директора только если корпоративная организация потом не одобрит эту сделку (ст. 183 ГК РФ, п. п. 1, 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 23.10.2000 № 57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации»)[1]. Например, в *Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.04.2023 № Ф04-1990/2021 по делу № А70-13003/2020* указывается, что сделки (договоры купли-продажи) совершенные дисквалифицированным руководителем *«….после их совершения были одобрены ответчиком посредством передачи истцу приобретенного автомобиля и дополнительного оборудования, что свидетельствует о том, что ответчик принял на себя права и обязанности продавца, с момента заключения договора»*[2], и в этой связи указанная сделка не может быть признана недействительной.

Согласно же другой позиции, как указывает В. В. Кузнецова, «юридические действия, совершенные руководителем в период дисквалификации, могут быть признаны недействительными в силу ничтожности»[3]. Подобного же мнения придерживается и М. Скудутис, которая указывает на то, что «сделки, заключенные таким руководителем, будут признаны недействительными»[4]. Так, например, *Решением Арбитражного суда Ростовской области от 30.12.2008 по делу № А53-12650/2008-С3-15*[5], сделка купли-продажи здания была признана недействительной на основании ст. 168 ГК РФ, поскольку договор был подписан лицом, действовавшим на основании доверенности, выданной ранее дисквалифицированным руководителем, на момент выдачи доверенности утратившим управленческие полномочия. Как указывается в Комментарии к Федеральному закону

[1] Вестник ВАС РФ. № 12. 2000.
[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Кузнецова В. В. Труд руководителя организации. Правовое регулирование: монография / отв. ред. Ю.П. Орловский. М.: КОНТРАКТ, 2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[4] Скудутис М. Особенности отношений с некоторыми работниками // Кадровый вопрос: электрон. журн. 2011. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[5] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» «ситуация при которой хозяйственные договоры компании подписаны дисквалифицированным лицом, может привести к оспариванию таких сделок на основании их недействительности (ничтожности), поскольку они совершаются лицом, не уполномоченным совершать такого рода действия»[1].

По-нашему мнению, в ситуации заключения сделки дисквалифицированным лицом следует исходить из положения п. 1 ст. 183 ГК РФ, согласно которому, «*сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, если только другое лицо (представляемый) впоследствии не одобрит данную сделку*». Если сделка была совершена в интересах хозяйственного общества и принесла ему реальную экономическую выгоду, а контрагент действовал добросовестно и не мог знать о нарушении полномочий и дисквалификации руководителя общества, то признание такой сделки недействительной может противоречить принципам добросовестности и стабильности гражданского оборота (ст. 53.1 ГК РФ). Кроме того, в случае, если хозяйственное общество фактически приняло исполнение по сделке, пользовалось её результатами или одобрило действия лица, её заключившего, то в таком случае, следует рассматривать возможность признания сделки действительной, несмотря на формальные нарушения. Однако, чтобы не допустить риска оспаривания и неясности дальнейшей судьбы заключенных сделок, необходимо до момента вступления постановления о дисквалификации в законную силу либо до его отмены в судебном порядке, применять механизм временного приостановления полномочий единоличного исполнительного органа и передавать их другому уполномоченному лицу, не подвергнутому дисквалификации.

[1] Малумов А. Ю., Шевцов П. А. Комментарий к Федеральному закону от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (постатейный). М.: Деловой двор, 2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, рассмотрев дисквалификацию как основание установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, можем сказать, что её применение обусловлено совершением руководителями хозяйственных обществ тех или иных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ. Дисквалификация служит важным механизмом обеспечения добросовестности и законности в корпоративном управлении, снижая риски злоупотреблений и защищая интересы хозяйственных обществ, их участников и контрагентов. Установлено, что вопреки тому, что институт дисквалификации является публично-правовым, он, несомненно, оказывает воздействие и на частно-правовые отношения в части возможности признания сделок недействительными и определения момента утраты дисквалифицированным лицом своих полномочий (расторжения трудового договора). Нами предлагается механизм приостановки полномочий единоличного исполнительного органа с образованием временного единоличного исполнительного органа общества, который обеспечит стабильность и эффективность корпоративного управления в период между вынесением постановления о дисквалификации и его вступлением в законную силу. Что же касается сделок заключенных руководителем организации в период его дисквалификации, то здесь следует исходить из того, что если юридическое лицо фактически приняло исполнение по сделке, пользовалось её результатами или одобрило действия лица, её заключившего, то в таком случае нелогично рассматривать возможность признания такой сделки недействительной, даже несмотря на формальные нарушения.

2.3 Законодательный запрет на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ

Последним из исследуемых в рамках настоящей главы законодательным запретом, обусловленным правовым статусом физического лица, является

запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, установленный в отношении государственных гражданских служащих. Несмотря на то, что указанный запрет, также как и дисквалификация, носит публично-правовой характер, в нем несомненно прослеживаются и частно-правовые начала, например, связанные с механизмом реализации государственными гражданскими служащими корпоративных прав, принадлежащих им в силу владения акциями, в том числе в случае, когда такие акции или доли уставного капитала хозяйственных обществ перешли к ним по наследству либо были приобретены на иных законных основаниях. Интересным представляется и вопрос о юридической силе решения, принятого общим собранием акционеров либо иным органом управления хозяйственных обществ при условии участия государственного гражданского служащего в голосовании по его принятию. В данном контексте нас интересует ни сколько ответственность государственного гражданского служащего, установленная специальным законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами, а правомочность принимаемых с его участием решений, а также возможность их дальнейшего оспаривания.

Дискуссионными также представляется вопрос о возможности получения вознаграждения за участие в органе управления юридического лица за период до назначения на должность государственной гражданской службы, вопросы, ответственности юридического лица за допуск лица, обладающего статусом государственного гражданского служащего к участию в органах управления, а также иные вопросы, возникающие в области корпоративного управления и контроля. Обозначенные выше вопросы возникают в сфере гражданско-правовых и корпоративных правоотношений, в этой связи могут быть урегулированы исключительно нормами гражданского и корпоративного законодательства, но с учетом некоторых особенностей, установленных в законодательстве о государственной гражданской службе. Исследуемые вопросы отражают многогранность и комплексность правового регулирования участия государственных гражданских служащих в корпоративном

управлении, где балансируются публично-правовые запреты и частно-правовые механизмы защиты интересов хозяйственных обществ, их участников и кредиторов.

Исследование запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в подобном аспекте целесообразно начать с определения субъектного состава, на который он распространяется. Так, среди субъектов, в отношении которых может быть установлен исследуемый запрет, можно выделить: государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, сотрудников Следственного комитета и прокуратуры Российской Федерации, депутатов Государственной Думы и сенаторов Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации и других лиц, подробный перечень которых нами раскрывался в § 1.3. настоящего диссертационного исследования. В рамках настоящего параграфа считаем целесообразным сосредоточиться на установлении правовой природы исследуемого запрета на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ, целях его установления, механизмах реализации, правовых последствиях его нарушения, а также иных проблемных вопросах.

Исследуемый запрет носит смешанный характер и направлен на обеспечение и **защиту как публичных, так и частных интересов**. Обеспечение и защита **публичных интересов** достигается путем предотвращения возникновения конфликта интересов, в том числе путём исключения возможности использования должностного положения в целях оказания влияния на принятие управленческих решений хозяйственных обществ для получения личной имущественной и иной выгоды, а также обеспечения объективности и добросовестности исполнения служащими своих обязанностей. Запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ государственных гражданских служащих направлен прежде всего на защиту интересов общества и государства, которые выражаются в необходимости обеспечения прозрачности, подотчетности и

беспристрастности деятельности органов публичной власти. Реализация публичной функции предполагает отказ государственными служащими от реализации отдельных гражданских прав в целях сохранения доверия к государственной службе и исключения любых сомнений в объективности и независимости служащего. В данном контексте исследуемый запрет рассматривается не только как инструмент поддержания высокого уровня профессиональной этики и правовой культуры в системе государственной гражданской службы, но и как средство повышения эффективности государственного управления и укрепления основ правового государства.

Защита интересов хозяйственных обществ, их участников и кредиторов (**частных интересов)** посредством установления запрета на участие государственных гражданских служащих в управлении их деятельностью проявляется в том, что в таком случае исключается возможность возникновения ситуации, при которой государственный гражданский служащий, обладая административным ресурсом и (или) значительным количеством акций (доли) уставного капитала хозяйственного общества, может принимать решения не в интересах хозяйственного общества и его участников, а в своих личных интересах, либо в интересах близких ему лиц, а также использовать служебное положение в ущерб конкурентам, что нарушает принципы добросовестности и равенства участников гражданского оборота. Допуск государственного служащего к участию в правлении деятельностью хозяйственных обществ может повлечь принятие решений, не соответствующих целям деятельности общества, а также привести к финансовым потерям и снизить эффективность корпоративного управления. Отсюда следует, что устранение влияния государственных служащих на корпоративное управление способствует принятию решений в интересах всех участников хозяйственных обществ, а также обеспечивает их равенство и предотвращает возможность злоупотреблений корпоративными правами. В этой связи, **цель** установления запрета государственным гражданским служащим участвовать в управлении деятельностью хозяйственных обществ

видится в обеспечении **баланса между публичными и частными интересами**, который достигается посредством предотвращения возникновения конфликта интересов и злоупотребления должностным положением в процессе корпоративного управления, чем гарантируется его независимость и эффективность.

В целях более глубокого понимания правовой природы, значения, выявления причин и условий появления в российском законодательстве запрета на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ необходимо обратиться к истории его становления и развития. Исторический анализ позволит проследить, как формировались подходы к запрету совмещения государственной службы с участием в деятельности коммерческих организаций и какие факторы способствовали нормативному оформлению данного запрета. Институт государственной службы Российского государства присутствовал на всех этапах его существования, начиная с периода Древнерусского государства, феодальной раздробленности, Смутного времени, периода правления Петра I, эпохи «Просвещённого абсолютизма», Советского государства и т. д., и заканчивая современным институтом государственной службы Российской Федерации. Следует отметить, что институт государственной службы присутствует и функционирует во всех государствах мира, независимо от формы государственного устройства, формы правления, политического режима. Даже в монархических странах, где вся власть в государстве формально принадлежит монарху, существуют государственные служащие, которые управляют делами государства по поручению монарха, точно следуя его указаниям. В демократическом же государстве, где полнота всей власти принадлежит народу, институт государственной службы более развит, что проявляется в большом количестве государственных служащих, занимающих должности государственной службы во всех сферах государственный власти, что связано с необходимостью реализации сложных и масштабных

социальных, экономических, правовых и иных программ, инициируемых и контролируемых обществом через выборные органы.

Исторически запрет на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ формировался как ответ на необходимость обеспечения нейтральности и независимости государственной службы, исключения конфликта интересов и недопущения использования должностного положения в целях личного обогащения. Однако, несмотря на долгое существование института государственной службы, «высокие требования к государственным служащим как с профессиональной, так и с нравственной точек зрения»[1], законодательно закреплённый запрет на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ появился сравнительно недавно. Это связано с тем, что в условиях существовавшей на тот момент плановой экономики, границ между государством и хозяйствующими субъектами практически не существовало, что делало запрет формально избыточным и не имеющим смысла. С переходом к рыночной экономике появилась объективная необходимость в нормативном разграничении функций государственной службы и предпринимательской деятельности, в связи с тем, что наличие у государственных служащих управленческих полномочий создавало риски их использования в корыстных целях, что могло привести к нарушению принципов добросовестной конкуренции, ущемлению прав других участников корпоративных правоотношений и подрыву доверия к институтам государственной власти.

До 2004 года законодательство Российской Федерации не содержало конкретного запрета на участие государственных служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ, однако с вступлением в силу Закона о государственной гражданской службе, в ч. 1 п. 1 ст. 17 появилось положение запрещающее участвовать на платной основе в деятельности

[1] Киселёв С. Г. Указ. соч. С. 61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-gosudarstvennogo-grazhdanskogo-sluzhaschego (дата обращения: 27.05.2025).

органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных федеральным законом». Далее, Федеральным закон от 22.12.2014 № 431-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции»[1] ч. 1 п. 1 ст. 17 Закона о государственной гражданской службе была признана утратившей силу, но вместо нее было введено положение ч. 1 п. 3 ст. 17 исследуемого Федерального закона, согласно которому государственному служащему запрещалось заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, а также участвовать в управлении хозяйствующим субъектом. Далее Федеральным законом от 03.04.2017 № 64-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции»[2] в отношении государственных служащих был введен запрет на участие в управлении не только коммерческих организаций, но также и любых **некоммерческих организаций**, за исключение случаев, установленных в ч. 1 п. 3 ст. 17, перечень которых в дальнейшем был расширен в Федеральных законах от 03.04.2017 № 64-ФЗ, от 03.08.2018 № 307-ФЗ[3], от 30.10.2018 № 382-ФЗ[4]. Подобные изменения стали новшеством для законодательства, так как с 2007 года по 2017 год, государственным служащим запрещалось занимать должности лишь в «органах **иностранных некоммерческих неправительственных организаций** и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений»[5].

[1] Российская газета. № 293. 2014.
[2] Российская газета. № 71. 2017.
[3] Федеральный закон от 03.08.2018 № 307-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» // Российская газета. № 170. 2018.
[4] Федеральный закон от 30.10.2018 № 382-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 247. 2018.
[5] Российская газета. № 46. 2007.

Последние же изменения в исследуемой ст. 17 Закона о государственной гражданской службе в части запрета государственным служащим участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией были внесены Федеральным законом от 16.12.2019 № 432-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции»[1].

Таким образом, исходя из проведенного анализа изменений вышеуказанной нормы Закона о государственной гражданской службе, устанавливающей запрет на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью корпораций, можем отметить, что до 2017 года, государственные служащие могли свободно замещать должности в органах управления любых некоммерческих организаций, кроме иностранных. Однако, с 2017 года несмотря на отсутствие у некоммерческих организаций цели извлечения прибыли, участие государственных гражданских служащих в управлении их деятельностью стало подлежать законодательному запрету, в связи с тем, что в **публично-правовом** аспекте такое участие могло привести к конфликту интересов, в то время как в **частно-правовом аспекте** факт участия государственного служащего в органах управления некоммерческих организаций может повлечь нарушение принципа независимости корпоративного управления. Кроме того, совмещение служебных обязанностей, связанных с замещение должностей государственной гражданской службы с участием в органах управления некоммерческих организаций создаёт риск возникновения неравенства участников гражданского оборота (п. 1 ст. 1 ГК РФ), ставя организацию, связанную с государственным служащим, в заведомо более выгодное положение по сравнению с другими субъектами.

[1] Российская газета. № 286. 2019.

Некоторые положения, устанавливающие для государственных гражданских служащих запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, содержатся и в ст. 8 «Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН), ратифицированной Федеральным закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции»[1], в которой указано, что каждое государство в соответствии с нормами своего внутреннего законодательства стремится установить системы, обязывающие публичных должностных лиц предоставлять информацию «…о внеслужебной деятельности, занятиях, инвестициях, активах и о существенных дарах или выгодах…»[2]. Схожие положения можно обнаружить и в «Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию» (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999), которая в последствии была денонсирована Федеральным законом от 28.02.2023 № 42-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию»[3]. Кроме того, в «Международном кодексе поведения государственных должностных лиц» (Принят 12.12.1996 Резолюцией 51/59 на 82-ом пленарном заседании 51-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН), указано, что государственные должностные лица «…не участвуют ни в каких сделках, не занимают никакого положения, не выполняют никаких функций и не имеют никаких финансовых, коммерческих или иных аналогичных интересов…»[4].

Далее перейдём к теоретическому исследованию вопроса об установлении законодательного запрета на участие государственных

[1] Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.
[2] Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
[3] Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1565.
[4] Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (Принят 12.12.1996 Резолюцией 51/59 на 82-ом пленарном заседании 51-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ, что необходимо для наиболее точного понимания его правовой природы, установления значения для эффективности корпоративного управления, а также обеспечения баланса между публичными и частными интересами. Как указывает С. П. Гришаев, «гражданским служащим запрещено участвовать на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией, за исключением случаев, установленных федеральным законом»[1]. Как считает А. С. Сергеева, установление подобного запрета на участие государственных служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ связано с целью законодателя «избежать ситуации, при которой индивид, относящийся одновременно к двум или нескольким системам, будет вынужден отдавать предпочтение интересам одной в ущерб интересов другой, что может спровоцировать существенное нарушение охраняемых законом прав»[2].

С. Г. Киселёв обращает внимание на то, что подобного рода запрет «по замыслу законодателя должен способствовать повышению компетенции и профессионализма государственных служащих, ответственности за выполнение служебно-государственных обязанностей, нейтральности, беспристрастности и бескорыстию при осуществлении полномочий, возложенных на них российским народом»[3]. Установление запрета для государственных служащих участвовать в управлении деятельностью хозяйственных обществ направлено на поддержание общественного доверия к институту государственной службы, предполагающему беспристрастность и приоритет служения публичному интересу. Участие государственных

---

[1] Гришаев С. П. Эволюция законодательства о юридических лицах, 2015. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/57473566/ (дата обращения 18.11.2025).

[2] Сергеев А. С. Человекоразмерные системы. Проблемы развития, функционирования, взаимодействия // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Киселёв С. Г. Правовой статус государственного гражданского служащего // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 2. С. 65. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-gosudarstvennogo-grazhdanskogo-sluzhaschego (дата обращения: 02.06.2025).

служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ, основанных на частных интересах, может вызывать обоснованные сомнения в их объективности и добросовестности, поэтому исследуемый запрет призван исключить потенциальный конфликт интересов, возникающий между служебными обязанностями государственного служащего и его личной заинтересованностью в деятельности хозяйственных обществ. Кроме того, запрет играет важную роль в обеспечении автономии корпоративной воли, недопущении внешнего вмешательства в частно-правовые механизмы управления хозяйственным обществом, защиту его имущественных интересов и свободу формирования управленческих решений без риска влияния со стороны носителей публичной власти в лице государственных служащих.

В п. 3.1. ст. 17 Закона о государственной гражданской службе содержится положение, согласно которому государственный служащий, завершивший свою карьеру, не может без согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов замещать на условиях трудового договора должности в организации и (или) выполнять в данной организации работу (оказывать данной организации услуги) на условиях гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) в случаях, предусмотренных федеральными законами, если отдельные функции государственного управления данной организацией входили в должностные (служебные) обязанности гражданского служащего. В научной литературе К. В. Черкасов предлагает «пойти еще дальше» и на законодательном уровне предусмотреть «…запрет в течение двух лет со дня прекращения служебных отношений на учредительство коммерческих организаций и осуществление предпринимательской деятельности при разрешении государственными органами конкретных проблем, которые относились к должностным обязанностям госслужащего в течение года, предшествовавшего прекращению его службы…, а также запрет на использование информации, ставшей ему

доступной в связи с замещением должности в государственном органе»[1], который будет действовать в отношении бывших государственных гражданских служащих, замещавших должности федеральной государственной (гражданской) службы категории «руководитель».

Предложенная мера на наш взгляд является весьма оправданной, в связи с тем, что обеспечивает возможность устранить правовые пробелы, не охватываемые действующим законодательством РФ, а также позволяет минимизировать риски недобросовестного использования бывшими государственными служащими служебного положения для получения выгоды при управлении корпоративными организациями или предпринимательской деятельности, тем самым предотвращает нарушение принципа равенства участников (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Однако в данном случае следует учитывать, что введение подобного рода запрета затрагивает конституционно гарантированные права, в частности право на свободу предпринимательской деятельности, и в этой связи такой запрет не должен носить чрезмерно репрессивный характер и препятствовать реализации законных прав и свобод лица после завершения государственной службы.

Аналогичный предложенному К. В. Черкасовым запрет существует в законодательстве Китайской Народной Республики, где в ст. 102 Закона Китайской Народной Республики о государственной службе (Принят на 15-м заседании ПК Всекитайского Собрания народных представителей 10-го созыва от 27 апреля 2005 года), указано, что «госслужащим, работавшим руководителями, в течение 3 лет после отставки или ухода на пенсию, а другим госслужащим на протяжении 2 лет запрещается работать на предприятиях или в других коммерческих организациях, имеющих непосредственные связи с их прежней должностью, **запрещается заниматься коммерческой**

[1] Черкасов К. В. Некоторые аспекты совершенствования законодательства в области разрешения конфликта интересов на государственной службе // Гражданин и право. 2014. № 2. С. 9.

деятельностью, которая непосредственно связана с их прежней службой»[1]. В отличие от положения п. 3.1. ст. 17 Закона о государственной гражданской службе, китайский законодатель устанавливает императивный запрет, не позволяющий ни при каких обстоятельствах, даже с согласия специальной комиссии работать на предприятиях или в других коммерческих организациях, имеющих непосредственную связь с их прежней должностью, а также, что немаловажно, заниматься коммерческой деятельностью, которая непосредственно связана с их прежней службой. Такая практика, с одной стороны, учитывает индивидуальные обстоятельства и может способствовать более рациональному использованию кадрового потенциала, однако, с другой стороны, создаёт определённые риски для возникновения конфликта интересов и злоупотреблений служебным положением, даже после увольнения с государственной гражданской службы.

Считаем, что положение п. 3.1. ст. 17 Закона о государственной гражданской службе, устанавливающее необходимость получения согласия комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов на осуществление деятельности по трудовому договору или по договору гражданско-правового характера, является весьма целесообразным, однако всё же не исключающим возможность возникновения риска конфликта интересов, использования служебной информации в личных целях, создания условий для недобросовестной конкуренции, и иных условий, влекущих нарушения принципа равенства субъектов правоотношений (п. 1 ст. 1 ГК РФ) при осуществлении бывшими государственными служащими коммерческой деятельностью, которая непосредственно связана с его их прежней службой. В этой связи предлагается предусмотреть **возможность установления**

[1] Закон Китайской Народной Республики о государственной службе (Принят на 15-м заседании ПК Всекитайского Собрания народных представителей 10-го созыва от 27 апреля 2005 года) URL: https://ozlib.com/1069844/pravo/zakon_kitayskoy_narodnoy_respubliki_gosudarstvennoy_sluzhbe (дата обращения 14.08.2025).

двухлетнего запрета на осуществление предпринимательской или иной коммерческой деятельности, в сфере, напрямую связанной с предыдущими должностными обязанностями государственного гражданского служащего, за исключением случаев, когда осуществление такой деятельности предварительно согласовано с уполномоченным органом, в лице комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов. Осуществление предпринимательской или иной приносящей доход деятельности без предварительного согласования с уполномоченной комиссией следует рассматривать как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ), сопровождающееся гражданско-правовой ответственностью в виде возмещения причиненных убытков (п. 4 ст. 10, ст. 15 ГК РФ) (в случае доказанности причинно-следственной связи). Кроме того, подобное предложением будет служить дополнительной гарантией соблюдения общих принципов гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ), включая равенство участников гражданских правоотношений и недопустимость причинения вреда другим лицам в процессе осуществления гражданских прав (ст. 10 ГК РФ).

Интересным также представляется опыт Канады, где действует Закон от 2006 г. «О предотвращении конфликта интересов» (Conflict of Interest Act, 2006), в п. 1 ст. 27 которого указано, что «должностное лицо должно в течение 120 дней после дня, когда оно было назначено отчитывающимся должностным лицом, отказаться от каждого из своих контролируемых активов, выполнив одно из следующих действий: продать его в рамках коммерческой сделки; или поместив его в слепой траст…»[1]. «Слепой траст» должен быть организован таким образом, чтобы исключить какое-либо влияние со стороны должностного лица на управление активами. Управляющий траста назначается

[1] Закон от 2006 г. «О предотвращении конфликта интересов» (Conflict of Interest Act, 2006) URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-36.65/page-2.html#h-92254 (дата обращения 14.08.2025).

независимым лицом, одобренным комиссаром по конфликту интересов и этике, и действует исключительно в интересах доверительного управления без консультаций с должностным лицом и без раскрытия информации о текущем состоянии активов. В законодательстве Российской Федерации также предусмотрено подобное положение, установленное п. 2 ст. 17 Закона о государственной гражданской службе, согласно которому, если владение ценными бумагами приводит или может привести к конфликту интересов, гражданский служащий обязан передать принадлежащие ему ценные бумаги в доверительное управление. Следует согласиться с мнением С. А. Хамизовой, относительно того, что законодательство «обязывает гражданского служащего передавать ценные бумаги только в случаях, если существует реальная, а не мнимая возможность того, что владение государственным служащим ценными бумагами приведет к конфликту интересов»[1] *(см., напр.: Решение Благовещенского городского суда Амурской области от 15.02.2024 № 2-1506/2024)*[2].

Однако, как считают М. В. Карпычев и А. М. Хужин, «современный институт доверительного управления имуществом, закрепленный в главе 53 ГК РФ, не решает проблему передачи государственными (муниципальными) служащими ценных бумаг и долей участия»[3]. Согласно ст. 1012 ГК РФ, доверительный управляющий обязан действовать в интересах учредителя управления, а также согласно п. 4 ст. 1020 ГК РФ представляет учредителю управления и выгодоприобретателю отчет о своей деятельности, **что не исключает возможности влияния последнего на принятие решений по управлению активами**. Кроме того, в российской практике отсутствует

[1] Хамизова С. А. Конфликт интересов и его типовые ситуации на службе в уголовно-исполнительной системе // Административное право и процесс. 2022. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Карпычев М. В., Хужин А. М. О некоторых ограничениях имущественных прав при прохождении службы в органах внутренних дел // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 497. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-ogranicheniyah-imuschestvennyh-prav-pri-prohozhdenii-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del (дата обращения 14.08.2025).

четкий механизм контроля за соблюдением условий доверительного управления, а также не установлены строгие требования к фигуре управляющего, его независимости и подотчетности, в отличие от канадской модели, где назначение управляющего подлежит обязательному одобрению уполномоченным комиссаром по конфликту интересов и этике. Таким образом, приходим к выводу, что при подобных обстоятельствах сохраняется риск конфликта интересов в связи с тем, что доверительный управляющий, не обладая достаточной независимостью, может принимать решения, которые продиктованы указаниями учредителя управления, что искажает цели доверительного управления как института.

В этой связи, для решения вышеуказанной проблемы, можем предложить возможность правовой имплементации некоторых законодательных положений, содержащихся в Законе от 2006 г. «О предотвращении конфликта интересов» (Conflict of Interest Act, 2006), касающихся механизма доверительного управления (п. 4 ст. 27 указанного закона). Считаем необходимым **обеспечить независимость доверительного управляющего**, которая может быть достигнута путем согласования его кандидатуры с комиссией по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов, которой он будет подотчетен. Исключение обязанности отчета доверительного управляющего перед учредителем управления (государственным служащим), установленной п. 4 ст. 1020 ГК РФ, обеспечит повышение объективности и независимости его деятельности, снизит риск влияния и давления со стороны учредителя управления, а также минимизирует вероятность возникновения потенциальных конфликтов интересов.

В этой связи предлагаются следующие законодательные изменения. Дополнить п. 2 ст. 17 Закона о государственной гражданской службе абз 2 и изложить его в следующей редакции:

«Кандидатура доверительного управляющего, назначаемого государственным гражданским служащим, подлежит предварительному

согласованию с комиссией по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов».

Дополнить п. 4 ст. 1020 ГК РФ абз. 2 и изложить его в следующей редакции:

«Доверительный управляющий, назначаемый государственным гражданским служащим, обязан отчитываться перед комиссией по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов».

Исследованные нами проблемы не являются единственными в данной области. Например, интересным и дискуссионным следует признать вопрос о юридической силе решения, принятого общим собранием акционеров либо иным органом управления хозяйственных обществ при условии участия государственного гражданского служащего в голосовании по его принятию. Как показывает исследование материалов судебной практики, в частности *Решения Октябрьского районного суда города Архангельска от 01.07.2024 по делу № 2-2165/2024 (УИД 29RS0018-01-2024-002012-78,* при условии того, что ответчик избранный «членом ревизионной комиссии, является государственной служащей, **не свидетельствует о недействительности решений общего собрания членов ТСН**»[1] *(См. также: Апелляционное определение Архангельского областного суда от 02.10.2024 № 33-8065/2024 (УИД 29RS0018-01-2024-002012-78)*[2]. Участие «на безвозмездной основе в управлении политической партией, органом профессионального союза, в том числе выборным органом первичной профсоюзной организации, созданной в государственном органе, участие в съезде (конференции) или общем собрании иной общественной организации, жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, товарищества собственников недвижимости государственному служащему не запрещено *(см., напр.: Апелляционное*

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.03.2025 № АПЛ25-56)[1]. А вот что касается участия в управлении товарищества собственников жилья (ТСЖ), то, как следует из судебной практики, указанной деятельностью государственный служащий может заниматься только с разрешения представителя нанимателя даже в случае участия в управлении ТСЖ на безвозмездной основе *(см., напр.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.08.2021 № 88-13316/2021 (УИД 54RS0010-01-2020-001008-12; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2022 № 88-2778/2022 (УИД 54RS0010-01-2020-005174-27)*[2].

Что же касается участия государственного служащего в управлении деятельностью коммерческих организаций и некоммерческих (кроме перечисленных в пп. 3 (а) п. 1 ст. 17 Закона о государственной гражданской службе), то следует отметить, что государственного служащего не могут избрать в качестве члена совета директоров или иного коллегиального органа управления, так как ему запрещено участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией. Однако данный запрет не касается, в частности, случаев, предусмотренных пп. «а» - «е» п. 3 ч. 1 ст. 17 Закона о государственной гражданской службе. Осуществление принадлежащих государственному служащему корпоративных прав, в том числе права на управление деятельностью хозяйственных обществ, происходит через доверительного управляющего (п. 2 ст. 17 Закона о государственной гражданкой службе). Однако, если же все таки государственный служащий лично принял участие в управлении, то следует считать что, нарушение служащим ограничений, установленных Законом о государственной гражданской службе, **само по себе не влечёт автоматического признания принятого акта юридического лица недействительным**, если не доказано, что это повлияло на суть и правомерность самого решения, привело к

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нарушению прав юридического лица, его участников или кредиторов, т. е. в таком случае подобное решение может считать оспоримым (ст. 181.3. и 181.4. ГК РФ).

Таким образом, рассмотрев государственную службу как основание установления запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, можем сказать, что необходимость его установления обусловливается значимостью соблюдения принципа равенства субъектов гражданских правоотношений (ст. 1 ГК РФ), предотвращением конфликта интересов, соблюдением принципа независимости государственной власти, а также недопустимостью использования публичной власти в личных целях. В рамках настоящего параграфа определена цель установления запрета государственным гражданским служащим участвовать в управлении деятельностью хозяйственных обществ, а также доказано, что он носит смешанный характер, в связи с тем, что направлен на обеспечение и защиту как публичных, так и частных интересов. Обоснована необходимость установления двухлетнего запрета на осуществление уволенным государственным служащим предпринимательской и иной коммерческой деятельностью, если она связана с его предыдущими должностными обязанностями. Рассмотрены проблемы передачи ценных бумаг, принадлежащих государственному служащему в доверительное управление, а также предложена имплементация норм законодательства Канады, в целях обеспечения независимости последнего. Кроме того, были рассмотрены вопросы, касающиеся юридической силы решений, принятых общим собранием акционеров или другими органами управления хозяйственных обществ, в случае участия в голосовании по их принятию государственного гражданского служащего. Результатом чего стал вывод о том, что нарушение служащим ограничений, установленных Законом о государственной гражданской службе, само по себе не влечёт автоматического признания принятого акта юридического лица недействительным, если не доказано, что это повлияло на суть и правомерность самого решения, привело к нарушению

прав хозяйственного общества, его участников или кредиторов, т. е. в таком случае подобное решение может считать оспоримым (ст. 181.3. и 181.4. ГК РФ).

Глава 3 Ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ

3.1 Пределы ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративном договоре

В современных условиях развития корпоративных правоотношений всё большее значение приобретают договорные формы согласования интересов участников хозяйственных обществ, среди которых корпоративный договор занимает особое место. Расширение договорной свободы в корпоративной сфере неизбежно ставит вопрос о допустимых пределах ограничения корпоративных прав (в корпоративном договоре), в том числе и права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ. Учитывая значимость обеспечения стабильности корпоративного управления и необходимость соблюдения баланса интересов участников хозяйственных обществ, должны существовать законодательно установленные рамки (пределы), внутри которых возможно производить договорное ограничение управленческих правомочий участников хозяйственных обществ. Однако следует констатировать, что в настоящий момент указанные пределы сформулированы лишь фрагментарно, и не обеспечивают достаточной определённости в правоприменении, создают риск произвольного вмешательства в корпоративные права участников хозяйственных обществ, что обусловливает необходимость их дальнейшего доктринального осмысления.

С позиции законодателя, введение правовой конструкции корпоративного договора было необходимо для того, чтобы участники хозяйственных обществ могли заранее договариваться о правилах управления и распределения обязанностей внутри общества. Кроме того, конструкция корпоративного договора позволила уточнять, как должны приниматься

важные корпоративные решения, как действовать в случае разногласий между участниками хозяйственных обществ и т. д. Корпоративный договор создал более прозрачные и понятные условия внутрикорпоративных *«правил игры»*, помог предотвратить конфликты и защитить интересы всех участников. Как указывает В. А. Лаптев, корпоративный договор «регулирует процесс управления и порядок распоряжения акциями (долями уставного капитала), вытекающие из реализации корпоративных прав и размера участия в капитале коммерческой корпорации»[1] В этой связи, как нами ранее было отмечено в публикациях, в подобном контексте «корпоративных договор может рассматриваться как **средство урегулирования внутрикорпоративных отношений**, и представляет собой важный правовой инструмент, позволяющий участникам хозяйственных обществ самостоятельно определять правила реализации принадлежащих им корпоративных прав, и способствует минимизации возникновения корпоративных конфликтов, повышению определённости и согласованности при принятии ключевых корпоративных решений, например, путём включения в корпоративный договор условия о согласованном голосовании по вопросам повести дня на общем собрании участников.

Однако, следует отметить, что, несмотря на то, что с одной стороны, корпоративный договор предоставляет участникам хозяйственных обществ возможность самостоятельно определять правила реализации принадлежащих им корпоративных прав или отдельных составляющих их правомочий, и выступает средством урегулирования внутрикорпоративных отношений, с другой стороны, он может устанавливать определённые ограничения реализации такого рода прав, тем самым рассматриваться как **средство ограничения корпоративных прав** участников хозяйственных обществ»[2].

[1] Лаптев В. А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений // Предпринимательское право. 2016. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Мельник Д. Э. Корпоративный договор как средство ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ // Юридический мир. 2026 № 2. С. 32.

Как указывает Ю. С. Харитонова, с внедрением в ГК РФ конструкции корпоративного договора процесс «формирования воли юридического лица претерпел определенные изменения: оно может быть **скорректировано или ограничено** соглашением участников корпорации»[1]. «Ограничения, установленные в корпоративном договоре, могут выражаться в установлении обязанности голосовать определённым образом, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, воздерживаться от отчуждения долей в уставном капитале в течение установленного срока и иных условиях, затрагивающих реализацию ключевых корпоративных прав. Как отмечает К. С. Герасименко, «можно выделить два возможных ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ: при первом варианте происходит сокращение правомочий участника корпоративных отношений, при втором - отказ от реализации корпоративных прав»[2]. «Несмотря на то, что подобные положения являются результатом добровольного волеизъявления сторон, их допустимость и юридическая сила вызывают вопросы в контексте действия императивных норм корпоративного и гражданского законодательства. Особую значимость эта проблема приобретает в тех случаях, когда условия корпоративного договора фактически изменяют содержание правового статуса участника общества и, как правило, сужают перечень принадлежащих ему корпоративных прав (или отдельных правомочий), в обход положений закона, которыми они императивно установлены (ст. 22 ГК РФ).

Интересным представляется и тот факт, что ст. 67.2 ГК РФ установлено правило, согласно которому корпоративным договором может предусматриваться возможность отказа (воздержания) от реализации корпоративных прав, однако стоит отметить, что пределы подобного отказа

[1] Харитонова Ю. С. Управление в корпорации: новеллы гражданского кодекса РФ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 61.
[2] Герасименко К. С. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: ограничение и отказ от их реализации в корпоративном договоре // Гражданское право. 2023. № 5. С. 10.

законодательством не предусмотрены либо размыты, что вызывает массу как доктринальных, так и практических проблем, возникающих при формулировке положений корпоративного договора, содержащего условия об отказе участниками хозяйственных обществ от реализации принадлежащих им корпоративных прав, либо их отдельных правомочий. Следует согласиться с мнением Л. Б. Ситдиковой о том, что, «аспекты действия принципа свободы договора в отношении корпоративного договора не являются безграничными, и законодатель, предоставляя сторонам свободу в урегулировании своих интересов, при этом провел четкие границы дозволенного»[1]. В этой связи считаем, что **должны существовать законодательно установленные пределы ограничения корпоративных прав в подобного рода договоре.** Выход за пределы ограничения корпоративных прав, установленных в корпоративном договоре, может повлечь правовые риски для хозяйственных обществ и всех их участников, создать условия для возникновения корпоративных конфликтов, судебных споров, а также обесценить саму идею заключения корпоративного договора как механизма обеспечения баланса интересов участников»[2].

Как ранее было установлено в *§ 1.1.,* «*ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ*» представляет собой меру правового воздействия на участников хозяйственных обществ, которая сужает возможности реализации принадлежащих им правомочий участия в управлении деятельностью общества, с целью предотвращения нарушений прав и законных интересов самого общества, его участников и третьих лиц, недопущения ущемления публичных интересов, а также поддержания эффективного корпоративного управления, ориентированного на развитие хозяйственного общества. Отсюда следует, что ограничение права на участие

[1] Ситдикова Л. Б. Принцип свободы договора в системе регулирования корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 11. С. 25.
[2] Мельник Д. Э. Корпоративный договор как средство ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ … С. 32 – 33.

в управлении деятельностью хозяйственных обществ через корпоративный договор должно осуществляться с соблюдением принципов соразмерности и справедливости, не может носить произвольный характер и должно быть направлено исключительно на обеспечение защиты хозяйственных обществ, предотвращение нарушений прав и законных интересов их участников, а также поддержание эффективного корпоративного управления. При этом необходимо учитывать, что любые ограничения, установленные корпоративным договором, не могут противоречить обязательным нормам законодательства и необоснованно ограничивать реализацию корпоративных прав участников, императивно установленных законом. Лишь в таком случае конструкция корпоративного договора позволит создать предсказуемую и прозрачную систему корпоративного управления, снизить риск возникновения конфликтов между участниками хозяйственных обществ и обеспечить возможность эффективного развития хозяйственных обществ в долгосрочной перспективе.

Существует мнение о том, что ограничение корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, может рассматриваться как незаконное ограничение правоспособности лица (ст. 22 ГК РФ), если оно по существу лишает лицо возможности реализовывать права, закреплённые законом. Как указывает О. И. Гентовт, например, содержащееся в корпоративном договоре условие об обязанности голосовать определенным образом «зачастую начинает трактоваться сторонами как незаконное ограничение правоспособности лица, предусмотренной ст. 22 ГК РФ»[1], однако судебная практика признает правомерность подобно рода решений, указывая на то, что корпоративное соглашение было заключено «своей волей и в своем интересе» *(см., напр.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2015 № 07АП-9663/2015 по делу № А45-12229/2015)*[2]*,* а стороны, заключившие корпоративных договор,

[1] Гентовт О. И. Указ. соч. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«добровольно ограничивают объем принадлежащих им корпоративных прав» *(см., напр.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 09.07.2019 по делу № А40-266761/18-57-1490)*[1].

В то же время, позиция об ограничении правоспособности (ст. 22 ГК РФ) при отсутствии определенных пределов ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ не раз подтверждалось и в судебной практике, например, в *Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.08.2015 № Ф03-2872/2015 по делу № А24-4503/2014*[2], в котором указывается, на невозможность признания положения корпоративного договора о безусловном (бессрочном) отказе от распоряжения долей в уставном капитале законным, в связи с тем, что в нем не содержится указания на обстоятельства, до наступления которых действуют установленные корпоративным договором ограничения.

По нашему мнению, «довод о том, что некоторые положения корпоративного договора могут быть истолкованы как незаконное ограничение правоспособности лица (ст. 22 ГК РФ), является вполне обоснованным, в связи с тем, что действительно, подобного рода положения, содержащие, например, отказ от права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ или безусловный и (или) бессрочный запрет на распоряжение долей и другие условия, могут фактически лишать участника возможности осуществлять принадлежащие ему в силу закона корпоративные права. В подобных случаях корпоративный договор прекращает быть инструментом согласования интересов участников общества и перестает приносить положительный эффект в связи с незаконным ограничением прав, составляющих содержание правового статуса участников общества, что уже выходит за рамки допустимой свободы договора. Как справедливо отмечает О. А. Макарова, «свобода усмотрения условий корпоративного договора

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] См. также: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21.12.2018 по делу № А40-243412/18-159-2001. Доступ из СПС «КонсультантПлюс.

ограничивается законами»[1], т. е. принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ) в отношении корпоративного договора не должен трактоваться как основание для устранения базовых прав участника хозяйственных обществ, поскольку такая интерпретация подрывает фундаментальные начала гражданского оборота.

В то же время, если положения корпоративного договора, ограничивающие корпоративные права участников хозяйственных обществ, **установлены в чётко определённых пределах**, например, ограничены по сроку, привязаны к конкретным юридически значимым условиям (определённым событиям, достижениям целей, наступлению обстоятельств), не противоречат императивным нормам законодательства и согласуются с принципами разумности, добросовестности и баланса интересов сторон, то такие условия не могут рассматриваться как незаконное ограничение правоспособности (22 ГК РФ). В этом случае речь идёт не о незаконном лишении или ограничении корпоративных прав, а о добровольном и обоснованном самоограничении, направленном на обеспечение стабильности корпоративного управления и снижение конфликтности внутри корпорации»[2].

Продолжая рассуждение о пределах ограничения корпоративных прав в корпоративном договоре, следует сказать, что в доктринальных источниках содержится множество мнений по данному вопросу, однако однозначного подхода к определению допустимых границ таких ограничений пока не выработано. Так, например, как отмечает А. В. Качалова, корпоративный договор, «…как и любой гражданско-правовой договор, не может быть заключен в целях ущемления прав акционеров, участников, не участвующих в заключение корпоративного договора, кредиторов общества и иных заинтересованных лиц. Не может быть он также заключен в целях обхода

[1] Макарова О. А. Пределы свободы корпоративного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 59.
[2] Мельник Д. Э. Корпоративный договор как средство ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ … С. 33-34.

закона и ограничения конкуренции»[1]. Кроме того, по мнению автора, «ограничение свободы корпоративного договора бывает связано с целью его заключения», которая может быть выражена в защите «…интересов: слабой стороны, например миноритарных акционеров, участников; самого хозяйственного общества, в отношении которого он заключен; третьих лиц, например кредиторов такого общества; публичных интересов…»[2]. Как указывает О. И. Гентовт, «будучи диспозитивным средством регулирования, корпоративный договор выступает «...средством самоограничения корпоративных прав»[3], однако такая «диспозитивность имеет объективные пределы», а значит, как отмечает А. В. Гутенева, «несколько ограничен, что выражается в том, что «в нем нельзя отказаться от права...»[4].

Подобного же мнения придерживается и В. Г. Бородкин, который стоит на позиции того, что «институт корпоративных соглашений может быть ограничен нормами закона в случае несоответствия положений договора императивным предписаниям закона, а также по требованию стороны соглашения со ссылкой на ст. 10 ГК РФ, которая определяет пределы осуществления гражданских прав»[5]. Кроме того, как считает О. А. Макарова, «отказ или воздержание от осуществления корпоративных прав на основании корпоративного договора представляется недопустимым», а «…условия корпоративных договоров … не могут противоречить императивным положениям закона…»[6]. Подобные условия применимы и в

[1] Качалова А. В. Указ. соч. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/77520616/ (дата обращения 18.11.2025).
[2] Там же. Доступ из СПС «Гарант».
[3] Гентовт О. И. Указ. соч. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[4] Гутенева А. В. Торговый и корпоративный договоры: проблемы соотношения и тенденции применения в деловой практике // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1. С. 105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/torgovyy-i-korporativnyy-dogovory-problemy-sootnosheniya-i-tendentsii-primeneniya-v-delovoy-praktike/viewer (дата обращения 14.11.2025).
[5] Бородкин В. Г. Корпоративный договор в период реформирования Гражданского Кодекса РФ // Закон. 2014. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[6] Макарова О. А. Указ. соч. С. 56.

отношении корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, и в этой связи «корпоративный договор не может лишать кого-либо из участников права на участие в управлении»[1]. Рассуждая о пределах свободы корпоративного договора, В. К. Андреев отмечает, что «…на него нельзя непосредственно распространить основные начала гражданского законодательства о свободе договора, поскольку участники хозяйственного общества или некоторые из них заключают между собой договор об осуществлении своих корпоративных прав, уже **определенных уставом данного общества»**[2], а, следовательно, свобода договора «ограничивается рамками юридического лица, граждане и юридические лица как участники хозяйственного общества могут осуществлять только те корпоративные права, которые возникли у них в связи с участием в данном обществе»[3]. В. А. Лаптев, придерживается мнения о том, что «корпоративный договор **нельзя обозначить «договором отказа от права»**, в связи с тем, что, заключая корпоративный договор, его стороны не отказываются от корпоративных прав, а «закрепляют обязательства **воздерживаться** от осуществления корпоративных прав либо следовать заранее определенной корпоративной процедуре (модели корпоративного поведения)»[4].

Отсюда следует, что, «…несмотря на доктринальное и практическое признание этой проблемы, в настоящее время по-прежнему отсутствует чёткий и устоявшийся подход к определению допустимых границ (пределов) таких ограничений. Предпринимая попытку дать ответ на данный вопрос, можем сказать, что под *«пределами допустимого ограничения корпоративных прав в корпоративном договоре»* следует понимать установленные законом рамки (границы), в пределах которых участники (акционеры) хозяйственных обществх вправе согласованно определять порядок реализации

[1] Макарова О. А. Указ. соч. С. 59.
[2] Андреев В. К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. № 3. С. 8.
[3] Там же. С. 8.
[4] Лаптев В. А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений … Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

принадлежащих им корпоративных прав, включая возможность их ограничения, **при условии соблюдения императивных норм законодательства**, принципов корпоративного управления, а также прав и законных интересов других участников.

Исходя из анализа вышеприведенной судебной практики можем вывести следующие критерии допустимости ограничения корпоративных прав в корпоративном договоре:

- ***срок и (или) условие прекращающее ограничение***, т. е. вводимое корпоративным договором ограничение должно действовать не бессрочно, а в течение определённого периода, либо до наступления конкретного юридически значимого события (например, выход участника из общества, достижение определённого финансового показателя) *(см., напр.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.08.2015 № Ф03-2872/2015 по делу № А24-4503/2014)*[1]*;*

- соответствие императивным требованиям законодательства. В связи с тем что, корпоративные права участников хозяйственных обществ основаны на положениях ГК РФ, а также нормах специального корпоративного законодательства, условия корпоративного договора не могут противоречить императивным нормам закона, т. е. свобода усмотрения условий корпоративного договора ограничивается законом ***(****см., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2022 № 301-ЭС22-12909 по делу № А31-17894/2020)*[2]*;*

- целевое назначение, т. е. ограничение должно быть направлено на достижение легитимной цели заключения корпоративного договора, заключающейся в обеспечении стабильности корпоративного управления, защиты общих интересов участников, а также предотвращение корпоративных конфликтов и др. Ограничение корпоративных прав, установленное в

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] См. также: Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 04.12.2020 по делу № А45-6005/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

корпоративное договоре, которое ставит одного из участников общества в заведомо невыгодное или зависимое положение не может рассматриваться как допустимое *(см., напр.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13.02.2025 № Ф02-6197/2024, Ф02-388/2025, Ф02-6192/2024 по делу № А19-9218/2023)*[1]*;*

- соблюдение принципа добровольности и соразмерности, суть которого заключается в том, что, подписывая корпоративный договор, участник должен полностью осознавать характер и последствия налагаемых на него ограничений в управлении деятельностью обществом, распоряжении долей и реализации других корпоративных прав. Важно, чтобы согласие было выражено свободно, без давления, принуждения или введения в заблуждение. Кроме того, ограничение не должно носить чрезмерного характера и приводить к фактической утрате права. *(см., напр.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 31.01.2022 по делу № А40-185725/21-189-1397)*[2].

Принимая во внимание критерии допустимости ограничения корпоративных прав в корпоративном договоре **делаем вывод о невозможности полного отказа от права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ** (в том числе взамен денежного вознаграждения), в связи с тем, что названное право **императивно установлено законом и является ядром правового статуса членов хозяйственных обществ.** Свобода усмотрения условий корпоративного договора в данном случае ограничивается законом *(см., напр.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.03.2017 № Ф03-691/2017)*[3]. Данное обстоятельство в очередной раз подтверждает, что корпоративный договор не может служить инструментом полного лишения участника общества его ключевых прав, поскольку такие права закреплены

[1] См. также: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.02.2025 № Ф03-206/2025 по делу № А59-6561/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

императивными нормами законодательства РФ и направлены на обеспечение баланса интересов всех участников общества. В частности, право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ является неотъемлемой составляющей правового статуса их участников, и любое его ограничение должно носить лишь временный характер, не противоречить закону и не нарушать интересы хозяйственных обществ и их участников.

Однако сделанный нами вывод никак не означает, что в корпоративном договоре вовсе нельзя каким-либо образом ограничить осуществление корпоративного права на управление, это бы противоречило ст. 67.2 ГК РФ. В корпоративном договоре могут быть ограничены правомочия, составляющие содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, (при соблюдении критериев допустимости), однако полное добровольное лишение себя правомочий, составляющих право на управление невозможно. В корпоративном договоре следует указывать, например, что «*участник N обязуется временно воздерживаться от реализации принадлежащего ему правомочия голосовать при принятии общим собранием решений по вопросам, поставленным на голосование, на срок не более одного года или до проведения очередного годового общего собрания участников общества»*. В таком случае условие корпоративного договора не будет противоречить императивным нормам законодательства, поскольку представляет собой добровольное, временное и соразмерное регулирование порядка реализации корпоративного права, допустимое статьёй 67.2 ГК РФ»[1].

Для законодательного закрепления всего вышесказанного предлагается дополнить ст. 67.2 ГК РФ п. 11 и изложить его в следующей редакции:

«11. Положения корпоративного договора, предусматривающие полный отказ участника хозяйственного общества от корпоративных прав, являются ничтожными».

[1] Мельник Д. Э. Корпоративный договор как средство ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ … С. 34 – 35.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что право участников хозяйственного общества на участие в управлении его деятельностью является ключевым механизмом обеспечения их корпоративных интересов посредством личного участия в принятии важных внутрикорпоративных решений. Полный отказ от названного права невозможен, что предотвращает потенциальные злоупотребления со стороны недобросовестных участников, стремящихся действовать в ущерб другим членам хозяйственных обществ, намеренно ставив их в заведомо невыгодное положение посредством заключения корпоративного договора. Такая мера обеспечивает поддержание справедливого баланса интересов между всеми участниками обществ, снижает риск возникновения корпоративных конфликтов и способствует стабильности функционирования хозяйственных обществ. Кроме того, вовлеченность всех участников в управление повышает эффективность принимаемых решений и создаёт условия для устойчивого развития хозяйственных обществ в долгосрочной перспективе, укрепляя их позиции на рынке, повышая доверие со стороны инвесторов и партнёров.

В то же время, как уже отмечалось, ограничение исследуемого права допустимо лишь при соблюдении всех вышеперечисленных критериев допустимости ограничения корпоративных прав, соблюдение которых позволит обеспечивать баланс между свободой договорного регулирования и защитой прав участников хозяйственных обществ, делая корпоративные правоотношения одновременно гибкими и защищёнными от злоупотреблений. Ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ должно иметь четкое обоснование, не противоречить императивным нормам законодательства, быть соразмерным и направленным на обеспечение интересов как самих хозяйственных обществ, так и их участников. Соблюдение этих условий позволит корпоративному договору выполнять функцию регулирования взаимоотношений между участниками хозяйственных обществ, чем обеспечит долгосрочную стабильность

корпоративного управления, способствующего развитию корпоративной организации и преумножению её прибыли.

3.2 Ограничение прав акционеров при голосовании: способы и последствия ограничения

Право акционеров на участие в управлении деятельностью акционерным обществом является ключевым элементом их правового статуса, обеспечивая им возможность влияния на принятие стратегически важных внутрикорпоративных решений. Однако в ряде случаев, законодательством (п. 4 ст. 83 ФЗ «Об АО», п. 6 ст. 84. 2 ФЗ «Об АО»), договором (п. 2 ст. 358.15 ГК РФ), внутренними документами (уставом) акционерного общества, (п. 5 ст. 99 ГК РФ, абз. 12 п. 3 ст. 11 ФЗ «Об АО), а также корпоративным договором (ст. 67. 2 ГК РФ, ст. 32.1 ФЗ «Об АО») *(исследование возможности ограничения права на участие в управлении в корпоративном договоре представлено в § 3.1 настоящего диссертационного исследования)* могут предусматриваться определенные ограничения исследуемого права. Подобные ограничения могут быть выражены в различных формах, например, в форме ограничения прав акционеров, владеющих привилегированными акциями (п. 1 ст. 32 ФЗ «Об АО»), ограничения права голоса, связанные с неполной оплатой уставного капитала общества (абз. 3 п. 1 ст. 34 ФЗ «Об АО»), ограничения права голоса на совершение сделки с заинтересованностью (п. 4 ст. 83 ФЗ «Об АО») и другие ограничения.

В рамках настоящего параграфа будут исследованы основные способы ограничения управленческих правомочий акционеров при голосовании, а также юридические последствия их установления. Последовательный анализ каждого из оснований ограничения корпоративного права на участие в управлении детальностью акционерного общества позволит оценить их эффективность и выявить потенциальные риски как для отдельных акционеров, так и для акционерного общества в целом, что особенно важно в

контексте обеспечения их устойчивого развития и функционирования. Практическая значимость изучения механизмов ограничения корпоративного права на участие в управлении деятельностью акционерных обществ, обусловлена необходимостью обеспечения баланса интересов между мажоритарными и миноритарными акционерами, предотвращения злоупотреблений правом голоса и поддержания прозрачности корпоративного управления в акционерных обществах.

Первым основанием ограничения права акционеров на участие в управлении деятельностью акционерного общества, которое будет рассмотрено, является *ограничение управленческих прав владельцев привилегированных акций* (ст. 32 ФЗ «Об АО»). Размышляя о правовой природе привилегированных акций, И. Т. Тарасов утверждал, что «такие акции не соответствуют природе классических акций»[1], в чем с ним был солидарен еще один ученый цивилист Г. Ф. Шершеневич, по мнению которого «привилегированная акция искажает истинное значение той акции, которая давно и хорошо известна законодательствам многих стран»[2]. Подобного же мнения придерживались и зарубежные ученые, например, профессор Санторо Пассарелли считал, что «безголосые акции позволяют полностью уничтожить слабо работающий механизм контроля рядовых акционеров за деятельностью акционерного общества»[3].

Среди современных ученых-корпоративистов исследованием правовой природы привилегированных акций занимается, например, И. А. Самойлов, который указывает на то, что по общему правилу лишь «обыкновенные акции дают владельцу право на участие в управлении акционерным обществом

[1] Тарасов И. Т. Указ. соч. С. 374.; Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. Москва: Статут, 2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2003. С. 394.

[3] De Hoghton C. The Company: Law, Structure and Reform in Eleven Countries. Published by Allen & Unwin Ltd. London. UK. 1970. P. 195. URL: https://www.amazon.com/Company-Structure-Countries-Studies-corporation/dp/0043470017 (дата обращения 26.11.2025).

(одна акция дает один голос на собрании акционеров, которое является высшим органом управления)»[1], владельцы привилегированных акций голосуют лишь по вопросам указанным в п. 4 ст. 32 ФЗ «Об АО». Приобретая привилегированные акции, их владельцы сознательно ограничивают себя в праве на управление, однако, такое «ограничение компенсируется правом на получение фиксированного размера дивиденда в случае принятия решения о его выплате»[2]. Отказываясь от участия в управлении, владельцы привилегированных акций взамен получают большую уверенность в размере дивидендных выплат, поскольку он заранее закреплен уставом общества (п. 2 ст. 32 ФЗ «Об АО»), однако у них нет никакой уверенности в том, что общее собрание примет решение о такой выплате в связи с тем, что «выплата дивидендов является правом, а не обязанностью общества» *(см., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.09.2025 № 31-П)*[3], при этом корпоративное законодательство «не содержит нормы, обязывающей лиц, участвующих в общем собрании, в обязательном порядке голосовать за принятие решения о выплате дивидендов»[4].

«Установление размера дивиденда в уставе акционерного общества не трансформирует привилегированные акции в финансовый инструмент, гарантирующий их владельцам стабильный доход в зафиксированном уставом

---

[1] Крылов В. Г., Самойлов И. А., Седгарян К. А. Хозяйственные общества как форма ведения бизнеса: учебное пособие. Москва: Статут, 2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». *(автор главы 1 «Хозяйственные общества. История появления. Основные понятия» - И. С. Самойлов).*

[2] Шиткина И. С., Музафаров Э. Э., Наймушина В. А., Севеева К. В. Вопросы корпоративного права в позициях Конституционного Суда РФ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 25.

[3] Собрание законодательства РФ. 2025. № 40. Ст. 5944. См. также: Определение Верховного Суда РФ от 16.07.2018 № 305-ЭС18-11672. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 31 / М. М. Вильданова, О. В. Гутников, М. О. Дьяконова и др.; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Синицын. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

размере»[1]. Кроме того, Д. В. Ломакин, размышляя о привилегированных акциях, утверждает о том, что они являются неголосующими, и этот факт «…сближает статус их владельцев со статусом облигационера…»[2], а «владельцы привилегированных акций обладают ограниченными правами по отношению к акционерному обществу»[3], что также подтверждается и судебной практикой, например, *Определением Верховного Суда РФ от 15.03.2018 № 301-ЭС18-635 по делу № А79-11773/2016*[4]. Следует согласиться с ученым, однако стоит учитывать и тот факт, что «владельцы привилегированных акций в случае принятия решения о невыплате или неполной выплате им дивидендов приобретают по своим акциям право голоса независимо от причин такого решения»[5] (п. 5 ст. 32 ФЗ «Об АО»), «вплоть до первой выплаты дивидендов по привилегированным акциям в полном объеме»[6], чего не скажешь про облигационеров, которые не могут получить право голоса по вопросам повестки дня общего собрания акционерного общества ни при каких обстоятельствам. Данный факт подтверждается также и тем, что Положение Банка России от 16.11.2018 № 660-П «Об общих собраниях акционеров» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2019 № 53262)[7] среди лиц, имеющих право на участие в общем собрании, не выделяет облигационеров.

В том случае, когда владельцы привилегированных акций приобретают право голоса, по мнению Д. В. Ломакина, происходит «трансформация

---

[1] Габов А. В. О выплате дивидендов по привилегированным акциям // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / А. В. Алтухов, О. А. Беляева, Н. А. Бортникова и др.; Отв. ред. В. Ф. Яковлев. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2017. Вып. 22 Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Там же.

[4] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Королев В. С. Лица, имеющие право участвовать в общем собрании акционеров и участников // Гражданское право. 2018. № 3. С. 37.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.09.2025 № 31-П // Собрание законодательства РФ. 2025. № 40. Ст. 5944.

[7] Вестник Банка России. № 3. 2019.

безголосых привилегированных акций в голосующие привилегированные акции»[1]. С данным утверждением невозможно не согласиться, поскольку предоставление правомочия голосования по всем вопросам повестки дня общего собрания действительно изменяет правовой характер таких акций, а также расширяет объем управленческих правомочий, представленных их владельцам. Из пассивных инвесторов, ориентированных преимущественно на получение фиксированного дохода, владельцы привилегированных акций превращаются в участников корпоративного управления, что, в свою очередь, открывает для них возможность оказывать непосредственное влияние на принятие стратегически важных решений акционерного общества и защищать свои интересы в ситуациях, затрагивающих их права. Указанное преобразование усиливает позицию акционеров в структуре корпоративных отношений и способствует более справедливому распределению корпоративной власти. В этой связи, в таком случае мы можем говорить **о ситуационной трансформации безголосых привилегированных акций в голосующие привилегированные акции**, под которой предлагается понимать изменение правового режима привилегированных акций, при котором их владельцы, изначально лишённые правомочия участия в голосовании по всем вопросам повестки дня общего собрания акционерного общества, до момента первой выплаты по указанным акциям дивидендов в полном размере, приобретают указанное правомочие, становясь участниками корпоративного управления. Возникающее правомочие не приобретает характера обязанности (как в случае с ситуационной трансформацией корпоративного права на участие в управлении в соответствующую обязанность) и реализуется по усмотрению акционера. Исследуемая выше ситуационная трансформация представляет собой комплексный процесс, который **затрагивает как процессы корпоративного управления, так и правовой статус акционеров,** способствуя повышению их вовлеченности в

[1] Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

принятие ключевых корпоративных решений и, как следствие, обеспечивает более устойчивую и справедливую структуру власти в акционерных обществах.

Следующим исследуемым нами ограничением будет являться - *ограничение права голоса, связанные с неполной оплатой уставного капитала общества* (абз. 3 п. 1 ст. 34 ФЗ «Об АО»), согласно которому акция, принадлежащая учредителю общества, не предоставляет права голоса до момента ее полной оплаты, если иное не предусмотрено уставом общества. Более того, законодатель ограничил срок оплаты акций, установив, что «в случае неполной оплаты акций учредителями **в течение года с момента государственной регистрации общества** (или в срок, предусмотренный договором о создании общества, который может быть менее года) право собственности на акции, цена размещения которых соответствует неуплаченной сумме, переходит к обществу»[1]. При этом, общество обязано распорядиться данными акциями лишь способом, предусмотренным ФЗ «Об АО», а именно «реализовать их по цене не ниже номинальной стоимости не позднее года после приобретения; в противном случае общество обязано принять решение об уменьшении своего уставного капитала с погашением соответствующих акций»[2]. В таком случае, как отмечает В. А. Лаптев, «…теряется соответствующая доля участия в корпорации…, в связи с тем, есть основания говорить …о переходе «участия» к другому лицу (посредством продажи акций, долей в уставных капиталах, передачи пая другому лицу т.д.), что позволяет уйти от понимания корпоративной собственности исключительно как объекта права, который можно продать как

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 (ред. от 16.05.2014) «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник ВАС РФ. № 1. 2004.

[2] Решение Арбитражного суда Брянской области от 13.06.2018 по делу № А09-11160/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

имущество»[1].

Как уже упоминалось в *§ 1.3. настоящего диссертационного исследования,* цель данного ограничения видится в защите интересов акционерного общества и его участников, гарантирует соответствие размера управленческих правомочий, принадлежащих тому или иному акционеру, размеру фактически внесённых им в уставный капитал средств, тем самым предотвращает возможность злоупотреблений со стороны неплатёжеспособных акционеров. Исследуемое ограничение представляет собой важный механизм защиты интересов общества и других акционеров, поскольку неполная оплата акций создаёт риск недополучения обществом необходимого капитала для ведения хозяйственной деятельности. Введение ограничения права голоса до полной оплаты акций способствует соблюдению принципа справедливости и равенства акционеров, исключая возможность влияния на управление компанией тех участников, которые фактически ещё не внесли свою долю в уставный капитал.

Данное ограничение носит временный характер и прекращает своё действие после полной оплаты акций, т. е. акционер получает все управленческие правомочия, предусмотренные законодательством и уставом общества. При этом устав может предусматривать иные условия, например, как указывают В. Ю. Абрамов и Ю. В. Абрамов, «если уставом общества учредителям предоставлено право голоса до момента полной оплаты акций, неоплаченные акции учитываются только при определении кворума общего собрания акционеров, а если такого права не предоставлено, то неоплаченные акции не учитываются»[2], что позволяет гибко регулировать участие акционеров в управлении в зависимости от конкретной корпоративной

[1] Лаптев В. А. Корпоративная собственность - юридический прием корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Абрамов В. Ю., Абрамов Ю. В. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. М.: Юстицинформ, 2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

политики акционерного общества *(см., напр.: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий).* Таким образом, ограничение права голоса при неполной оплате акций выполняет **стимулирующую функцию** для своевременного внесения средств в уставный капитал акционерного общества, и одновременно **защищает** корпоративные интересы общества и его участников, предотвращая возможность влияния на принятие ключевых решений со стороны участников, ещё не выполнивших своих обязательств по оплате акций.

Еще одним способом ограничения прав акционеров при голосовании является *ограничение права на голоса, при приобретении акционером более 30 % акций публичного акционерного общества (п. 6 ст. 84. 2 ФЗ «Об АО»).* Аналогичные ограничения применяются и при приобретении более 50 % и 75 % акций, но только в отношении вновь приобретенных акций, превышающих соответствующую долю. Согласно п. 1 ст. 84.2. ФЗ «Об АО», лицо которое приобрело более 30% от общего количества акций ПАО (с учетом акций, принадлежащих этому лицу и его аффилированным лицам), в течение 35 дней с момента внесения соответствующей приходной записи по лицевому счету (счету депо) или с момента, когда это лицо узнало или должно было узнать о том, что оно самостоятельно или совместно с его аффилированными лицами владеет указанным количеством таких акций, обязано направить остальным акционерам, публичную оферту (обязательное предложение) о приобретении у них акций. При этом цена выкупа акций «не может быть установлена миноритарными акционерами произвольно, без учета рыночной стоимости таких акций, определенной по результатам организованных торгов или независимым оценщиком, а также без учета наибольшей цены, по которой они приобретались у других миноритарных

акционеров»[1] (п. 4 ст. 84.2. ФЗ «Об АО»). Как указывает О. И. Гентовт, «обязанность выкупа акций по любой цене, запрошенной акционером, ФЗ «Об АО» не содержит»[2] *(см., также, напр.: Постановление Верховного Суда РФ от 20.04.2016 № 305-АД15-19535 по делу № А40-51200/2015)*[3].

В качестве правового последствия неисполнения обязанности по направлению обязательного предложения лицом, приобретшим более 30 % общего количества акций публичного общества, закон устанавливает ограничение учета количества голосующих акций (*в пределах установленного порога корпоративного контроля (в данном случае 30%))*, принадлежащих этому лицу и его аффилированным лицам, до момента направления обязательного предложения (оферты). Данное ограничение носит защитный характер и направлено на предотвращение концентрации контроля в руках одного акционера, что может привести к ущемлению прав миноритарных участников акционерного общества. В данном случае, акционер, намеревающийся консолидировать значительное количество акций общества в своих руках, вынужден действовать открыто и уведомлять других участников о приобретении крупного пакета акций. Исследуемый законодательный механизм обеспечивает миноритарным акционерам защиту их интересов, предоставляя **возможность выхода из общества на справедливых условиях** через принятие публичной оферты о выкупе принадлежащих им акций.

Таким образом, исследуемое ограничение выполняет три функции защиты, среди которых следует выделить:

- *функцию защиты прав и интересов миноритарных акционеров*, которая обеспечивается посредством предоставления им **возможности**

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1551-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Инвестиционная компания «Ленмонтажстрой» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 статьи 84.7 Федерального закона «Об акционерных обществах». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Гентовт О. И. Указ. соч. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

выхода из общества на справедливых условиях, путём акцепта обязательного предложения, а также **предотвращения скрытой концентрации контроля в одних руках**, способной привести к ущемлению их корпоративных прав, выраженном в приятии решений органами управления общества исключительно в интересах мажоритарного участника и (или) аффилированных с ним лиц. Получив обязательное предложение, миноритарный участник получает возможность самостоятельно оценить условия и принять решение о продаже принадлежащих ему акций или сохранении своего членства в обществе;

- *функцию защиты прав и интересов мажоритарных акционеров*, которая заключается в обеспечении законной и прозрачной процедуры приобретения контрольного пакета акций, при которой мажоритарий может консолидировать управленческий контроль над обществом, **минимизируя риски оспаривания совершенных им сделок и споров с миноритариями**. Важно отметить, что цена выкупа акций миноритариев определяется справедливо с учётом рыночной стоимости или предыдущих сделок, что предотвращает возможность произвольных требований миноритариев, чем защищает имущественные интересы мажоритария и одновременно обеспечивает сохранение его управленческих правомочий после выполнения обязанности по публичной оферте;

- *функцию защиты прав и интересов акционерного общества*, которая достигается посредством предотвращения недобросовестных поглощений и скрытой концентрации контроля в одних руках, что способствует сохранению баланса интересов между мажоритарными и миноритарными акционерами, созданию условий для эффективного и стабильного функционирования органов управления общества, снижению риска возникновения корпоративных конфликтов, а также поддержанию инвестиционной привлекательности и устойчивого развития общества.

Следующим способом ограничения прав акционеров при голосовании будет являться *совершение сделки с заинтересованностью*. Как указывает

А. А. Кузнецов, «институт сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, является одним из достаточно традиционных способов борьбы с конфликтами интересов, возникающими при участии юридических лиц в правовом общении»[1]. Следует обратить внимание на регламентированное *п. 4 ст. 83 ФЗ «Об АО»* правило, в соответствии с которым в одобрении сделки, в которой имеется заинтересованность, голосуют лишь те участники, которые не являются заинтересованными в её совершении. Кроме того, в одобрении подобного рода сделок «не вправе принимать участие также участники - юридические лица, хотя и не являющиеся заинтересованными лицами, но находящиеся под контролем заинтересованных лиц (подконтрольные организации)»[2]. Представленное ограничение направлено на обеспечение интересов акционерного общества и других его участников, не являющихся заинтересованными в совершении сделки. В данном случае исключается возможность заключения сделок, которые будут носить благоприятный характер лишь для заинтересованных в них лиц, но при этом влечь негативные последствия для остальных акционеров. В то же время гарантируется принятие лишь объективно полезных для всех участников и самого акционерного общества решений.

В НПАО, в свою очередь, может устанавливаться совершенно иной порядок совершения такого рода сделок путем включения в устав положений, отличных от установленного главой XI ФЗ «Об АО» порядка[3] либо же вовсе установления уставного положения, согласно которому указанные правила закона не применяются к тому или иному непубличному хозяйственному обществу. По мнению И. С. Шиткиной, данное исключение для НПАО следует считать «в значительной степени революционным, и в то же время «полезным

---

[1] Крупные сделки и сделки с заинтересованностью. Итоги реформы / отв. ред. А. А. Кузнецов. Москва: Статут, 2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. № 145. 2018.

[3] Шиткина И. С. Уставы российских хозяйственных обществ: какими им быть? // Предпринимательское право. 2019. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

для семейного бизнеса или, например, для связанных экономической зависимостью хозяйственных обществ»[1]. С другой стороны, такой подход содержит определенные риски, поэтому требует повышенной прозрачности и доверия между акционерами, поскольку отсутствие строгих законодательных ограничений потенциально увеличивает риск злоупотреблений при принятии подобных решений.

Следующий большой пласт ограничений прав акционеров при голосовании может быть установлен в специальном (отраслевом) законодательстве, и связан с отсутствием согласия Банка России на приобретение акций (ст. 38. 2 Закона об инвестиционных фондах, ст. 11.3 Закона о банках и банковской деятельности) *(в рамках настоящего диссертационного исследования будут исследования лишь отдельные черты подобных ограничений).*

В соответствии со ст. 11.3. Закона о банках и банковской деятельности приобретение более 10 % акций кредитной организации физическими и юридическими лицами требует предварительного или последующего согласия Банка России. В случае же нарушения установленного правила лицо, допустившее нарушение, имеет право голоса только по такому количеству акций (долей) кредитной организации, в отношении которых было получено отдельное согласие Банка России. Ограничения прав акционеров при голосовании в данном случае вводятся для контроля над концентрацией собственности, защиты финансовой стабильности банковского сектора, интересов кредитной организации, её участников и вкладчиков.

По сути, цель исследуемых ограничений релевантна цели вводимых ограничений, при приобретении акционером более 30 % акций публичного акционерного общества (п. 6 ст. 84. 2 ФЗ «Об АО»). Оба ограничения направлены на **контроль за влиянием крупных акционеров на управление организацией**, путём ограничения правомочия голосования при превышении

[1] Шиткина И. С. Правовой режим сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Закон. 2016. № 12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

определённого порога владения акциями до выполнения определенных условий (направления обязательного предложения / получения согласия Банка России). В то же время, на наш взгляд, отраслевые ограничения в банковской сфере имеют дополнительное значение, **направленное на поддержание финансовой стабильности** и снижение системных рисков, тогда как ограничения для ПАО в первую очередь ориентированы на защиту прав миноритарных акционеров и предотвращение доминирования одного акционера.

Следующим исследуемым ограничением в рамках настоящего параграфа будет *ограничение права голоса, связанное с закреплением в уставе непубличного акционерного общества максимального количества акций или числа голосов, принадлежащих одному акционеру (*абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ, *п. 5 ст. 99 ГК РФ, абз. 12 п. 3 ст. 11 ФЗ «Об АО»)*. В таком случае, как указывает П. В. Матвеенко, «участники общества вправе самостоятельно ограничить максимальное количество голосов, предоставляемых одному акционеру, закрепив такое положение в уставе общества»[1]. В то время как в ПАО, как закреплено в п. 5 ст. 97 ГК РФ, не могут быть ограничены количество акций, принадлежащих одному акционеру, их суммарная номинальная стоимость, а **также максимальное число голосов, предоставляемых одному акционеру**.

По нашему мнению, основная цель исследуемого ограничения заключается в предотвращении концентрации контроля в руках одного лица и обеспечение баланса интересов между участниками НПАО. Кроме того, как считают Н. В. Козлова и С. Ю. Филиппова, «целью ограничения количества акций, … или числа голосов одного акционера являются предотвращение корпоративных конфликтов, охрана интересов миноритариев, повышение

[1] Матвеенко П. В. Хозяйственные общества и унитарные предприятия / под ред. Ю. Л. Фадеева. 2006. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.audit-it.ru/articles/account/basis/a79/44128.html (дата обращения 05.12.2025).

инвестиционной привлекательности»[1]. Подобное ограничение способствует **повышению предсказуемости и устойчивости управленческих процессов** в связи с тем, что позволяет участникам общества самим определять оптимальный баланс влияния и выстраивать правила корпоративного управления в соответствии с их интересами и договорённостями. Ограничивая максимальный объём голосов, участники общества фактически фиксируют желаемый уровень распределения корпоративного влияния и тем самым **создают гарантии от появления доминирующего акционера, способного единолично принимать стратегически значимые решения акционерного общества.**

Заключение договора залога акций (ст. 358.16. ГК РФ) представляет собой последнее в настоящем параграфе исследуемое ограничение прав акционеров. Залог акций влечёт запрет на их отчуждение без согласия залогодержателя и передачу права голоса залогодержателю, что временно ограничивает корпоративные права залогодателя-акционера на управление (голосование) и распоряжение акциями, защищая интересы залогодержателя (кредитора) до исполнения обеспеченного обязательства. Важно подчеркнуть, что передача права голоса залогодержателю не является императивным последствием залога акций, а осуществляется при наличии соответствующего условия в договоре залога, что позволяет сторонам гибко распределять корпоративные полномочия с учётом целей обеспечения (ст. 358.17 ГК РФ) *(более подробное исследование договора залога как способа ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ было рассмотрено в § 1.3. настоящего диссертационного исследования)*.

Таким образом, рассмотрев способы и последствия ограничения прав акционеров при голосовании, приходим к выводу о том, что они выступают

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 - 5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов и др.; под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». *(авторы комментария к ст. 99 Н. В. Козлова и С. Ю. Филиппова).*

важным инструментом для поддержания устойчивости корпоративного управления и баланса интересов участников, позволяют предотвращать чрезмерную концентрацию контроля, обеспечивать прозрачность принятия корпоративных решений и снижать риск злоупотреблений со стороны отдельных акционеров. Ограничения прав акционеров при голосовании можно классифицировать по основанию возникновения на:

- предусмотренные законом;
- установленные договором;
- закрепленные в уставе хозяйственных обществ;
- заключенные в корпоративном договоре между участниками хозяйственных обществ *(чем подтверждается вывод, сделанный в § 1.3. настоящего диссертационного исследования).*

Приходим к выводу о том, что под **способом ограничения прав акционеров при голосовании** следует понимать предусмотренный законом, договором, уставом или корпоративным договором юридический механизм, посредством которого устанавливаются условия, пределы или требования, влияющие на объём, порядок и возможность реализации акционерами принадлежащих им управленческих правомочий. **Последствием ограничения прав акционеров при голосовании** будет являться результат применения соответствующего способа ограничения, выражающийся в изменении порядка реализации, уменьшении объёма или приостановлении возможности осуществления акционерами принадлежащих им управленческих правомочий на определенный срок.

3.3 Ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ при наследовании и разделе совместно нажитого имущества супругов

Корпоративное право участников хозяйственных обществ принимать участие в деятельности по управлению, традиционно рассматривается как

неимущественное корпоративное право, неразрывно связанное с самим субъектом корпоративных правоотношений, что особенно проявляется в обществах с ограниченным числом участников, например, в ООО или НПАО, в которых установление ограничений на вхождение в состав участников общества объясняется тем, что «новый» участник (член) общества «будет «посторонним» (третьим) лицом для остальных участников непубличного общества»[1]. В подобных бизнес-структурах участие в управлении представляет собой не только юридическую, но и фактическую форму контроля и взаимодействия между участниками, поэтому любое изменение их состава или соотношения принадлежащих им долей (акций) способно существенно повлиять на внутренний баланс интересов. Как указывается в п. 1.4. «Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 - 29.05.2010), «поскольку личные неимущественные права в состав наследства не входят (ч. 3 ст. 1112 ГК РФ), то неимущественные (организационные) права участника (прежде всего, право участия в управлении делами общества) не наследуются…»[2], но могут переходить к наследникам с переходом доли, если уставом хозяйственного общества не требуется получения согласия других участников или не предусмотрен запрет на подобные действия.

Стоит отметить, что при переходе корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества при наследовании, а также при разделе совместно нажитого имущества супругов (п. 2 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с

[1] Лаптев В. А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2024. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Нотариальный вестник. № 2. 2011.

05.02.2025) (далее — СК РФ)[1] возникает коллизия между интересами семьи и интересами хозяйственных обществ, требующих сохранения устойчивости (стабильности) состава участников. С одной стороны, наследники и супруги вправе претендовать на получение принадлежащих наследодателю или одну из супругов акций (долей) в уставном капитале, входящих в состав наследственной массы или совместно нажитого имущества, и удостоверяющих определенный перечень корпоративных прав, но, с другой стороны, учитывая, что корпоративное законодательство стремится к обеспечению стабильного состава участников и защите от нежелательных изменений соотношения долей участников, наследники или один из супругов могут столкнуться с определенными трудностями и ограничениями при переходе к ним статуса участника хозяйственного общества и связанных с ним корпоративных прав. В этой связи, следует констатировать, что законодательством и судебной практикой выработаны различные способы ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ при переходе доли при наследовании и разделе совместно нажитого имущества супругов, направленные на обеспечение баланса интересов участников хозяйственных обществ, наследников и супругов. Настоящий параграф посвящён анализу правовой природы указанных ограничений, особенностям их содержания и правовым последствиям установления.

Как уже отмечалось ранее в рамках настоящего параграфа, вопрос о пределах допустимого вмешательства корпоративного законодательства в семейно-правовые и наследственные правоотношения приобретает особую значимость в хозяйственных обществ с ограниченным числом участников, где устойчивость деятельности и эффективность управления во многом основаны на личном доверии и согласованности действий между участниками. В таких хозяйственных обществах изменение состава участников вследствие наследования или раздела совместно нажитого имущества может привести к

[1] Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

перераспределению корпоративного контроля, и, как следствие, к нарушению сложившегося механизма принятия управленческих решений. Законодатель, регулируя вопрос перехода доли в уставном капитале хозяйственных обществ, стремится к тому, чтобы, с одной стороны, обеспечить правопреемникам возможность получить не только её действительную стоимость, но и при соблюдении установленных уставом условий, приобрести статус участника хозяйственного общества со всеми вытекающими корпоративными правами. Однако, с другой стороны, задача законодателя также видится и в сохранении за прежними участниками хозяйственных обществ возможности участвовать в решении вопроса о допуске нового участника в корпоративное сообщество. В связи с этим возможно предусмотрение ряда механизмов, позволяющих участникам хозяйственных обществ минимизировать риски, связанные с изменением персонального состава хозяйственного общества, к числу которых прежде всего относится установление в уставе специальных положений, регулирующих возможность перехода доли и связанных с ней корпоративных прав при наследовании. Так, в абз. 1 п. 8 ст. 21 ФЗ «Об ООО», сказано, что устав ООО может предусматривать условие, согласно которому: 1) переход доли или части доли по наследству, как и её любое иное отчуждение в пользу третьих лиц, может быть произведено лишь с согласия остальных участников общества; 2) условие, предусматривающее запрет на отчуждение доли или части доли ООО в пользу третьих лиц, в т. ч. и наследование (абз. 2. п. 2 ст. 21 ФЗ «Об ООО»); 3) допускать наследование, как и любое другое отчуждение доли или ее части в пользу третьих лиц без каких-либо ограничений (абз. 1. п. 2 ст. 21 ФЗ «Об ООО»).

Подобные уставные положения могут быть установлены и в отношении долей ООО, при разделе совместно нажитого имущества супругов. Как справедливо указывает Ю. С. Харитонова, «сам по себе факт приобретения доли в уставном капитале в период брака одним из супругов не означает, что второй супруг обладает правом на участие в управлении делами

соответствующего общества»[1] *(см., также, напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021)*[2]. Подобного мнения придерживается Е. В. Олейник, которая утверждает, что «вхождение в состав участников второго супруга в результате раздела имущества невозможно ввиду того, что личность участника имеет для коммерческих корпораций важное значение»[3]. Как справедливо отмечают В. А. Лаптев и В. К. Андреев, «…носителем корпоративных прав является лицо, указанное в соответствующих реестрах (ЕГРЮЛ, реестре акционеров и т.д.)», что делает недопустимым «…произвольный доступ к участию в управлении обществом третьих лиц, в том числе супруги (супруга)»[4]. Однако, «второй супруг всё же «имеет право претендовать не только на имущественные права, возникающие из раздела доли в уставном капитале ООО, но и на соответствующие корпоративные права»[5], хоть и в действительности он может оказаться «чужим» по отношению к другим членам ООО и НПАО, что оправдано самой их сущностью, иначе они станут «объединением капитала, как публичное акционерное общество»[6].

Вместе с тем положения устава, ограничивающие возможность вхождения одного из супругов в состав общества, не могут ущемлять или лишать его базового права на долю. При разделе имущества супругов один из супругов вправе требовать соответствующего возмещения в денежной форме

---

[1] Харитонова Ю. С. Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО // Нотариальный вестник. 2023. № 11. С. 6.

[2] См. также: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.03.2025 № Ф09-7777/24 по делу № А76-17161/2024, Определением Верховного Суда РФ от 30.06.2023 № 200-ПЭК23 по делу № А40-284789/2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Олейник Е. В. Доля общества с ограниченной ответственностью как объект совместной собственности супругов в Российской Федерации и государствах - членах Евразийского экономического союза // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 36.

[4] Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Там же. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[6] Лаптев В. А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью … Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

или иным способом, предусмотренным соглашением сторон. В этой связи, при отсутствии согласия действующих участников хозяйственного общества на переход доли третьему лицу, получение выплаты действительной стоимости доли одним из супругов **становится ключевым инструментом защиты их интересов.** Как указывает Ю. С. Харитонова, «при наличии в уставе ООО запрета на отчуждение доли третьим лицам супруг приобретает право на действительную стоимость доли, причитающейся ему после раздела совместного имущества, автоматически»[1]. При этом разногласия при определении размера действительной стоимости доли разрешается путем назначения судебной экспертизы *(см., напр.: подп. «в» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»)*[2].

Подобный механизм установлен и в отношении наследования долей в уставном капитале. Так, в соответствии с абз. 2 п. 5 ст. 23 ФЗ «Об ООО», наследнику, на основании полученного и (ими) свидетельства о праве на наследство на долю в уставном капитале общества в соответствии с ч. 2 ст. 1176 ГК РФ должна быть выплачена действительная стоимость доли, размер которой, по мнению И. С. Самойлова, может быть совершенно несправедливым, в связи с тем, что «бухгалтерская оценка стоимости активов на практике может кардинально отличаться от реальной рыночной стоимости активов организации»[3]. Как указывает В. А. Лаптев, «видится некорректным утверждение о том, что действительная стоимость доли тождественна рыночной…» в связи с тем, что «…при установлении рыночной стоимости применяются доходный, затратный и сравнительный подходы, в то время как

[1] Харитонова Ю. С. Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО … С. 10.
[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3.
[3] Самойлов И. А. Проблемы наследования долей в уставных капиталах хозяйственных обществ: вопросы теории и практики // Наследственное право. 2018. № 2. С. 28.

действительная стоимость доли рассчитывается математическим путем расчета по показателям строк баланса»[1].

Отличный же от обозначенного способ определения размера действительной стоимости доли нашел свое отражение в п. 9 ст. 23 ФЗ «Об ООО» вновь принятого Федерального закона от 28.12.2025 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно положениям которого «в случае несогласия лица, которому должна быть выплачена действительная стоимость доли или части доли в уставном капитале общества, или самого общества с определением стоимости чистых активов общества на основании данных **бухгалтерской отчетности общества**… стоимость чистых активов общества для этих целей определяется **исходя из рыночной стоимости активов общества** и его обязательств»[2]. Для этого участнику общества необходимо направить обществу (до истечения срока исполнения обязанности общества по выплате действительной стоимости доли) соответствующее заявление, которое не требует нотариального удостоверения. В указанном случае стоимость чистых активов общества определит оценщик, привлеченный самим обществом и (или) лицом, которому должна быть выплачена действительная стоимость доли. При этом, уставом общества могут быть предусмотрены положения об определении действительной стоимости доли или части доли в уставном капитале общества в размере рыночной стоимости как при учреждении ООО, так и позднее, путем внесения изменений в устав. Исключить указанные положения из устава можно будет по решению общего собрания участников общества, принятому двумя третями голосов от общего числа голосов участников общества.

[1] Лаптев В. А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Собрание законодательства РФ. 2025. № 52 (часть I). Ст. 8301.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о **двойственности правовой природы доли в ООО**, переходящей одному из супругов в связи с разделом совместно нажитого имущества либо наследнику после открытия наследства. С одной стороны, если уставом общества предусмотрен запрет на переход доли третьим лицам либо установлена необходимость получения согласия остальных участников и такое согласие не получено, то супруг или наследник приобретает лишь имущественное право требования действительной стоимости доли (абз. 2 п. 5 ст. 23 ФЗ «Об ООО»). В такой ситуации у наследника или одного из супругов отсутствует возможность реализовывать корпоративные права, удостоверенные данной долей, в том числе и участвовать в управлении деятельностью общества, поскольку они получают лишь имущественное право на действительную стоимость доли. С другой стороны, при отсутствии ограничительных уставных положений либо при получении согласия других участников общества, супруг или наследник получает полный набор корпоративных прав, включая право на участие в управлении и принятии решений в деятельности ООО.

В данном случае следует согласиться с мнением Е. А. Козиной, которая считает справедливым выделять *«право на долю»*[1], в контексте возможности получения её денежного эквивалента. Речь идет о ситуации, когда наследник или один из супругов не может войти в состав участников ООО вследствие запрета, установленного уставом, либо несогласии других участников ООО на вхождение наследника или одного из супругов в общество. В таком случае, справедливым является признание права требовать выплаты действительной стоимости доли, что становится формой реализации его *«права на долю»* вне зависимости от факта участия в корпоративных отношениях и реализации корпоративных прав. Что же касается *«права из доли»,* то под ним следует понимать совокупность корпоративных прав, возникающих у участника

[1] Козина Е. А. К вопросу о причине правовых проблем наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Право и политика. 2015. № 12. С. 1743.

общества в силу принадлежности ему доли в уставном капитале, к числу которых следует относить, в частности, права на участие в управлении деятельностью общества, получение информации, участие в распределении прибыли и другие (ст. 65.2 ГК РФ). В отличие от *«права на долю»,* которое носит преимущественно имущественный характер и может быть реализовано вне зависимости от членства в обществе, *«права из доли»* реализуются исключительно участниками общества, то есть лицами, принятыми в состав участников в установленном порядке.

Таким образом, «*право на долю*» выполняет функцию обеспечительного механизма, позволяющего компенсировать невозможность участия наследника или супруга в корпоративных отношениях посредством получения действительной стоимости доли. Это право проявляется как имущественное притязание, не требующее наличия корпоративного статуса и не предполагающее включения лица в состав участников общества. В свою очередь, «*права из доли*», будучи непосредственно связанными с членством, отражают личный характер участия в обществе и возникают лишь у тех лиц, которые были включены в состав общества. Следовательно, отсутствие у наследника или супруга возможности войти в состав участников ООО автоматически исключает возможность реализации «*прав из доли*», независимо от факта принадлежности им имущественного «*права на долю*».

Продолжая исследование вопроса о возможности наследования доли (акций) в уставном капитале, следует отметить, что В. А. Лаптевым было выраженно мнение о том, что при наследовании доли в уставном капитале супруг (супруга) не выбывает «из материального правоотношения даже в случае оформления в качестве титульного собственника доли на умершего супруга (супругу) и непрерывно (в период брака) владел(-а) имуществом (долей), следовательно, при разделе имущества не происходит выбытие стороны из материально-правового отношения, а совершается процесс

переоформления собственности на долю в уставном капитале участника»[1]. Изложенная позиция подчеркивает принципиальное различие между формальным членством в хозяйственном обществе и материальным правом собственности на долю в его уставном капитале. Ограничение, связанное с личностью участника, блокирует прямое вхождение супруга в состав участников общества, если это предусмотрено уставом, но не аннулирует его вещное право на часть совместно нажитого актива в виде доли (акций) в уставном капитале.

Проанализировав законодательные положения и изучив доктринальные мнения ученых-цивилистов, справедливо возникает вопрос о том, какие правовые механизмы стоит использовать действующим участникам ООО для того, чтобы принадлежащая им доля в уставном капитале ООО гарантированно после их смерти перешла к их наследникам. При этом особую значимость представляет не только обеспечение выплаты действительной стоимости доли, но и возможность фактического включения наследника в состав участников общества с предоставлением ему полного комплекса корпоративных прав. Решение данного вопроса будет иметь особое значение не только для защиты имущественных интересов наследников, но и для стабильного функционирования и развития общества, а также предотвращения возможных конфликтов между его участниками.

Одним из способов разрешения данной проблемы, на наш взгляд, является **заключение корпоративного договора между участниками ООО** (ст. 67.2 ГК РФ), содержащего условие об обязанности голосовать на общем собрании участников ООО «ЗА», в том случае, если на повестку дня будет вынесен вопрос о возможности перехода доли в уставном капитале общества к наследнику(ам) умершего участника ООО. При этом в корпоративном договоре можно четко обозначить наследника(ов), которому(ым) перейдет доля наследодателя. Однако, такая конструкция **будет эффективно работать**

[1] Лаптев В. А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

лишь в случае наличия завещания (ст. 1118 ГК РФ), так как в противном случае, желаемому наследнику перейдет лишь часть, причитающаяся ему в порядке наследования по закону. В таком случае в ООО сохранится уставное положение, требующее согласия других участников на вступление наследников в ООО, что обеспечит «отсеивание» членства нежелательных наследников, однако в случае, когда между другими участниками ООО и наследодателем достигнут консенсус еще при жизни последнего, будет обеспечена возможность вхождения его наследника(ов) в состав ООО с наделением его (их) всеми корпоративными правами, в том числе и правом на управление *(см., напр.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.03.2019 № Ф10-6522/2018 по делу № А64-3065/2017)*[1].

Как указывает О. И. Гентовт, при наличии уставного положения о запрете на переход доли к третьим лицам или необходимости получения согласия других участников на такой переход невозможно заключение корпоративного договора, содержащего подобного рода условия, в связи с тем, что «… в рассматриваемом случае противоречие уставу представляется критичным …» и более того «…корпоративным договором вопросы, связанные с вступлением в общество наследников умерших граждан, решены быть не могут. Поэтому согласованное голосование некоторых участников по данному вопросу недопустимо как нарушающее действующее законодательство»[2]. Однако противоположное мнение было выражено в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором указано, что «стороны корпоративного договора не вправе ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества»[3]. Приведенное положение подтверждает, что корпоративный договор имеет самостоятельную

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[2] Гентовт О. И. Указ. соч. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
[3] Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2015.

юридическую силу и его действительность **не зависит от противоречий с уставом общества**, если стороны договора достигли соглашения о регулировании своих взаимных прав и обязанностей. Иными словами, корпоративный договор может фиксировать порядок действий участников ООО, включая согласованное голосование за вступление наследника, даже если устав предусматривает необходимость получения согласия на переход доли к третьим лицам.

О. И. Гентовт указывает, что «п. 8 ст. 21 ФЗ «Об ООО» является диспозитивным, поскольку допускает регулирование, отличное от установленного законом. Другое дело, что источником такого регулирования в соответствии с данной нормой может выступать только устав, но не корпоративный договор»[1]. Согласимся с ученым, но лишь в части того, что в уставе общества может содержаться условие о том, что переход доли к наследникам будет возможен лишь с согласия остальных участников общества (п. 8 ст. 21 ФЗ «Об ООО»). Мы не возражаем, что возможность перехода доли к наследнику определяется исключительно уставом общества и положениями законодательства (п. 8 ст. 21 ФЗ «Об ООО»), и не может быть установлена корпоративным договором самостоятельно, однако в исследуемом случае **корпоративный договор не создаёт возможности безусловного вступления наследника в общество**, он лишь закрепляет порядок действий участников при соблюдении уставных процедур, требующих одобрения перехода доли к наследнику. Корпоративный договор **обеспечивает согласованность действий участников общества**, при принятии решения о возможности вступления наследника в состав общества, фиксируя необходимость голосования «ЗА» переход доли к наследнику.

Далее перейдем к исследованию вопроса наследования акций НПАО, который уже долгое время является предметом научной дискуссии, в рамках которой в юридической доктрине сформировались две противоположные

[1] Гентовт О. И. Указ. соч. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

точки зрения. Первая из рассматриваемых нами точек зрения высказана И. А. Самойловым, который стоит на позиции того, что «основные проблемы для наследников акций в непубличных акционерных обществах порождают положения абз. 1 п. 5 ст. 7 ФЗ «Об АО», а именно возможность получения согласия акционеров на отчуждение акций третьим лицам, если это предусмотрено уставом общества»[1]. Так, в абз. 1 п. 5 ФЗ «Об АО», указано, что в уставе НПАО может быть предусмотрено положение, устанавливающее необходимость получения согласия акционеров на отчуждение акций третьим лицам, которое может действовать не более 5 лет с момента государственной регистрации НПАО. При этом в отличие от ООО у НПАО не возникает обязанности выплатить наследникам действительную стоимость акций при невозможности вхождения в состав участников общества. Единственным способом для наследников получить хотя бы какие-то денежные средства может быть реализация преимущественного права покупки этих акций другими участниками НПАО или самим обществом по цене, установленной уставом (п. 3 ст. 7 ФЗ «Об АО»). Однако даже в этом случае нет никакой гарантии, что право преимущественной покупки будет использовано, и наследник действительно получит деньги. В результате, наследники, которые получили акции НПАО в порядке наследования или раздела имущества, могут оказаться в сложной ситуации, при которой они будут фактически лишены возможности участвовать в управлении обществом и одновременно не иметь гарантии получения стоимости акций, по крайней мере до тех пор, пока действует положение устава, требующее согласия акционеров на отчуждение акций третьим лицам, если оно не будет продлено.

Иная позиция высказана С. Ю. Филипповой согласно мнению которой, «в отношении акций непубличного общества уставом могут устанавливаться

[1] Самойлов И. А. Проблемы наследования долей в уставных капиталах хозяйственных обществ: вопросы теории и практики … С. 27.

ограничения на обращение акций, но они не касаются наследования»[1]. Подобного же мнения придерживается А. Н. Левушкин и Э. Х. Надысева, которые указывают на то, что законодательство «не разделяет порядки наследования акций публичных акционерных обществ и непубличных»[2]. Ученые исходят из императивного правила п. 3 ст. 1176 ГК РФ, в соответствии с которым, «в состав наследства участника акционерного общества входят принадлежавшие ему акции. Наследники, к которым перешли эти акции, становятся участниками акционерного общества»[3]. Авторами подчёркивается, что формулировка закона носит императивный характер и не оставляет возможности для ограничения наследственного перехода акций даже уставом общества[4]. Наследники автоматически становятся участниками акционерного общества с момента открытия наследства, приобретая все права и обязанности, связанные с владением акциями, включая участие в управлении обществом, получение дивидендов и иные предусмотренные законом корпоративное права.

В бесспорном порядке правило абз. 1 п. 5 ст. 7 ФЗ «Об АО» применим к брачно-семейным отношениям, в том числе в случае расторжения брака или заключения брачного договора. Как указывает Д. О. Османова «если участник намерен передать соответствующие акции в рамках брачного договора второму супругу (как на случай расторжения брака, так и в иных ситуациях), то он должен получить согласие на такое отчуждение от иных акционеров общества»[5], а отсутствие такого согласия может привести к сложностям раздела имущества. Установленное уставом НПАО требование о

---

[1] Корпоративное право: учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». *(автор главы X «Учет и изменение состава участников корпорации» - С. Ю. Филиппова).*

[2] Левушкин А. Н., Надысева Э. Х. Переход семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 3. С. 11.

[3] Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

[4] Левушкин А. Н., Надысева Э. Х. Указ. соч. С. 11.

[5] Османова Д. О. Противопоставимость условий брачного договора интересам учредителей (участников) хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2023. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

необходимости получения согласия других акционеров на отчуждение акций третьим лицам приобретает особую значимость в подобных ситуациях, поскольку супруг, которому по условиям брачного договора, соглашения о разделе имущества и т. д. передаются акции, не является акционером общества на момент их заключения, и, следовательно, рассматривается в качестве третьего лица. Неполучение согласия других акционеров на такое отчуждение способно не только поставить под сомнение действительность соответствующей части брачного договора или соглашения о разделе имущества, но и может привести к правовым последствиям, предусмотренным законом, включая возможность признания сделки недействительной по иску других акционеров в течение трех месяцев со дня, когда они узнали или должны были узнать о таком нарушении (абз. 3 п. 5 ст. 7 ФЗ «Об АО»).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, приходим к выводу о том, что ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ при наследовании и (или) разделе совместно нажитого имущества супругов является необходимым инструментом обеспечения стабильности внутри хозяйственных обществ и предотвращения конфликтов между их участниками. В уставах хозяйственных обществ могут предусматриваться механизмы, посредством которых их действующие участники вправе контролировать возможность вхождения того или иного лица в состав участников общества. Эффективное регулирование вопросов наследования и раздела акций или долей в уставном капитале, также зависит и от развития механизмов предварительного согласования действий участников хозяйственных обществ. В этом контексте корпоративный договор выступает важным инструментом, позволяющим заранее закрепить порядок передачи долей (акций) при наследовании еще в период жизни наследодателя. Подобного рода договор обеспечивает прозрачность процедур, снижает риск конфликтов и создает правовую основу для защиты интересов как одного из супругов или наследников, так и самого хозяйственного общества и его участников. Корпоративный договор обеспечивает согласованность действий

участников хозяйственных обществ при принятии решения о возможности вступления наследника в состав общества, т. е. в нём фиксируется добровольное согласие участников на соблюдение уставного порядка, требующего выражения согласия на вступление наследников в состав общества.

Заключение

Настоящее диссертационное исследование позволило выявить ряд проблем при реализации корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, а также предложить пути их решения. Некоторые из предлагаемых автором выводов и предложений, несмотря на их отражение во введении к настоящему диссертационному исследованию как наиболее значимых и выносимых на защиту, тем не менее также приводятся и в этой части исследования, чтобы не нарушать представление о целостности и системности высказанных авторских выводов. В числе итоговых авторских выводов, доказанных и аргументированных в ходе диссертационного исследования, назовем наиболее знаковые, частично нашедшие отражение также в положениях, выносимых на защиту:

1. Юридические категории *«запрет»*, *«ограничение»* и *«предел»*, в связи с различием целей и оснований их установления, должны исследоваться как совершенно разные, но взаимосвязанные друг с другом правовые категории. Обосновано, что «ограничение» права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ сужает возможность реализации принадлежащих участникам общества управленческих правомочий, в то время как «запрет» осуществления права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ может исключать возможность реализации как самого корпоративного права в целом, так и его отдельных правомочий, что обусловлено существованием фундаментальных различий между ними, выраженных в: 1) основании их установления и снятия; 2) сроке установления; 3) степени влияния на правовой статус участников хозяйственных обществ. Ограничение корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ может быть снято путём совершения ограниченным в правах лицом действий, направленных на устранение причин, с которыми связано его установление, тогда как запрет не допускает такой возможности.

Установление *«запрета»* или *«ограничения»* в отношении осуществления правомочий по участию в управлении деятельностью хозяйственных обществ не влечет за собой их исключение из содержания самого субъективного корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ.

2. Право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ является основополагающим правом участников хозяйственных обществ, позволяющим влиять на приятие важных корпоративных решений, а также занимать должности в их органах управления и др. Содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ определяется совокупностью предоставленных участнику общества правомочий активного и пассивного типа, позволяющих оказывать влияние на принятие управленческих решений хозяйственного общества. Правомочия, составляющие содержание корпоративного права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ, следует рассматривать как совокупность предоставленных участникам хозяйственных обществ возможностей по оказанию влияния на принятие корпоративных решений. Право на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ принадлежит всем участникам, однако представление некоторых правомочий, составляющих его содержание может зависеть от количества (размера) принадлежащих участнику хозяйственного общества акций (долей) уставного капитала.

3. Установление различных видов запретов и ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ направлено на создание сбалансированной системы корпоративного управления. Запрет на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ устанавливается законом, судом, а также может возникать в силу административных решений, в то время как ограничения права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ могут быть установлены законом, договором, уставом и корпоративным договором. Установление каждого вида запретов и

ограничений права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ преследует свою уникальную цель, связанную: с минимизацией возможности влияния на управление деятельностью хозяйственного общества со стороны акционеров, владельцев привилегированных акций, ориентированных преимущественно на получение дивидендов; защитой интересов миноритариев и поддержанию баланса в управлении хозяйственным обществом и др.

4. Установление запрета на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ лицом, признанным банкротом, обусловлено необходимостью защиты интересов корпоративной организации, ее участников и кредиторов, а также обеспечения стабильности и добросовестности корпоративного управления, в связи с тем, что факт банкротства физического лица ставит под сомнение его деловую репутацию, компетентность и способность принимать взвешенные решения, что может отрицательно сказаться на деятельности общества. Установление запрета выступает не как мера юридической ответственности обанкротившегося лица, а как превентивный инструмент, направленный на поддержание стабильности и прозрачности корпоративного управления, позволяющий исключить из управления хозяйственными обществами тех лиц, чья финансовая грамотность и компетентность вызывает сомнения, в связи с тем, что повышается риск совершения ошибок или недобросовестных действий при принятии управленческий решений.

5. Факт дисквалификации руководителя организации лишает его права на законное осуществление функций по управлению хозяйственным обществом, а заключённые им сделки могут быть оспорены в судебном порядке. Дисквалификация является инструментом публичного права, однако следует констатировать двойственность её правовых последствий, в связи с тем, что с одной стороны она выступает видом административного наказания, выполняет карательную и превентивную функцию, направленную на пресечение и предупреждение злоупотреблений при осуществлении

управленческих функций, но с другой стороны оказывает существенное влияние на правовой статус руководителя хозяйственного общества, временно лишая его дальнейшей способности участвовать в деятельности по управлению хозяйственным обществом.

6. Установление законодательного запрета на участие государственных гражданских служащих в управлении деятельностью хозяйственных обществ обусловлено необходимостью соблюдения принципа равенства субъектов гражданских правоотношений, предотвращения конфликта интересов и обеспечения независимости государственной власти. Такой запрет способствует объективности принимаемых корпоративных решений и исключает использование публичной власти в личных целях.

7. Невозможен полный отказ от права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративном договоре. Ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ в корпоративном договоре допустимо лишь при соблюдении критериев допустимости ограничения корпоративных прав, соблюдение которых способно обеспечивать баланс между свободой договорного регулирования и защитой прав участников хозяйственных обществ, делая корпоративные правоотношения одновременно гибкими и защищёнными от злоупотреблений.

8. Ограничения прав акционеров при голосовании могут быть установлены законом, договором, уставом и корпоративным договором. Целью установления данных ограничений является поддержание устойчивости корпоративного управления и баланса интересов участников, предотвращение чрезмерной концентрации контроля в одних руках, обеспечение прозрачности принятия корпоративных решений, а также снижение риска злоупотреблений со стороны отдельных акционеров.

9. Ограничение права на участие в управлении деятельностью хозяйственных обществ при наследовании и разделе совместно нажитого имущества супругов обусловлено коллизией интересов семьи и хозяйственных

обществ, требующей сохранения стабильного состава участников обществ. В таких правоотношениях корпоративный договор играет ключевую роль, позволяя заранее определить порядок передачи долей ещё при жизни наследодателя и обеспечивая согласованность действий участников при решении вопроса о возможности вступления наследника в состав общества. Подобное регулирование способствует снижению риска возникновения конфликтов между наследниками и действующими участниками хозяйственных обществ, обеспечивает предсказуемость и прозрачность корпоративных процедур и позволяет поддерживать эффективное управление в хозяйственных обществах даже в условиях смены состава участников.

Библиография

I. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://www.pravo.gov.ru, 06.10.2022.

2. О Правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 06 ноября 2020 № 4-ФКЗ (ред. от 28 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4): федер. закон от 18 декабря 2006 № 230-ФЗ (ред. от 23 июля 2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. (1 ч.). Ст. 5496.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. (ч. 1). Ст. 1.

7. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 07 апреля 2025) // Собрание законодательства РФ. 2002 г. № 1. (ч. 1). Ст. 3.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 3): федер. закон от 26 ноября 2001 № 146-ФЗ (ред. от 08 августа 2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2): федер. закон от 26 января 1996 № 14-ФЗ (ред. от 24 июня 2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

10. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

12. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2025 № 514-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 52. (часть I). Ст. 8301.

13. Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями: федер. закон от 04 августа 2023 № 470-ФЗ (ред. от 31 июля 2025) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32. (часть I). Ст. 6202.

14. О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: федер. закон от 28 февраля 2023 № 42-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1565.

15. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21 декабря 2021 № 414-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции: федер. закон от 16 декабря 2019 № 432-ФЗ (ред. от 20 марта 2025) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 51. (часть I) Ст. 7484.

17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 октября 2018 № 382-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Российская газета. № 247. 2018.

18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции: федер. закон от 03 августа 2018 № 307-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Российская газета. № 170. 2018.

19. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции: федер. закон от 03 апреля 2017 № 64-ФЗ (ред. от 20 марта 2025) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 15. (часть I). Ст. 2139.

20. О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка: федер. закон от 13 июля 2015 № 223-ФЗ (ред. от 10 июля 2023) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. (часть I). Ст. 4349.

21. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции: федер. закон от 22 декабря 2014 № 431-ФЗ (ред. от 20 марта 2025) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 52. (часть I). Ст. 7542.

22. О Счетной палате Российской Федерации: федер. закон от 05 апреля 2013 № 41-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

23. О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2010 № 403-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

24. О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях: федер. закон от 02 июля 2010 № 151-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3435.

25. О кредитной кооперации: федер. закон от 18 июля 2009 № 190-ФЗ (ред. от 31 июля 2025) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29.Ст. 3627.

26. Об аудиторской деятельности: федер. закон от 30 декабря 2008 № 307-ФЗ (ред. от 25 октября 2024) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

27. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

28. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 02 марта 2007 № 25-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

29. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения требований к лицам, замещающим государственные или муниципальные должности, а также должности государственной или муниципальной службы: федер. закон от 02 марта 2007 № 24-ФЗ (ред. от 20 марта 2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1151.

30. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: федер. закон от 08 марта 2006 № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

31. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 № 79-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

32. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06 октября 2003 № 131-ФЗ (ред. от 20 марта 2025) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

33. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

34. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10 июля 2002 № 86-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

35. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 № 67-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

36. Об инвестиционных фондах: федер. закон от 29 ноября 2001 № 156-ФЗ (ред. от 23 мая 2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

37. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08 августа 2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. (часть I). Ст. 3431.

38. О статусе военнослужащих: федер. закон от 27 мая 1998 № 76-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

39. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08 февраля 1998 № 14-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

40. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 08 января 1998 № 6-ФЗ (ред. от 21 марта 2002) ***(в настоящее время утратил силу)*** // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 222.

41. О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апреля 1996 № 39-ФЗ (ред. от 27 октября 2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

42. Об акционерных обществах: федер. закон от 26 декабря 1995 № 208-ФЗ (ред. от 31 июля 2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

43. О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 08 мая 1994 № 3-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3466

44. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 № 3132-1 (ред. от 28 декабря 2025) // Российская газета. 1992. № 170.

45. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 января 1992 № 2202-1 (ред. от 29 декабря 2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

46. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02 декабря 1990 № 395-1 (ред. от 28 ноября 2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

47. О временном порядке принятия решений органами некоторых российских юридических лиц: указ Президента РФ от 17 января 2023 № 16 (ред. от 31.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 4. Ст. 626.

48. О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций): указ Президента РФ от 15 октября 2022 № 737 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 42. Ст. 7159.

49. Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами: указ Президента РФ от 08 сентября 2022 № 618 (с изм. от 15.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 37. Ст. 6316.

50. Об утверждении перечня экономически значимых организаций: распоряжение Правительства РФ от 01 марта 2024 № 491-р (ред. от 20 января 2026) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1475.

51. Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью: приказ Минэкономразвития России от 01.08.2018 № 411 (Зарегистрировано в Минюсте России 21.09.2018 № 52201) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

52. Об общих собраниях акционеров: положение Банка России от 16 ноября 2018 № 660-П (Зарегистрировано в Минюсте России 09 января 2019 № 53262) // Вестник Банка России. 2019. № 3.

II. Проекты нормативных правовых актов

53. Законопроект № 724347-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 32 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/724347-8 (дата обращения: 05.08.2025).

54. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 04/13/06-23/00139357) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.06.2023) URL: https://regulation.gov.ru/projects/139357/ (дата обращения 22.01.2026).

III. Международные и зарубежные акты

55. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948) // «Российская газета». 1995. № 67.

56. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН).

57. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (Принят 12 декабря 1996 Резолюцией 51/59 на 82-ом пленарном заседании 51-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

58. Insolvency Act. Schedule 4A, art. 4. URL: https://lexlaw.co.uk/wp-content/uploads/Insolvency-Act-1986-Lexlaw-Solicitors-and-Advocates-London-UK.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

59. Konkursloven URL: https://openlibrary.org/books/OL597005M/Konkursloven_af_1977 (дата обращения: 17.07.2025).

60. Закон Китайской Народной Республики о государственной службе (Принят на 15-м заседании ПК Всекитайского Собрания народных представителей 10-го созыва от 27 апреля 2005 года) URL: https://ozlib.com/1069844/pravo/zakon_kitayskoy_narodnoy_respubliki_gosudarstvennoy_sluzhbe (дата обращения 14.08.2025).

61. Закон от 2006 г. «О предотвращении конфликта интересов» (Conflict of Interest Act, 2006) URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-36.65/page-2.html#h-92254 (дата обращения 14.08.2025).

62. Gesetz zur Modernisierung des GmbH-Rechts und zur Bekämpfung von Missbräuchen («Закон о совершенствовании права обществ с ограниченной ответственностью и устранении злоупотреблений») URL: http://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/Downloads/DE/Bibliothek/Gesetzesmaterialien/16_wp/gmbhmomig/bgbl108s2026.pdf;jsessionid=FFEFE39F3BD88EE3D5C7A0533F91C1B4.2_cid329?__blob=publicationFile (дата обращения 23.07.2025).

63. Company Directors Disqualification Act 1986 («Закон о дисквалификации директоров компаний 1986 года») URL: https://en.wikisource.org/wiki/Company_Directors_Disqualification_Act_1986 (дата обращения: 23.07.2025).

IV. Диссертации, авторефераты диссертаций

64. Братко А. Г. Запреты в советском праве: автореф. дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1979. 18 с.

65. Гентовт О. И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2021. 263 с.

66. Дудченко А. Ю. Гражданско-правовые способы защиты прав и законных интересов участников корпоративных правоотношений при недружественном слиянии и поглощении хозяйственных обществ: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03. Краснодар, 2008. 24 с.

67. Ищук И. Н. Ограничения в праве: общетеоретический аспект: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2006. 169 с.

68. Каленский П. В. Дисквалификация как вид административного наказания: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.14. Ростов-на-Дону, 2005. 22 с.

69. Камышанский В. П. Ограничения права собственности: Гражданско-правовой анализ: дис. …докт. юрид. наук: 12.00.03. Санкт-Петербург, 2000. 357 с.

70. Комарова Т. Е. Функции запретов в механизме гражданско-правового регулирования дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2008. 255 с.

71. Котов И. В. Правовой статус членов саморегулируемых организаций: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3 М., 2024. 253 с.

72. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: Теорет.-информ. аспект: дис. …докт. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1995. 362 с.

73. Матузов Н. И. Теоретические проблемы субъективного права: автореф. дис. …докт. юрид. наук: 12.00.01. Харьков, 1973. 38 с.

74. Москаленко Т. О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2012. 32 с.

75. Семенюта С. Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 Омск, 2000. 215 с.

76. Слепченко Ю. Н. Запреты в административном праве: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.14. Воронеж, 2002. 233с.

77. Султыгов М. М. Запрет как метод правового регулирования: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 1996. 150 с.

78. Харитонова Ю. С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: автореферат дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.03. М., 2011. 68 с.

V. Монографии, комментарии, учебные пособия

79. Абрамов, В. Ю. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием / В. Ю. Абрамов, Ю. В. Абрамов. М.: Юстицинформ, 2021. 356 с.

80. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.

81. Александров, Н. Г. Правовые отношения в социалистическом обществе / Н. Г. Александров. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 45 с.

82. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. М.: Юрид. лит., 1981. 359 с.

83. Андреев, В. К. Корпоративное право современной России: монография / В. К. Андреев, В. А. Лаптев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 352 с.

84. Аристотель. Метафизика / пер. с древнегреч. В. И. Жданова. М.: Мысль, 1975. 45 с.

85. Бакунин, М. А. Избранные труды / М. А. Бакунин, П. И. Талеров, А. А. Ширинянц; авторы вступительной статьи А. А. Ширинянц, Ю. А. Матвеева, П. И. Талеров; комментарии, указатель имен П. И. Талеров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 816 с.

86. Братко, А. Г. Запреты в советском праве / А. Г. Братко; под редакцией Н. И. Матузова. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1979. 92 с.

87. Витченко, А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / А. М. Витченко; под редакцией М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974. 161 с.

88. Вольф, В. Ю. Основы учения о товариществах и акционерных обществах / В. Ю. Вольф. М.: Финансовое издательство, 1927. 169 с.

89. Габов, А. В. О выплате дивидендов по привилегированным акциям / А. В. Габов // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / [А. В. Алтухов, О. А. Беляева, Н. А. Бортникова и др.]; отв. ред. В. Ф. Яковлев. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2017. Вып. 22. 212 с.

90. Административное право: краткий курс лекций / Т. А. Гумеров. Казань: Магариф-Вакыт, 2014. 80 с.

91. Гегель, Г. В. Работы разных лет: в 2 томах. Т. 2 / Г. В. Гегель. М.: Мысль, 1971. 630 с.

92. Гентовт, О. И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография / О. И. Гентовт. М.: Статут, 2022. 214 с.

93. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 – 5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов [и др.]; под редакцией Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.

94. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. М.: Статут, 2000. 411 с.

95. Гримм, Д. Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права: Пролегомены к общей теории гражданского права. Т. 1 / Д. Д. Гримм. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1900. 300 с.

96. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 31 / М. М. Вильданова, О. В. Гутников, М. О. Дьяконова [и др.]; ответственный редактор О. В. Гутников, С. А. Синицын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2025. 144 с.

97. Долинская, В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции : монография / В. В. Долинская. Москва: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.

98. Иоффе, О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1949. 144 с.

99. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью. Итоги реформы / ответственный редактор А. А. Кузнецов. М.: Статут, 2024. 256 с.

100. Крылов, В. Г. Хозяйственные общества как форма ведения бизнеса: учебное пособие / В. Г. Крылов, И. А. Самойлов, К. А. Седгарян. М.: Статут, 2024. 272 с.

101. Жилищное право / под редакцией П. В. Крашенинникова. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 432 с.

102. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.

103. Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

104. Кудашкин, В. В. Гражданско-правовое регулирование в области военно-технического сотрудничества: учебное пособие / В. В. Кудашкин. М.: ОнтоПринт, 2022. 286 с.

105. Кузнецова, В. В. Труд руководителя организации. Правовое регулирование: монография / В. В. Кузнецова; ответственный редактор Ю. П. Орловский. М.: КОНТРАКТ, 2016. 156 с.

106. Лаптев, В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография / В. А. Лаптев. М.: Проспект, 2019. 384 с.

107. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс; предисловие и редакция А. Ческиса. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 502 с.

108. Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / ответственный редактор Д. В. Ломакин. М.: Статут, 2021. 414 с.

109. Лескова, Ю. Г. Актуальные проблемы корпоративного права: учебное пособие / Ю. Г. Лескова. Краснодар: КубГАУ, 2015. 79 с.

110. Ломакин, Д. В. Акционерное правоотношение / Д. В. Ломакин. М.: Снарк, 1997. 155 с.

111. Ломакин, Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие / Д. В. Ломакин. М.: Статут, 2020. 146 с.

112. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: учебное пособие / [сост. В. В. Маклаков]. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 581 с.

113. Корпоративное право: учебник / Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинскас, Е. П. Губин [и др.]; ответственный редактор И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2015. 1080 с.

114. Корпоративное право: учебник / ответственный редактор И. С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с.

115. Корпоративное право: учебный курс: в 2 томах / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.]; ответственный редактор И. С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1. 976 с.

116. Мескон, Майкл Х. Основы менеджмента / Майкл Х. Мескон, Майкл Альберт, Франклин Хедоури; перевод с английского и редакция О. И. Медведь. М.: Вильямс, 2016. 665 с.

117. Малумов, А. Ю. Комментарий к Федеральному закону от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (постатейный) / А. Ю. Малумов, П. А. Шевцов. М.: Деловой двор, 2009. 264 с.

118. Мелехин, А. В. Теория государства и права: учебник / А. В. Мелехин. М.: Маркет ДС корпорейшн, 2016. 295 с.

119. Могилевский, С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения / С. Д. Могилевский. М.: Статут, 2010. 421 с.

120. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. 248 с.

121. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Л. А. Морозова; М.: Эксмо, 2011. 512 с.

122. Матвеенко, П. В. Хозяйственные общества и унитарные предприятия / под редакцией Ю. Л. Фадеева. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

123. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник для высших учебных заведений / В. С. Нерсесянц; Институт государства и права Российской академии наук, Академический правовой университет. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 539 с.

124. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.

125. Осипенко, О. В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права / О. В. Осипенко. М.: Статут, 2018. 448 с.

126. Осипенко, О. В. Управление акционерным обществом в условиях реформы корпоративного права / О. В. Осипенко. М.: Статут, 2016. 400 с.

127. Лафарг, П. Происхождение и развитие собственности / П. Лафарг; перевод с французского издания 1895 г. Давыдовой; под редакцией С. Шевердина. М.: Московский рабочий, 1925. 207 с.

128. Писемский, П. А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права / П. А. Писемский. М.: тип. Грачева и К°, 1876. 230 с.

129. Руднев, П. А. Анализ прав и обязанностей акционеров / П. А. Руднев. М.: Изд-во Н.К.Ю. РСФСР, 1927. 42 с.

130. Рыбушкин, Н. Н. Запрещающие нормы в советском праве / Н. Н. Рыбушкин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 111 с.

131. Советское законодательство: пути перестройки / С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, А. Б. Венгеров [и др.]; ответственный редактор А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин. М.: Юридическая литература, 1989. 432 с.

132. Тарасов, И. Т. Учение об акционерных компаниях / И. Т. Тарасов. М.: Статут, 2000. 665 с. (Классика российской цивилистики / Кафедра гражданского права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова).

133. Тихонравов, Ю. В. Основы философии права : учебное пособие / Ю. В. Тихонравов. М.: Вестник, 1997. 604 с.

134. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под редакцией Г. Н. Скляревской; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. 701 с.

135. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» в новой редакции (постатейный) / В. В. Залесский, С. В. Соловьева, М. Ю. Тихомиров [и др.]; под редакцией М. Ю. Тихомирова. М.: Издательство Тихомирова М. Ю., 2007. 572 с.

136. Фаткулин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права / Ф. Н. Фаткулин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 334 с.

137. Чеговадзе, Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения / Л. А. Чеговадзе. М.: Статут, 2004. 539 с.

138. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели / Г. Ф. Шершеневич. М.: Статут, 2003. 394 с.

139. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права: в 4 томах. Т. 1: Теоретическая часть / Г. Ф. Шершеневич. М.: Бр. Башмаковы, 1910. 839 с.

140. Шиткина, И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах / И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2016. 556 с.

VI. Научные статьи

141. Абезин, Д. А. Ограничения и запреты в частном и публичном праве /Д. А. Абезин // Правовая культура. 2013. № 1 (14). С. 60–66.

142. Александрова, А. С. Способы ограничения права на управление в корпорации: общая характеристика и отличительные особенности / А. С. Александрова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 3. С. 37–41.

143. Алексеев, С. С. Правовые запреты в структуре советского права / С. С. Алексеев // Правоведение. 1973. № 5. С. 43–51.

144. Алистархов, В. Разная правовая природа понятий «отстранение от должности» и «приостановление полномочий» руководителя / В. Алистархов // Трудовое право. 2014. № 6. С. 25–36.

145. Андреев, В. К. О характере корпоративного договора / В. К. Андреев // Юрист. 2015. № 3. С. 4–10.

146. Андреев, В. К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридических лиц / В. К. Андреев // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 58–68. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnoe-grazhdanskoe-pravo-i-inye-proyavleniya-voli-i-interesa-v-deyatelnosti-yuridicheskih-lits (дата обращения: 27.04.2025).

147. Бабаев, А. Б. Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений / А. Б. Бабаев // Вестник гражданского права. 2007. № 4. С. 5–22.

148. Беженар, А. Н. Место и роль совета директоров в системе корпоративного управления в акционерном обществе / А. Н. Беженар // Право и экономика. 2019. № 1 (371). С. 36–40.

149. Бородавкина, Н. М. Ограничения и запреты в гражданском праве / Н. М. Бородавкина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4 (165). С. 236–239.

150. Бородкин, В. Г. Корпоративный договор в период реформирования Гражданского кодекса РФ / В. Г. Бородкин // Закон. 2014. № 3. С. 160–174.

151. Брагина, М. М. Правовой статус личности / М. М. Брагина // Вестник магистратуры. 2014. № 10 (37). С. 145–147.

152. Братусь, С. Н. О пределах осуществления гражданских прав / С. Н. Братусь // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1967. № 3. С. 79–86.

153. Васильев, А. М. Диалектическая связь категорий общей теории права / А. М. Васильев // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 10-18.

154. Габов, А. В. Запреты и ограничения для граждан на участие в учреждении юридического лица в законодательстве о государственной регистрации юридических лиц / А. В. Габов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1. С. 33-44.

155. Габов, А. В. Антисанкционные меры в российском праве / А. В. Габов // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 3. С. 96-141. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antisanktsionnye-mery-v-rossiyskom-prave (дата обращения: 11.04.2026).

156. Герасименко, К. С. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: ограничение и отказ от их реализации в корпоративном договоре / К. С. Герасименко // Гражданское право. 2023. № 5. С. 10–14.

157. Голубева, Т. Ю. Некоторые особенности правового регулирования труда единоличного исполнительного органа юридического лица / Т. Ю. Голубева, Д. Э. Мельник // Гражданское право. 2023. № 5. С. 6-9.

158. Гомонов, С. А. Дисквалификация в административном праве / С. А. Гомонов // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 41–43.

159. Грибов, Н. Д. Обязанности участников корпорации / Н. Д. Грибов // Правосудие 2021. Т. 3, № 1. С. 128–147.

160. Григорьев, В. Постбанкротные ограничения прав граждан: оставить нельзя отменить / В. Григорьев // Цивилистика. 2021. Т. 2, № 5. С. 155–173.

161. Григорьев, Н. Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ / Н. Д. Григорьев // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 34–38.

162. Гришаев, С. П. Эволюция законодательства о юридических лицах / С. П. Гришаев. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/57473566/ (дата обращения 18.11.2025).

163. Гутенева, А. В. Торговый и корпоративный договоры: проблемы соотношения и тенденции применения в деловой практике / А. В. Гутенева // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1. С. 102–109.

164. Гутников, О. В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права / О. В. Гутников // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 54–65.

165. Джиджавадзе, Л. Г. Понятие ограничений в праве / Л. Г. Джиджавадзе // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2022. № 21. С. 160–162.

166. Дубровина, Д. Д. Юридическая ответственность работников организаций, поставляющих юридические услуги / Д. Д. Дубровина, В. А. Климова, Е. С. Балашова // Право, как искусство добра и справедливости: сборник научных трудов 3-й Всероссийской научной конференции памяти

д. ю. н., профессора О. Г. Лариной / Юго-Западный государственный университет [и др.]. Курск, 2022. С. 96–99.

167. Долинская, В. В. Правовой статус и правосубъектность / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6 - 19.

168. Ерошкина, А. М. Дисквалификация как вид административного наказания / А. М. Ерошкина, Е. М. Осипова // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: сборник научных статей 12-й Всероссийской научно практической конференции с международным участием, Курск, 30 декабря 2022 года. Том 1. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 262-265.

169. Зайчиков, Я. В. Юридические препятствия как средство правового регулирования общественных отношений / Я. В. Зайчиков // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2014. № 1 (1). С. 89–93.

170. Иванов, Э. И. Понятие субъективного права / Э. И. Иванов // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 182–191. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-subektivnogo-prava-1 (дата обращения: 15.04.2025).

171. Иоффе О.С. Юридические нормы и человеческие поступки / О. С. Иоффе // Актуальные вопросы советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1964. Вып. 36. С. 10-51

172. Карпычев, М. В. О некоторых ограничениях имущественных прав при прохождении службы в органах внутренних дел / М. В. Карпычев, А. М. Хужин // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 496–498. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-ogranicheniyah-imuschestvennyh-prav-pri-prohozhdenii-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del (дата обращения 14.08.2025).

173. Качалова, А. В. О свободе корпоративного договора и ее пределах / А. В. Качалова // Законодательство. 2018. № 9. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/77520616/ (дата обращения 18.04.2025).

174. Киселёв, С. Г. Правовой статус государственного гражданского служащего / С. Г. Киселёв // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 2. С. 61–65. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-gosudarstvennogo-grazhdanskogo-sluzhaschego (дата обращения: 27.05.2025).

175. Козина, Е. А. К вопросу о причине правовых проблем наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / Е. А. Козина // Право и политика. 2015. № 12. С. 1742–1749.

176. Колесников, О. П. Пределы субъективных гражданских прав / О. П. Колесников // Журнал российского права. 2007. № 12 (132). С. 37–43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predely-subektivnyh-grazhdanskih-prav (дата обращения: 15.04.2025).

177. Комарова, Т. Е. Некоторые вопросы теории запретов в гражданском праве / Т. Е. Комарова // Законодательство. 2007. № 12. С. 7–14.

178. Кораев, К. Б. Правовое регулирование процедуры реализации имущества гражданина / К. Б. Кораев // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 55–58.

179. Королев, В. С. Лица, имеющие право участвовать в общем собрании акционеров и участников / В. С. Королев // Гражданское право. 2018. № 3. С. 37–39.

180. Краецкая, Е. Исключение акционера из общества / Е. Краецкая // Юридический справочник руководителя. 2023. № 1. С. 66–74.

181. Кузовков, В. В. О процессуальном принуждении в сфере публичных финансов / В. В. Кузовков // Финансовое право. 2007. № 9. С. 2–5.

182. Куревина, Л. В. Вопрос-ответ / Л. В. Куревина // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2017. № 1. С. 73–74.

183. Лаптев, В. А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / В. А. Лаптев // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 3–36.

184. Лаптев, В. А. Корпоративная собственность – юридический прием корпоративного права / В. А. Лаптев // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. С. 62–68.

185. Лаптев, В. А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений / В. А. Лаптев // Предпринимательское право. 2016. № 1. С. 23–31.

186. Левушкин, А. Н. Переход семейного бизнеса по наследству / А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева // Наследственное право. 2021. № 3. С. 8–12.

187. Ловков, М. И. Об отдельных запретах и ограничениях прав работников государственных корпораций / М. И. Ловков // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 59–68. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otdelnyh-zapretah-i-ogranicheniyah-prav-rabotnikov-gosudarstvennyh-korporatsiy (дата обращения: 14.04.2025).

188. Ловцов, А. Н. Предел как компонент правового ограничения: теория и практика / А. Н. Ловцов // Современное общество и право. 2019. № 1 (38). С. 3–10.

189. Ломакин, Д. В. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: актуальные проблемы и перспективы нормативного регулирования / Д. В. Ломакин // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 2. С. 28–34.

190. Ломакин, Д. В. Общая характеристика прав и обязанностей участников общества с ограниченной ответственностью / Д. В. Ломакин // Гражданское право. 2021. № 2. С. 3–12.

191. Лубский, Р. А. Становление и перспективы развития института административных наказаний (на примере дисквалификации) / Р. А. Лубский, Р. А. Пестов, В. А. Соколов // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 3 (27). С. 11–16.

192. Макарова, О. А. Пределы свободы корпоративного договора / О. А. Макарова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 55–59.

193. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 3(222). С. 134-147.

194. Мельник, Д. Э. К вопросу о запрете на участие в управлении деятельностью хозяйственного общества лицом, признанным банкротом / Д. Э. Мельник // Гражданское право. 2025. № 2. С. 43–46.

195. Мельник, Д. Э. К вопросу о ситуационной трансформации корпоративных прав и обязанностей / Д. Э. Мельник // Гражданское право. 2025. № 5. С. 25–29.

196. Мельник, Д. Э. Корпоративный договор как средство ограничения корпоративных прав участников хозяйственных обществ / Д. Э. Мельник // Юридический мир. 2026. № 2. С. 32–35.

197. Мельник, Д. Э. Роль дисквалификации в установлении запрета на участие в управлении деятельностью корпорации / Д. Э. Мельник // Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники: сборник статей Международной научно-практической конференции, Челябинск, 15 ноября 2025 года. Уфа: Аэтерна, 2025. С. 124–128.

198. Мохов, А. А. Дисквалификация как мера юридической ответственности фармацевтического работника / А. А. Мохов // Медицинское право. 2009. № 4. С. 18–21.

199. Нурмагамбетов, Р. Г. Конституционно-правовые запреты, ограничения и дозволения как способы правового регулирования общественных отношений / Р. Г. Нурмагамбетов // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 12 (90). С. 71–78.

200. Олейник, Е. В. Доля общества с ограниченной ответственностью как объект совместной собственности супругов в Российской Федерации и

государствах – членах Евразийского экономического союза / Е. В. Олейник // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 32–36.

201. Осипенко, О. В. Право, как обязанность: корпоративно-управленческий аспект. Часть 2 / О. В. Осипенко // Вестник арбитражной практики. 2021. № 3. С. 3–14.

202. Осипова, А. Е. Сущность и правовая природа корпоративного договора / А. Е. Осипова // Молодой ученый. 2023. № 17 (464). С. 420–423.

203. Османова, Д. О. Противопоставимость условий брачного договора интересам учредителей (участников) хозяйственного общества / Д. О. Османова // Хозяйство и право. 2023. № 1. С. 54–74.

204. Поваров, Ю. С. Вопросы реализации гражданином-банкротом прав участника юридического лица / Ю. С. Поваров // Право и экономика. 2018. № 10 (368). С. 64–68.

205. Подмарев, А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия / А. А. Подмарев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 9–17.

206. Самойлов, И. А. К вопросу о классификации корпоративных прав участников хозяйственных обществ / И. А. Самойлов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 27–32.

207. Самойлов, И. А. Проблемы наследования долей в уставных капиталах хозяйственных обществ: вопросы теории и практики / И. А. Самойлов // Наследственное право. 2018. № 2. С. 26–28.

208. Сергеев, А. С. Человекоразмерные системы. Проблемы развития, функционирования, взаимодействия / А. С. Сергеев // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 11. С. 33–37.

209. Ситдикова, Л. Б. Принцип свободы договора в системе регулирования корпоративных отношений / Л. Б. Ситдикова // Юрист. 2024. № 11. С. 20–25.

210. Скрипель, В. А. Соотношение дозволения, запрета и позитивного обязывания как способов правового регулирования общественных отношений / В. А. Скрипель, К. А. Скрипель // Приоритетные направления развития науки и образования. 2015. № 4(7). С. 351-353.

211. Скоробогатов, А. В. Правовой запрет как средство совершенствования правовой реальности / А. В. Скоробогатов // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 319–326. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-zapret-kak-sredstvo-sovershenstvovaniya-pravovoy-realnosti/viewer (дата обращения 10.04.2025).

212. Скудутис, М. Особенности отношений с некоторыми работниками / М. Скудутис // Кадровый вопрос: электронный журнал. 2011. № 6. С. 65–76.

213. Слесарев, С. Карающий меч закона, или забыть о долгах? / С. Слесарев // Трудовое право. 2015. № 12. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/57332268/ (дата обращения 18.11.2025).

214. Соловьева, Г. А. Дисквалификация: правовые основания / Г. А. Соловьева // Отдел кадров бюджетного учреждения. 2010. № 6. С. 17–25.

215. Сосула, А. А. Содержание субъективного корпоративного права / А. А. Сосула // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXVIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2019 года: в 2 частях. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. Ч. 2. С. 134–141.

216. Степанова, А. А. Добросовестность как принцип современного российского гражданского права / А. А. Степанова // Молодой ученый. 2023. № 48 (495). С. 405–407.

217. Суменков, С. Ю. Понятие и признаки пределов в праве / С. Ю. Суменков, А. Н. Ловцов // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 30–34.

218. Суховская, М. Г. Если директора ООО дисквалифицировали / М. Г. Суховская // Главная книга. 2012. № 14. С. 65–67.

219. Томилин, А. А. Понятие и правовая основа дисквалификации / А. А. Томилин // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 1170–1178.

220. Травников, Н. О. «Предел» и «ограничение» в праве: теоретико-правовой анализ понятий / Н. О. Травников // Государство и право. 2017. № 7. С. 104–109.

221. Троицкая, А. А. Пределы и ограничения основных прав личности: пределы соотношения понятий / А. А. Троицкая // Вестник Московского государственного университета. Серия 11: Право. 2007. № 3. С. 99–113.

222. Федоренко, В. И. Свобода экономической деятельности в Российской Федерации: понятие, пределы и ограничения / В. И. Федоренко // Вестник СГЮА. 2019. № 6 (131). С. 70–77. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-predely-i-ogranicheniya (дата обращения: 14.04.2025).

223. Хажеев, И. Д. Правовая природа ограничений прав на земельные участки / И. Д. Хажеев // Аллея науки. 2023. Т. 2, № 12 (87). С. 385–391.

224. Хамизова, С. А. Конфликт интересов и его типовые ситуации на службе в уголовно-исполнительной системе / С. А. Хамизова // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 43–47.

225. Харитонова, Ю. С. Управление в корпорации: новеллы гражданского кодекса РФ / Ю. С. Харитонова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 57–66.

226. Харитонова, Ю. С. Ограничение правоспособности гражданина, признанного банкротом / Ю. С. Харитонова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 24–29.

227. Харитонова, Ю. С. Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО / Ю. С. Харитонова // Нотариальный вестник. 2023. № 11. С. 5–14.

228. Харитонова, Ю. С. Пределы усмотрения нотариуса при выборе кандидатуры управляющего для учреждения доверительного управления

наследственной массой / Ю. С. Харитонова // Нотариальный вестник. 2022. № 7. С. 24–30.

229. Хвостова, А. В. Ограничение как понятие общей теории права / А. В. Хвостова // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 249–252.

230. Черкасов, К. В. Некоторые аспекты совершенствования законодательства в области разрешения конфликта интересов на государственной службе / К. В. Черкасов // Гражданин и право. 2014. № 2. С. 3–10.

231. Шабуров, А. С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий / А. С. Шабуров // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 365-371.

232. Шиткина, И. С. Правовой режим сделок, в совершении которых имеется заинтересованность / И. С. Шиткина // Закон. 2016. № 12. С. 123–138.

233. Шиткина, И. С. Уставы российских хозяйственных обществ: какими им быть? / И. С. Шиткина // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 14–23.

234. Шиткина, И. С. Вопросы корпоративного права в позициях Конституционного Суда РФ / И. С. Шиткина, Э. Э. Музафаров, В. А. Наймушина, К. В. Севеева // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 3–28.

VII. Акты органов судебной власти

235. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.09.2025 № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 32 и пункта 3 статьи 42 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой граждан Беблова Александра Павловича, Бебловой Елены Геннадьевны и других» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 40. Ст. 5944.

236. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1551-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного

общества «Инвестиционная компания «Ленмонтажстрой» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 статьи 84.7 Федерального закона «Об акционерных обществах». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

237. Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 580-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Митина Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом «ф» пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

238. Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 581-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Нагайцевой Елены Юрьевны на нарушение ее конституционных прав абзацем вторым подпункта «ф» пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и положением части 3 статьи 6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

239. Определение Конституционного Суда РФ от 13.03.2018 № 582-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Долженко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом «ф» пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

240. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. № 145. 2018.

241. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

Гражданского кодекса Российской Федерации») // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2015.

242. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2009.

243. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3.

244. «Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г.» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2024.

245. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2020.

246. «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2020.

247. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 4.

248. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2018.

249. Определение Верховного Суда РФ от 30.06.2023 № 200-ПЭК23 по делу № А40-284789/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

250. Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2022 № 301-ЭС22-12909 по делу № А31-17894/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

251. Определение Верховного Суда РФ от 20.02.2020 № 308-ЭС19-26608 по делу № А32-33061/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

252. Определение Верховного Суда РФ от 16.07.2018 № 305-ЭС18-11672. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

253. Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2018 № 301-ЭС18-635 по делу № А79-11773/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

254. Постановление Верховного Суда РФ от 20.04.2016 № 305-АД15-19535 по делу № А40-51200/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

255. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2016 г. № 308-ЭС15-18008 по делу № А32-35215/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

256. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2016 № 310-ЭС15-18228 по делу № А48-5675/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

257. Определение ВАС РФ от 25.12.2013 № ВАС-17250/13 по делу № А27-12494/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

258. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 3330/13 по делу № А41-41903/10 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.

259. Постановление Президиума ВАС РФ от 03.06.2008 № 1154/08 по делу № А05-3791/2007 // Вестник ВАС РФ. № 9. 2008.

260. Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. № 8. 2004.

261. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 (ред. от 16.05.2014) «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник ВАС РФ. № 1. 2004.

262. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.07.2003 № 72 «Обзор практики принятия арбитражными судами мер по обеспечению исков по спорам, связанным с обращением ценных бумаг» // Вестник ВАС РФ. № 9. 2003.

263. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 23.10.2000 № 57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 12. 2000.

264. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

265. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429 по делу № А41-20557/2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

266. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.03.2025 № АПЛ25-56. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

267. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.05.2025 № Ф10-1129/2025 по делу № А54-3366/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

268. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.03.2025 № Ф09-7777/24 по делу № А76-17161/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

269. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.03.2025 № Ф08-12298/2024 по делу № А53-22563/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

270. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.02.2025 № Ф08-464/2025 по делу № А61-4277/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

271. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13.02.2025 № Ф02-6197/2024, Ф02-388/2025, Ф02-6192/2024 по делу № А19-9218/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

272. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.02.2025 № Ф03-206/2025 по делу № А59-6561/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

273. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.09.2024 № Ф02-3317/2024, Ф02-3312/2024 по делу № А19-23480/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

274. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.07.2024 № Ф09-3605/24 по делу № А07-30806/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

275. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20.05.2024 № Ф10-1677/2024 по делу № А64-8095/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

276. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.04.2024 № Ф05-992/2023 по делу № А40-163862/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

277. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.10.2023 № Ф08-9451/2023 по делу № А32-51413/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

278. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.04.2023 № Ф04-1990/2021 по делу № А70-13003/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

279. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2023 № Ф05-23262/2021 по делу № А40-185280/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

280. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.07.2022 по делу № А12-31420/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

281. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.12.2019 по делу № А46-21425/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

282. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.03.2019 № Ф10-6522/2018 по делу № А64-3065/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

283. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31.03.2017 № Ф03-691/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

284. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.08.2015 № Ф03-2872/2015 по делу № А24-4503/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

285. Постановление ФАС Поволжского округа от 27.12.2013 г. по делу № А55-5450/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

286. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27.06.2013 № Ф03-2024/2013 по делу № А24-3718/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

287. Постановление ФАС Поволжского округа от 10.08.2009 по делу № А57-598Б/06. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

288. Постановление ФАС Московского округа от 19.06.2007, 02.07.2007 № КГ-А41/5563-07 по делу № А41-К1-20186/06; Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

289. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2023 по делу № 88-15626/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

290. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2023 по делу № 88-13274/2023 (УИД 23RS0019-01-2022-002270-48). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

291. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2022 № 88-2778/2022 (УИД 54RS0010-01-2020-005174-27). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

292. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.08.2021 № 88-13316/2021 (УИД 54RS0010-01-2020-001008-12). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

293. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2025 № 11АП-12498/2024 по делу № А65-12029/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

294. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2025 № 18АП-15408/2024 по делу № А07-11168/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

295. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2024 № 17АП-12304/2024(1)-АК по делу № А50-21994/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

296. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2024 № 18АП-5121/2024 по делу № А47-20140/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

297. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2024 № 18АП-547/2024 по делу № А76-39577/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

298. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2023 № 11АП-8519/2023 по делу № А49-763/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

299. Постановления Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 16.08.2022 по делу № А70-3234/2022. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

300. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2021 № 01АП-284/2017 по делу № А79-6522/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

301. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.06.2019 № 15АП-8126/2019 по делу № А32-33061/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

302. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2019 № 17АП-16710/2017-АК по делу № А60-28219/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

303. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2017 № 07АП-3457/2017 по делу № А45-24664/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

304. Постановления Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.04.2017 года по делу № А09-8807/2016. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

305. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2015 № 07АП-9663/2015 по делу № А45-12229/2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

306. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2014 № 17АП-10392/2014-ГК по делу № А71-2951/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

307. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2008 № 07АП-5546/08 по делу № А45-5208/2008-31/52. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

308. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 02.10.2024 № 33-8065/2024 (УИД 29RS0018-01-2024-002012-78). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

309. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 30.07.2024 № 33-4942/2024 (УИД 27RS0006-01-2024-000430-78). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

310. Решение Арбитражного суда Магаданской области от 03.07.2025 по делу № А37-472/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

311. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 17.01.2025 по делу № А76-27192/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

312. Решение Арбитражного суда Пензенской области от 18.04.2023 по делу № А49-763/2023. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

313. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 31.01.2022 по делу № А40-185725/21-189-1397. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

314. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12.03.2021 по делу № А33-37051/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

315. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 04.12.2020 по делу № А45-6005/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

316. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 09.07.2019 по делу № А40-266761/18-57-1490. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

317. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21.12.2018 по делу № А40-243412/18-159-2001. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

318. Решение Арбитражного суда Брянской области от 13.06.2018 по делу № А09-11160/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

319. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 09.04.2013 по делу № А27-12494/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

320. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.11.2010 по делу № А40-140918/09-132-894. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

321. Решением Арбитражного суда Ростовской области от 30.12.2008 по делу № А53-12650/2008-С3-15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

322. Определение Зуевского районного суда Кировской области от 05.03.2025 № 2а-2/33/2025 (УИД 43RS0013-02-2025-000010-48). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

323. Решение Свердловского районного суда города Белгорода от 11.12.2024 № 12-268/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

324. Решение Октябрьского районного суда города Архангельска от 01.07.2024 по делу № 2-2165/2024 (УИД 29RS0018-01-2024-002012-78). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

325. Решение Благовещенского городского суда Амурской области от 15.02.2024 № 2-1506/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

326. Решение Советского районного суда города Краснодара от 15.02.2022 по делу № 2-3302/2022 (2-12245/2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

VIII. Иные документы и справочные материалы

327. О положениях о совете директоров и о комитетах совета директоров публичного акционерного общества: письмо Банка России от 15 сентября 2016 № ИН-015-52/66 // Вестник Банка России. № 85. 2016.

328. Внутренний стандарт «Требования к деловой репутации должностных лиц СРО НФ» URL: https://nfa.ru/upload/iblock/cb6/Novaya-redaktsiya-VS-Trebovaniya-k-delovoy-reputatsii.pdf (дата обращения 16.06.2025).

329. О направлении обзора судебной практики» (вместе с «Обзором судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2023): письмо ФНС России от 27 декабря 2023 № КВ-4-14/16340@. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

330. Устав непубличного акционерного общества «Невский экологический оператор» URL: https://spb-neo.ru/upload/docs/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2.pdf (дата обращения 21.06.2025).

331. Устав Общества с ограниченной ответственностью «Компания» URL: https://codexspb.ru/netcat_files/userfiles/Docs/ustav-ooo.pdf (дата обращения 21.06.2025).

332. Устав ПАО «Газпром» URL: https://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/gazprom-articles-2025-06-27-ru.pdf (дата обращения 14.07.2025).

333. Положение об Общем собрании акционеров ПАО «Газпром» URL: https://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/regulations-shareholders-meeting-2023-06-30-ru.pdf (дата обращения 14.07.2025).

334. Устав ПАО «Нефтяная компания «Роснефть» URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/rosneft_charter2.pdf (дата обращения 14.07.2025).

335. Устав «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» URL: https://nornickel.ru/upload/iblock/649/pfo5qyew80sfimis8ue2kry7736gq0lw/ustav_pao_gmk_norilskij_nikel_redakciya_11.pdf (дата обращения 14.07.2025).

336. Устав ПАО «Сбербанк» URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/ustav_pao_sberbank_21042023.pdf (дата обращения 14.07.2025).

337. Устав ПАО «ВТБ» URL: https://www.vtb.ru/media-files/vtb.ru/sitepages/ir/disclosure/documents/ustav_banka_vtb_21022025.pdf (дата обращения 14.07.2025).

338. Устав НПАО «Финансовые системы» URL: https://www.e-disclosure.ru/portal/FileLoad.ashx?Fileid=182922 (дата обращения 14.07.2025).

339. Устав ООО «ЭН+ ГИДРО» URL: https://www.eurosib.ru/upload/Устав%20ЭН+ГИДРО%20от%2009.10.2024_в%20новой%20редакции.pdf (дата обращения 14.07.2025).

340. Устав ООО «Транснефть - Восток» URL: https://восток.транснефть.рф/upload/iblock/7b9/lydniw2h8whbz8at4xi10mvo3zvdw4rg/116._novii_ystav_protokol_11_ot_27.04.2018_.pdf (дата обращения 14.07.2025).

341. Устав ПАО «ЛУКОЙЛ» URL: https://lukoil.ru/FileSystem/9/691850.pdf?dl=1 (дата обращения 15.07.2025).

342. Устав ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина URL: https://www.tatneft.ru/uploads/publications/67c1429675d65048013688.pdf (дата обращения 15.07.2025).

343. Положение о совете директоров публичного акционерного общества «Южно-уральский никелевый комбинат» (ПАО «Комбинат

Южуралникель URL: https://unickel.ru/upload/iblock/d1d/1sczp08c62vdmsna9w8vkpas5wcdqfrv.pdf (дата обращения 22.01.2026).

344. Положение о совете директоров Акционерного общества «Группа Позитив» URL: https://group.ptsecurity.com/storage/documents/corporate/board_directors.pdf (дата обращения 22.01.2026).

345. «Методические рекомендации по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 - 29.05.2010) // Нотариальный вестник. № 2. 2011. URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=110482&dst=1000000001&cacheid=5552ADD952CA7D62038548F9537B7C14&mode=splus&rnd=oL1zGA#fZZbu3VmcbRmw2SK (дата обращения 22.10.2025).

346. Словарь бизнес-терминов URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/3678 (дата обращения: 21.07.2025).

347. Словарь иностранных слов русского языка URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/ (дата обращения: 21.07.2025).

348. Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge., Cambridge University Press. 2009. URL: https://archive.org/details/cambridgeacademi00camb/page/n1211/mode/2up (дата обращения 12.04.2025).

349. Макаров А. Н. Полный немецко-русский словарь URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003590463/ (дата обращения 12.04.2025).

350. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка Том 1 (1935) URL: https://archive.org/details/1-1935_202412/Ушаков%20Д.Н.%20-%20Толковый%20словарь%20русского%20языка%20Том%201%20%281935%29/ (дата обращения 12.04.2025).

351. В. И. Даль Толковый словарь живого великорусскаго языка Том 2 (1905) URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003972234/ (дата обращения 12.04.2025).

352. De Hoghton C. The Company: Law, Structure and Reform in Eleven Countries. Published by Allen & Unwin Ltd. London. UK. 1970. P. 394. URL: https://www.amazon.com/Company-Structure-Countries-Studies-corporation/dp/0043470017 (дата обращения 26.11.2025).

353. Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma117219.htm?cmd=2&istext=1 (дата обращения 09.06.2025).

354. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. URL: https://xvi-xvii.iling.spb.ru/ (дата обращения 09.06.2025).

355. Математическая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/mathematics_encyclopedia/%D0%92%D0%B8%D0%B4 (дата обращения 09.06.2025).

356. Толковый словарь Ушакова. URL: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения 09.06.2025).

357. Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1931/%D0%92%D0%98%D0%94 (дата обращения 09.06.2025).

358. Залогодержатель проголосовал против принятия решения, влекущего право требовать выкупа акций URL: https://ao-journal.ru/zalogoderzhatel-progolosoval-protiv-prinyatiya-resheniya-vlekushchego-pravo-trebovat-vikupa-aktsiy (дата обращения 22.06.2025).

359. Энциклопедия решений. Дополнительные права участников ООО, предусмотренные уставом (июнь 2025) URL: https://base.garant.ru/58078113/ (дата обращения 14.07.2025).

360. Дисквалификация Руководителя ООО по законодательству России, Великобритании и Германии URL:

https://zakon.ru/blog/2017/02/09/diskvalifikaciya_rukovoditelya_ooo_po_zakonodatelstvu_rossii_velikobritanii_i_germanii (дата обращения: 23.07.2025).

361. Интервью: Проблемы исполнения административных наказаний («ЭЖ-Юрист». 2006. № 46) URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=15144&cacheid=70B7FEBA9D60E45D9B38CF3151BE2D5B&mode=splus&rnd=NA8jBQ#Y6QIRsUaOadspdmc (дата обращения 30.07.2025).

362. Банкротства в России: итоги 2025 года. Статистический релиз Федресурса URL: https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%202025%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения 09.04.2026).

363. Реестр дисквалифицированных лиц URL: https://bankrot.fedresurs.ru/disqualificants (дата обращения: 09.04.2026).

364. Сервис выбора типового устава для ООО URL: https://service.nalog.ru/statute/ (дата обращения 19.04.2026).

IX. Интернет-ресурсы

365. Официальный сайт ФНС URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11823746/ (дата обращения: 17.07.2025).

366. Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации URL: http://duma.gov.ru/ (дата обращения: 05.08.2025).

367. Официальный сайт Правительства Российской Федерации URL: http://government.ru/ (дата обращения: 10.06.2025).

368. Официальный сайт Президента Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 08.06.2025).

369. Официальный сайт ПАО «Газпром» URL: https://www.gazprom.ru/ (дата обращения 14.07.2025).

370. Официальный сайт ПАО «ЛУКОЙЛ» URL: https://lukoil.ru/ (дата обращения 14.07.2025).

371. Официальный сайт ПАО «Сбербанк» URL: https://www.sberbank.com/ru (дата обращения 14.07.2025).

372. Официальный сайт ПАО «ВТБ» URL: https://www.vtb.ru/ (дата обращения 14.07.2025).